С. ЛЕСИНСКАЯ

ПОВЕСТЬ О МАЛЕНЬКОМ СТРАДАЛЬЦЕ

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ГЕОРГИЯ

1957

Книга эта посвящается

внукам и внучкам

семьи Никитиных

Все права, включая переводы,
сохранены за издательством.
Copyright by
St. Georg-Bruderschaft, München 27, Postfach 49

С. ЛЕСИНСКАЯ

ПОВЕСТЬ
О МАЛЕНЬКОМ СТРАДАЛЬЦЕ

ИЗДАНИЕ
Братства святого Георгия для национально-патриотического просвещения
МЮНХЕН
1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посвящая вам, дорогие дети, эту повесть, я преследую две цели.

Я хочу передать вам трогательную историю вашего старшего брата, умершего в раннем детстве, которого вы не знали, и хочу рассказать вам о нашей родине, такой, какой она была до революции, и о жизни русских эмигрантов в Югославии, в числе которых была и ваша семья, переселившаяся позже в Америку.

Вы узнаете из этой повести о золотом детстве ваших отцов, которое прошло в Малороссии, а также о религиозном русском народе, о том, как в торжественные дни Рождества Христова и Пасхи, и стар, и млад устремлялись в храмы Божьи, как блюли традиции дедов и прадедов своих...

Когда утвердилась в России чужеродная и преступная власть интернациональных заговорщиков — все изменилось. Дорогие русскому сердцу колокола умолкли... Сатанинская власть не только залила морем русской крови нашу родную землю, но и наложила цепи на душу нашу. Чтобы отвлечь молодежь от храмов Божьих в святые дни и ночи, звон колоколов был заменен бесовской музыкой и пляской...

Потянулись десятилетия тяжкого лихолетия, постигшего нас — явление, небывалое в истории человечества, — когда сотни тысяч лучших сынов и дочерей своего народа гибли в застенках от руки палачей, должны были томиться в тюрьмах и концентрационных лагерях в своей же собственной стране или пить горькую чашу изгнания и скитания по чужбине.

Прямым свидетельством этого долгого лихолетия может служить судьба вашей собственной семьи: прабабка ваша, не старой еще женщиной, покинула пределы родины, поселилась во Франции и там умерла, а вы, ее правнуки, все еще живете на чужбине, в Америке.

Вы не можете себе представить, каким тяжелым и тернистым путем шли ваши родные, чтобы спастись в те страшные годы от рабства и смерти, пока не достигли берегов свободной страны, воздухом которой и вы теперь дышите.

На этом тяжком пути нашей отрадой было то братское, доброе отношение к нам, русским изгнанникам, которое встретили мы в приютившей нас в то трагическое время Югославии. Теперь и эта милая нашему сердцу страна попала под власть того же преступного интернационала, который захватил Россию в 1917-ом году.

Все это произошло потому, что узурпаторами власти на Руси оказались служители дьявола, цель которого — погубить человечество, уничтожить его христианскую культуру, а в первую очередь — сокрушить Церковь, являющуюся «камнем преткновения» на пути сатаны к достижению его гнусных целей. Отсюда и гонения на христиан, разрушение церквей, убийства священнослужителей и воспитание молодежи в полном отрицании веры в Бога.

Беда наша, русского народа, оказалась в том, что мы не распознали своевременно настоящего лика надвинувшегося на нас врага, а когда кое-кто из нас спохватился, взялся за оружье, то было уже поздно, тем более, что так называемый «свободный мир» — союзники России по первой Мировой войне, не только не поддержали русский народ в борьбе с чужеродными узурпаторами, но, наоборот, подтолкнули его в пропасть... И теперь народы не хотят видеть, откуда исходит мировое зло, потворствуют ему и слушаются часто «плохих пастухов», толкающих и их в пропасть, на краю которой мир, увы, уже находится...

Мы, русские люди, хотя и живем на чужбине, имеем право гордиться тем, что мы — русские, ибо мы, первые, поняли природу того интернационального заговора, который поработил нашу страну, первые подняли против него оружье и все долгие годы нашего лихолетия не переставали твердить миру, в чем заключается опасность для чловечества. Мы также вправе гордиться тем, что несмотря на все усилия сатанинской власти истребить в нас наше национальное самосознание, нашу русскую «искру Божию», — это ей не удалось, и там, на еще далекой нам родной земле, наш народ по-прежнему верит в Бога и ведет упорную борьбу со своим врагом и, я верю, скоро выйдет из этой борьбы победителем.

Вот именно потому, что я так твердо верю в победу нашего народа, мне хотелось бы, чтобы вы прониклись сознанием, каким огромным сокровищем является с в о б о д а, с таким трудом завоеванная вашей семьей за долгие годы лихолетия.

Как необходим воздух для существования всякого живого организма, не только человека или животного, но и самой маленькой былинки, так необходима с в о б о д а для духовного и творческого развития Ч е л о в е к а, как перла творения Божия!

Над Россией забрезжит заря свободы... Тогда, дорогие дети, вы ступите на ее священную землю, землю отцов и дедов ваших...

И тогда помните всегда, что высшим благом человека на земле является с в о б о д а, и защищайте и охраняйте ее.

А в т о р

Нью Йорк, май 1957.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

С января 1920 года началось стихийное бегство русских людей, которые, бросая родные гнезда и имущество на произвол судьбы, стремились покинуть пределы своей родины. «Беги и не оглядывайся» стало лозунгом дня. У всех единственным желанием было попасть на поезд, уходящий на юг. Там порт.. там иностранные суда... там спасение.. Увы, это было почти несбыточной мечтой. Поезда были переполнены, набитые до отказа. Чтобы попасть в теплушку надо было обладать физической силой, слабых безжалостно выталкивали на платформу. В отчаянии люди облепляли крыши и буфера, рискуя ежеминутно свалиться под колеса поезда. О вещах и говорить нечего. Разъяренная толпа, при виде чемодана, начинала неистово кричать: — людей надо спасать в первую очередь, а не чемоданы. Русская революция выбрасывала лучших сынов родины из всех слоев общества. В отличие от французской, русская гнала богатого и бедного, высокообразованного и безграмотного, аристократа и серого мужика. Всех объединило одно общее несчастье, обрушившееся на их родину, которая теперь стала царством сатаны. Заработали палачи в застенках и обагрилась невинной кровью русская земля.

Началось гонение на церковь, ничем не отличающееся от гонений первых веков христианства. Часть духовенства, защищающая церковь от посягательства сатанинской власти, вместе с патриархом Тихоном приняла мученический венец из рук своих мучителей. Другая продала свою душу, соблазнившись материальными выгодами и высокими иерархическими положениями и стала служить сатане. Третья во главе с митрополитом Антонием эмигрировала и образовала Заграничную церковь, которая вместе с остальными православными церквами, находящимися вне пределов родины, должна была быть единой православной церковью, до тех пор пока Россия не освободится из под власти коммунистов.

Кошмарное путешествие в теплушках от Киева до Одессы продолжалось свыше трех недель за недостатком топлива. Измученные беженцы бросились в порт. На рейде стояли три последних английских судна, которые и приняли их. Никто не спрашивал, куда их повезут, не все ли равно, лишь бы подальше от этого ада. Уже в пути стало определяться кому и куда посчастливится попасть. Это зависело от количества людей, которых то, или иное правительство соглашалось принять. И как былинки, несомые ветром, разлетались русские люди во все стороны в поисках временной родины, пока своя, горячо любимая, истекающая кровью Русь не воскреснет для новой жизни...

Разоренная войной маленькая Сербия откликнулась на горе, постигшее ее старшую сестру и изъявила согласие принять около тридцати тысяч беженцев, что являлось тяжелым бременем для ее более чем скудного бюджета.

Тепло, радушно, с искренним участием к измученным людям отнеслись и правительство и население. Чувствовалось желание облегчить их положение и заставить забыть пережитые ими ужасы. И беженцы чутким сердцем поняли это и оценили. Они воспрянули духом, очутившись среди братьев-славян, родных по вере православной. Во всех отраслях государственного аппарата ощущался недостаток в людях, обладающих знанием и опытом, вот почему велика была радость правительства, когда оно убедилось в наличии таковых среди русских беженцев. Теперь перед русскими, жаждущими продуктивной работы, открывалось широкое поле деятельности, на котором они и начали работать, прилагая усилия, чтобы приютившую их страну восстановить в наикратчайший срок. Инженеры разных специальностей, не зная языка, без всяких затруднений поступали на государственную службу. Профессора получили доступ в университет и заняли вакантные кафедры. Русскими был создан топографический институт, где подготовлялся кадр молодых топографоф-сербов. Пожилое поколение нашло себе заработок в статистическом бюро, созданном, как шутя говорили, для этой цели.

Министерство народного просвещения дало разрешение на открытие русской гимназии, русских кадетских корпусов и институтов для девочек, где преподавали русские учителя и учительницы. Учебные заведения имели права наравне с государственными.

Что касается физических работ, то там отличились наши доблестные защитники последней цитадели — Крыма. Казаки и части регулярной кавалерии Белой армии Врангеля прокладывали новые железнодорожные пути и шоссейные дороги. Работали в горах, взрывая их динамитом, чтобы проложить тунели. Они же несли службу пограничной стражи на Албанской и Болгарской границах под начальством ген. Выграна. Так постепенно устраивались беженцы, честно зарабатывая свой насущный хлеб и принося пользу стране, которая их приняла. Само собой разумеется, что не всем в одинаковой мере удавалось найти подходящую работу и обеспечить семье достаточно средств к существованию. В этом отношении положение юристов было несравненно хуже, т. к. устраиваться по специальности они не могли. Законодательство было другое, да и кроме того, как быть адвокатом без языка! Было еще одно обстоятельство, отражавшееся неблагоприятно на благополучии русской семьи — это ее состав. Там, где не было стариков и малолетних детей, а все члены были трудоспособны — там все обстояло хорошо, т. к. все вносили свою долю заработка в общий бюджет. К сожалению не мало было и таких семей, где работал только отец, а мать принуждена была оставаться дома из-за детей. К числу таковых принадлежала семья Никитиных. Сергей Константинович Никитин, бывший мировой судья 38 лет и его жена Елизавета Васильевна 27 лет приехали в Сербию с двумя малолетними малышами, мальчиками — Николаем 8 лет и Андреем 6 лет.

Первые годы прошли в тяжелой борьбе за существование, т. к. Никитину не удавалось найти постоянной работы и единственным источником заработка явилось его сапожническое ремесло, которому он

научился у пленного чеха в первый год революции. Елизавета Васильевна несколько раз порывалась найти себе работу, но муж категорически противился этому, убеждая ее не оставлять детей одних на продолжительное время. Дети посещали русскую школу, открывшуюся в Земуне — бывшем австрийском городке на противоположном берегу Дуная. Там жили сперва Никитины, так как квартиры в Земуне были дешевле чем в Белграде. Русская колония была большая, и сербы предоставили ей маленькую, но уютную церковку, которая стояла в центре городского парка. Однажды Елизавета Васильевна в глубоком раздумьи шла по аллее парка, направляясь к церкви. Заметив, что публика прогуливается по дорожкам, а, следовательно, литургия еще не начиналась, Елизавета Васильевна подошла к скамейке, на которой сидели две молодые женщины. Это были сестры Колосовские.

Елизавета Васильевна не была с ними знакома. Веселой приветливой улыбкой встретили они Никитину, приглашая занять место рядом с ними, и сразу же забросали вопросами: где она живет, откуда приехала и из кого состоит семья. Елизавета Васильевна охотно удовлетворила их любопытство и тут же поделилась с ними своими материальными затруднениями. Выслушав ее внимательно, одна из сестер весело всплеснула руками.

— Вот хорошо, что мы встретились, я, кажется, смогу помочь вашей беде: и подрабатывать будете и детей не придется оставлять одних. — И она сообщила, что в Земун приехал опытный регент, которому поручено сформировать хор для местного сербского собора. Настоятель храма хочет привлечь своих пасомых пением русского хора.

— Вы вероятно знаете, — продолжала она, — что у сербов до сих пор сохранился монотонный распев песнопений, все поют в унисон. Наши же напевы ничего общего с сербскими не имеют и пользуются большим успехом у широкой публики. Созданием русского хора заинтересовался, также, инспектор Народного Банка Янкович, большой русофил. Регент поставил им единственное условие: хористы должны получать регулярное месячное жалование, в противном случае он за успех не ручается. Янкович — человек со средствами, а потому предложение регента было охотно принято. Я точно еще не знаю, но ходят слухи, что каждый хорист будет получать не меньше 100 динар основного жалования, т. к. требы, конечно, будут оплачиваться особо. Кроме того, милейший «чика Мита», как его называют русские, хочет пустить специальную тарелку в пользу хора, это будет «добавочный приход». Я уже туда поступила и вас непременно устрою, так как спевки по вечерам два раза в неделю, ну а в церковь вы конечно будете приводить ваших мальчиков.

В продолжении этого рассказа старшая сестра Муся, качала головой, улыбаясь, но не перебивая младшую-Аню. Когда та замолчала, Муся громко расхохоталась:

— Аничка, вот неугомонная, да ты же сперва спроси нашу милую собеседницу, поет ли она? — Озадаченная этим вопросом Аня, вскинула на Никитину свои большие карие глаза.

— Я пела в институте — ответила та нерешительно на ее немой вопрос, но не уверена, что смогу петь здесь, ведь в институте церковные службы сокращены.

Лицо Ани просияло. — Пела в институте и еще сомневается, конечно сумеете!

— Каким голосом пели? — продолжала она свой допрос.

— Альтом...

— Отлично, значит в моей партии, я очень рада, так как мне необходима помощница. Воображаю, как обрадуется Василий Николаевич, когда я приведу новенькую. Регент у нас замечательный человек, здесь ему равного нет. Как он тщательно разучивает каждую вещь! Он не успокоится, пока каждая партия не выучит ее на зубок и не возьмет правильно всех интервалов. Только тогда он начинает ее отделывать, указывая оттенки. Да впрочем, что тут долго разговаривать, сами скоро убедитесь, что я права, только чур не пугаться, когда он начнет кричать на хористов, это с ним часто случается, — рассмеялась она. Заметив нерешительность Никитиной, она добавила: — раздумывать нечего, ведь это даст вам приличный заработок, деньги на дороге не валяются. Сейчас еще есть свободные места, а пройдет неделька, другая, и состав пополнится, т. к. церковный совет определил число хористов в 15 человек, не больше. — Этот последний аргумент положил конец колебаниям Никитиной и она условилась встретиться со своей покровительницей на ближайшей спевке в церковном доме.

II

Слегка волнуясь, подходила Елизавета Васильевна к классной комнате, которая была предоставлена русскому хору для спевок. За дверью слышался громкий говор и смех, и когда Никитина появилась на пороге, хористы, предупрежденные Аней Колосовской о ее приходе, бросились к ней с приветствиями. Почти всех она знала и сразу почувствовала себя спокойно и уверенно.

— Идем знакомиться с «чикой Митой», — закричала Аня и, подхватив под руку Елизавету Васильевну, подвела ее к низенькому старику, сидящему на задней парте и наблюдающему с любопытством сцену встречи нового члена хора. Глаза его приветливо засветились, когда он, поспешно встав с своего места, крепко пожал руку подошедшей к нему новой хористке.

— Мило ми ie да смо се упознали са вама,*) — и в голосе его зазвучала душевная теплота. После первых слов приветствия он перешел на русский язык, которым владел свободно, но говорил с чуть заметным акцентом. Затем Елизавету Васильевну познакомили с регентом, который сидел у фисгармонии, раскладывая ноты для предстоящей спевки. Василий Николаевич Малышевский был высокого роста, худощавый господин средних лет. На его гладко выбритом продолговатом лице большие серые глаза казались холодными и неприветливыми, но только в первую минуту, а затем это впечатление исчезало, в особенности, когда он разражался громким смехом. Движения его были резкими и выдавали в нем военного, привыкшего командовать солдатами, что сперва сильно смущало женскую половину хора, но вскоре они его оценили по достоинству и, прощая ему все промахи «бон-тона», искренне его полюбили.

Проба голоса является только формальностью, главный-же вопрос Малышевского заключался в том, знает-ли хорист ноты и пел-ли раньше в церковном хоре. Так как Никитина удовлетворяла всем требова-

*) Рад, что мы с вами познакомились.

ниям, то и была принята без колебаний. Так зародилась маленькая хоровая семья, тесно спаянная узами дружбы и общими интересами, защитниками которых являлись Малышевский и меценат «чика Мита».

Никитина относилась добросовестно к своим обязанностям, аккуратно посещала спевки и никогда не пропускала богослужений. На все вызовы, касающиеся треб, она всегда охотно отзывалась; ведь это ей приносило лишний динар и Малышевский, входя в ее положение, в первую голову извещал ее и она, не взирая на холод, слякоть и ледяной дождь, бросала все и мчалась на вызов. Для того, чтобы доставить детям маленькую радость, можно было и потерпеть! Елизавета Васильевна искренне привязалась к своей менторше — Аничке Колосовской, с которой она делилась своими радостями и горестями. Аничка была ярким типом хохлушки. Шатенка, круглолицая с румянцем во всю щеку и плутовскими карими глазами. Среднего роста, толстенькая, она ходила немного выпячивая живот, при чем курьезно семенила ножками, когда бежала по дороге к церкви, боясь опоздать к началу. На спевках она часто смешила хористов, когда начинала отбивать такт своими толстенькими короткими пальцами по животу. Она не замечала, что те фыркали, так как была всецело поглощена одной мыслью, как бы не пропустить вступления или наоборот, не начать петь слишком рано, т. к. это могло вызвать гнев Малышевского. Дружна была Никитина и с Людочкой Малышевской — женой регента и Машенькой Ростовцевой и другими. Теноровая партия была представлена студентами, но их ментором был Федор Петрович Борщенко, которого все любили и жалели. Он был на 100% военный инвалид и надо было удивлятся, как он, несмотря на свои физические недостатки, сохранял бодрость духа, не поддавался унынию, шутил и всех приводил в веселое настроение. Он видел только одним глазом, руки его дрожали вследствие контузии, одна нога не действовала, и он принужден был передвигаться, опираясь на палку. Тем не менее, надо было видеть с какой быстротой он шел, нагруженный тяжелым портфелем с нотами. Его обязанностью являлось разложить на пюпитрах ноты в определенном порядке, чтобы никакой суеты на хорах не было. Малышевский раз навсегда заявил: — хорист должен петь, а не искать тропари, это не его дело — и действительно порядок и хоровая дисциплина были на высоте. Басы любили подшучивать над Борщенко, но он никогда не обижался, и всякий выпад с их стороны встречал незлобивой улыбкой. Как только начинались возгласы ектеньи оглашенных, Макаренко, бас, толкал Борщенко в бок и шептал: — Слышишь, изыдите оглашенные! — чего же ты стоишь, ты же оглашенный! — Тот только кротко улыбался: — Петр Иванович: — говорил он; — ну какой же я оглашенный! — Макаренко приходил в умиление и обнимал его за шею, если Малышевский смотрел в сторону.

Сама того не замечая, Елизавета Васильевна так втянулась в хоровую обстановку, что не представляла себе жизнь вне ее. Никаких развлечений она себе позволить не могла, как и ее подруги по хору, вот почему спевки были своего рода разнообразием в их монотонной жизни, как и требы. Правда, иногда приходилось довольно тяжело, когда под хлопьями мокрого снега, который тут-же таял и холодной струйкой проникал за воротник, надо было подыматься по скользкой дороге в гору перед катафалком. «Святый Боже. . .Святый крепкий. . .» тянут хористы задыхаясь, поминутно утопая по щиколотку в лужах.

Плохая обувь дает себя чувствовать, ноги уже мокрые, и холод пробегает по спине. Однако молодость берет свое, и трагическое положение им кажется комическим. Сопрано и альты начинают шептаться и фыркать, а мужчины стараются мимикой показать им свою готовность перенести их через лужи. Но всевидящее око Малышевского все замечает. Он строгим взглядом окидывает свое промокшее стадо и сквозь зубы шипит: — пойте и не делайте пауз, деньги даром получать нельзя. — За то какое удовольствие вернуться домой, сбросить мокрую одежду и обувь и, забравшись с ногами на диван, пить горячий чай. Ника и Андрюша усаживаются рядом и начинают расспрашивать, как было на похоронах, и Елизавета Васильевна в ярких красках описывает свое путешествие по лужам, конечно все в преувеличенном виде, что вызывает дружный хохот детей.

Сергей Константинович прислушивается к разговору и хмурится: — допрыгаешься ты по лужам — говорит он, — пока не схватишь воспаления легких, — на что Елизавета Васильевна отвечает беспечным смехом. — Болезней мы боялись в России, когда были нежными созданиями, а теперь мы закалились и ничего не боимся. — Летом случалась другая неприятность, когда приходилось шагать под палящим солнцем, утопая в серой пыли, которая проникала в горло, нос и глаза и заставляла чихать и кашлять, что приводило Малышевского в отчаяние. Но что было трогательнее всего, это то, что чика Мита считал своим долгом делить со своим любимым хором, как радости, так и тяготы жизни, и он храбро маршировал с Малышевским на всех похоронах и при всякой погоде.

Зима сменялась летом, лето зимой, не внося перемен в жизнь хористов, продолжавших маршировать по дороге, на которой каждый камешек им был знаком. Вот и сегодня они уныло бредут перед катафалком.

— Боже мой какая тоска! — шепчет Никитина Аничке: — сколько мы уже перехоронили людей, неужели-же так и будем вечно маршировать перед катафалком?

За ее спиной раздается саркастический смех Макаренко:

— А вы, дорогая, хотите поменяться местами? лежать с комфортом в катафалке, а чтобы другие маршировали? Благодарю покорно, меня лично такая перспектива не прельщает!

Тенора и басы громко фыркают. Быстрыми шагами к ним направляется Малышевский.

— Петь, а не разговаривать, — раздается его скрипучий голос, но встретив удивленные взгляды хористок, отходит, пожав плечами, снова к чике Мите.

— Аничка, как ты думаешь будут ли перемены к лучшему в нашей жизни? — не унимается Никитина.

— Перемены... к лучшему... — задумчиво протянула та: — но я не понимаю каких, собственно, ты хочешь перемен? Вернуться на родину, пока там сидят узурпаторы законной власти, мы не можем и мы должны только благодарить Бога за то, что Он нас спас от представителей сатанинской власти и что мы пользуемся сейчас свободой, как все цивилизованные народы. — Рыражение ее глаз стало задумчивым. — Я, лично, молю Бога об одном: чтобы он не отнял от нас дарованного Им блага, — добавила она.

— Что-же ты думаешь, неужели-же ты допускаешь мысль, что

большевики доберутся и сюда? — раздраженно спросила Елизавета Васильевна, — не беспокойся, этого никогда не случится.

— Дай Бог, — тихо прошептала Аня, напряженно всматриваясь вдаль, как будто уже видела грядущие грозные события... *)

Хор Малышевского завоевал первое место среди остальных белградских хоров, и чика Мита решил, что настало время показать свое детище широкой публике, устраивая турнэ по большим городам. Программа концертов должна была состоять из двух отделений: церковного и светского. Начались усиленные спевки, которые очень волновали хористов. Елизавета Васильевна, прибегая домой после спевки, рассказывала с оживлением мужу, какие вещи предполагается петь: помимо русских и украинских песен в программу вошли также произведения сербского композитора Мокранца. Сообщала она также, как волнуется Малышевский, и как чика Мита, сидя на задней парте с карандашем в руке, высчитывает, на какой сбор можно надеяться в том или ином городе, в зависимости от предоставляемого хору помещения. Организация была образцовая. Борисов — бас, специалист по этим делам, уезжал на несколько дней в тот город, где намечался концерт и открывал предварительную продажу билетов, поручив таковую верному человеку. Известное количество билетов раздавалось хористам для распространения среди знакомых. А как старался сам чика Мита! Он забрасывал билетами свой банк и не было чиновника, которого он не наградил бы таковым. Таким образом, в кассе оставалось небольшое количество билетов, которое и раскупалось в день концерта. При такой идеальной организации сбор был обеспечен и на долю хористов приходилось иногда до 200 дин. и больше.

Эти поездки были радостными экскурсиями для хористов. Сколько новых впечатлений, сколько волнений и переживаний! Вот они стоят перед освещенной рампой. Дамы в черных платьях — мужчины в темных костюмах. Ни одного движения, только сердца учащенно бьются... Огни потушены... Малышевский дает тон, и хористы, не спуская с него глаз, начинают петь. Последний аккорд замирает в воздухе, и взрыв бурных рукоплесканий и криков «бис» раздаются со всех сторон. Малышевский раскланивается, но публика не унимается и продолжает кричать бис. Подчиняясь желанию слушателей, Малышевский шепчет: — повторить. — Во время антракта чика Мита порхает среди рядов партера, прислушивается к критике публики и буквально сияет. Концерт окончен. Неохотно слушатели покидают зал, а возбужденные и опьяненные успехом хористы выскакивают гурьбой на тротуар, чтобы отправиться в лучшую «кафану», где им уже приготовлен ужин их чародеем, дорогим чикой Митой. На другой день карманы чики Миты наполнены вырезками из газет — рецензиями о концерте. Встретивши знакомого, он быстро вынимал одну из таковых и, подавая ее, спрашивал: — есте ли ви читали ово? — и пока тот пробе-

*) Печальная судьба постигла сестер Колосовских. Покидая Югославию в 1944 году, они попали в группу казаков, трагедия которых известна всему миру. Их мужья были вывезены в С.С.С.Р., а сестры живут в одном Швейцарском благотворительном убежище для престарелых.

гал глазами заметку, он не сводил с него глаз, стараясь угадать какое впечатление произвела рецензия.

Зато и любили же все Дмитрия Михайловича Янковича, а в особенности конечно хористы, на нужды которых он так чутко отзывался. В этом отношении Малышевский являлся достойным его помощником. Когда сбор с концерта не оправдывал их ожиданий, Малышевский, чтобы повысить долю хориста, отказывался от своей части, чего хористы даже и не знали. Каким подспорьем для Никитиных были эти деньги, которые в течение нескольких лет жили только на заработок Сергея Константиновича сапожным ремеслом! Правда, на короткое время им улыбнулось счастье. Никитину удалось устроиться в торговой автомобильной фирме, имеющей дела с Германией. Работа была чисто канцелярской в уютной кабинетной обстановке среди культурных сотрудников. К сожалению фирма, просуществовав три года после поступления Никитина, закрылась и отпустила служащих, выдав им двухмесячный оклад жалования. С тяжелым сердцем вернулся Никитин домой и грустно сказал жене: — Ну вот, мы опять у разбитого корыта. Принимайся, значит, снова за сапоги; одна надежда на Дмитрия Михайловича, авось он придумает что-нибудь для меня.

Говоря это, он и не предполагал, что его надежде суждено скоро сбыться. Как-то однажды,перед началом литургии,сидел чика Мита на своей излюбленной скамейке под развесистым каштаном и оживленно беседовал со своим любимым регентом. В то же время он нетерпеливо поглядывал на дорожку, ведущую к церкви, на которой должны были появиться хористы с парохода. Теперь почти все жили в Белграде, связанные со столицей или службой или учебным заведением. В числе таковых были и Никитины; они переехали в Белград из-за русской гимназии, которая перекочевала туда, и из-за службы в фирме. При первом ударе колокола группа хористов появилась на дорожке. Как пестрые бабочки, в летних ярких платьях запорхали сопрано и альты, весело переговариваясь и громко смеясь. За ними степенно выступали тенора и басы.

— Вот они! — срываясь со скамейки, произнес Янкович; как вы думаете, что нам скажет Елизавета Васильевна? —

— Известно что, — улыбаясь при виде его волнения, отозвался Малышевский: — несомненно будет несказанно обрадована. — Теперь все уже бежали к скамейке, чтобы приветствовать чику Миту и регента. Однако на этот раз Янкович поспешно подал всем руку и, поздоровавшись с Никитиной, шепнул; — отойдем в сторону, у меня есть для вас приятная новость.

— Новость... для меня... — повторила озадаченная Елизавета Васильевна.

— Да, для вас я, кажется, нашел возможность устроить вашего мужа на службу.

— На службу — опять как эхо повторила Никитина: — да неужели же такое счастье возможно?

Не отвечая на ее вопрос, Янкович продолжал: —

— У меня есть приятель — шеф гроблянского одсека. Он большой русофил и охотно принимает беженцев на службу. — Вынув из кармана письмо, адресованное на имя Николы Богдановича, он добавил: — отдайте это мужу, пусть он немедленно к нему отправится, я уже переговорил с ним.

Елизавета Васильевна взволнованно, со слезами на глазах, крепко пожала руку чики Миты и бросилась по крутой лестнице на хоры, на верхней ступеньке которой стояла Аня и делала ей нетерпеливые знаки рукой.

На другой день Сергей Константинович отправился в канцелярию Богдановича и был им принят с большой сердечностью. Здесь же работал и генерал С., которого Богданович очень любил и уважал за его твердые убеждения и патриотизм. По натуре порывистый и большой мечтатель, Богданович весь загорался, когда ген. С. развивал перед ним план освобождения России от большевиков и мечтал отправиться вместе с ним в поход.

К сожалению в настоящее время в канцелярии не было вакантного места и Богданович, извиняясь, предложил Никитину временную должность ночного сторожа, обещая при первой возможности перевести его в канцелярию. И слово он свое сдержал. Вскоре Никитин был назначен счетоводом. Работа ночного сторожа не была обременительной. Она заключалась в том, чтобы после закрытия кладбищенских ворот, обойти кладбище и убедиться, что никто не остался случайно или умышленно, с целью произвести кражу. Если подозрительного ничего не замечалось, можно было идти домой. Днем Никитин был свободен и подрабатывал починкой обуви.

Однажды Елизавета Васильевна изъявила желание сопровождать мужа в «ночной поход», на что тот охотно согласился. Ночь была темная, и так как фонари горели только вдоль главной аллеи, то как только Никитины свернули в боковую дорожку, их охватила полная тьма. Ярко выделялись только белые памятники, да в траве на подобие светляков, блестели мягким светом лампадки, горевшие в фонарях. Елизавете Васильевне стало жутко, и она теснее прижалась к мужу.

— Что, трусишь? — почувствовав ее движение, заметил весело Сергей Константинович. — Ты мне напоминаешь моего коллегу Иванова. Он мне категорически заявил, что без меня обходить кладбище не может, и когда мы отправляемся в дозор, он всегда берет меня под руку под предлогом слабого зрения, так как он боится споткнуться

— Смотри, смотри, что там в траве шевелится? — в ужасе перебила его Елизавета Васильевна.

С земли приподнялся человек в грязном изорванном костюме, в засаленной кепке на голове, в рваных туфлях на ногах. Он приветливо махнул рукой Никитину и улыбаясь во весь рот крикнул: — здраво, господине Коста! Како сте?

— Хвала на питанье, добро! — ответил Никитин в том-же фамильярном тоне.

— Кто это? — спросила Елизавета Васильевна, когда они отошли несколько шагов в сторону.

— Как кто? Мои коллеги, я их очень люблю. Это все простые люди, но сердечные и отзывчивые, готовые оказать мне услугу. Они особенно ценят мое отношение к ним, как к равным, несмотря на то, что они прекрасно понимают, что я в данное время выполняю работу не соответствующую моему образовательному цензу.

— Так вот какие у тебя коллеги, — смеялась теперь Елизавета Васильевна, оправившись от страха. Воображаю, как был бы шокиро-

ван нашь милейший председатель суда, встретив тебя в обществе этих почтенных людей.

Возвращаясь домой, они вспоминали былые дни, веселые обеды после заседаний, катание в санях на тройках...

—Да, все это было и ушло безвозвратно... Дети этой красивой жизни знать не будут... — И в голосе Елизаветы Васильевны прозвучала нотка сожалений и тоска по утраченному

III

Прошло 10 лет. Польза, которую принесли русские беженцы своими знаниями и опытом была очевидна. В течение этого времени Югославия окрепла и развилась во всех отношениях. Столица Белград стала неузнаваема: из турецкого городишки с низенькими домами и мостовой из грубых булыжников, по которой ходить и ездить было сплошным мученьем, она превратилась в культурный европейский центр с красивыми высокими зданиями, гладкой широкой мостовой и такими же тротуарами. Сербы не без основания стали называть свою столицу «маленьким Парижем». На главной улице Теразии возвышалась первоклассная гостинница «Москва»,снабженная модерным комфортом с большим рестораном в нижнем помещении, который всегда посещался деловыми людьми и иностранцами. Массивные здания различных министерств и центральная почта вызывали восхищение и удивление европейцев, приезжающих сюда из больших центров. Нарядная публика, одетая по последней парижской моде, сидела за столиками перед ресторанами или кондитерскими, ни в чем не уступающими европейским. Оперный театр был поставлен на должную высоту исключительно благодаря русским артистическим силам певцов и балета. Каждый театральный сезон давал новые оперы, о которых Белград не имел раньше понятия. А каким успехом пользовались русские рестораны и кавказские кабачки - «Казбеки»! Они всегда были битком набиты сербской публикой, которую привлекала, во-первых, прекрасная русская кухня, а, во-вторых, интересная программа,которая исполнялась любителями, а отнюдь не профессионалами. Цыганские песни... балалайки... девушки в сарафанах, грациозно исполняющие национальные танцы, хлопцы, буквально летающие по сцене в присядку — все это было ново, увлекательно и красочно!

Русская эмиграция потеряла теперь облик беженца, дрожащего перед грядущим днем, и почувствовала почву под ногами.

У нее был уже собственный дом, построенный на участке бывшего русского посольства, который являлся, в полном смысле слова, русским культурным очагом. В нем помещались мужская и женская гимназии, работающие в две смены, домовая церковь, небольшой театр, соколана, т.е., сокольский гимнастический зал, обширная библиотека и столовая. Тут же помещалась канцелярия Державной Комиссии, которая выдавала пособия, называвшиеся «разменом», так как беженцы должны были сдавать известное количество русских денег на ту сумму, которая им причиталась в динарах. Преимущественно вносились «керенки» и «колокольчики», выпущенные при добровольцах. Такими «разменами», размер которых зависел от состава семьи беженцев, пользовались первые годы все. Позднее пособия выдава-

лись только в экстренных случаях, но русские деньги уже не требовались.

На старом кладбище была построена церковь в честь Пресвятой Тройцы, почти рядом с грандиозным сербским собором Св. Марка, который был воздвигнут позже. На новом кладбище, в центре русских участков для усопших, была построена Иверская часовня, а напротив — усыпальница русских воинов, павших на сербской земле во время первой войны. Она была воздвигнута благодаря энергии генерала С., чья любовь к родине и жажда служить ей до последнего издыхания были безграничны. Благодаря пожертвованиям сочувствующих этому святому делу, как русских, так и сербов, удалось собрать кости воинов, рассеянные по полям битв, и перенести их к месту вечного успокоения в маленькую капеллу с горящими неугасимыми лампадами, осененную фигурой ангела, сделанной по проекту архитектора В.

Большим доверием и уважением среди сербского населения пользовались наши врачи, работавшие в амбулаториях Красного Креста. Ведь среди них были такие светила науки, как профессора Вербицкий, Новиков, Игнатовский! Центром же хирургической помощи был, несомненно, Панчевский госпиталь, основанный д-ром В. Левитским: слава о нем прогремела на всю Югославию. Д-р Левитский работал не жалея себя, окруженный такими же самоотверженными русскими женщинами-сестрами, и его чудесные операции спасли многих и многих, не только русских, но и сербов, которые всегда стремились попасть в его госпиталь, не жалея денег.

Окруженные любовью и уважением со стороны сербского патриарха — патриарха Варнавы — представители нашей Зарубежной Церкви были совершенно самостоятельны в управлении церковными делами, находясь в полном контакте с Сербской Церковью. Патриарх Варнава был воспитанником Московской духовной академии, любил всем сердцем Россию и страдал душой, что цитадель православия захвачена сатанинской властью. Часто в своих проповедях он говорил со слезами на глазах: — Братья и сестры! Никогда не забывайте той огромной жертвы, которую принесла Россия, начав войну для защиты своей младшей сестры от порабощения. Нет большей заслуги перед Богом, как душу свою положить за други своя, а она ее положила. Темные силы воспользовались войной, поработили ее прекрасный народ, отняв у него Помазанника Божия и насадив безбожную власть, которая разорила святые церкви и убила большое количество священнослужителей. Но будем надеяться, что Россия, с Божией помощью, сбросит цепи, сковавшие ее и станет снова сильной, на страх врагам и на радость маленьким странам, какой является и наша. Мы несомненно будем всегда нуждаться в ее покровительстве, будем же делать все зависящее от нас, чтобы облегчить положение наших единоверных братьев. Будьте особенно внимательны к русской молодежи — нашим будущим защитникам. — В таком же духе говорил и еп. Николай Охридский, ученый богослов и ярый противник безбожной советской власти. Он пользовался большим уважением и любовью среди русских беженцев.

Что касается русской молодежи, то ей жаловаться было не на что. Она была равноправным членом единой славянской семьи. Каждый год русские учебные заведения выпускали из своих стен юношей и девушек, говорящих прекрасно на своем родном языке и владеющих

в совершенстве государственным, что давало возможность поступать на любой факультет, и министерство народного просвещения отмечало исключительную способность и желание учиться у нашей молодежи, которая давала прекрасные кадры интеллектуальных работников.

Свято-Троицкая церковь, построенная общими усилиями, была особенно дорога сердцу беженца. Маленьким грибком казалась она рядом со своим величественным братом — собором Св.Марка, но в ней чувствовалось веяние прежней мощной России.

Направо при входе в церковь стоял гроб с телом последнего защитника родины — генерала Врангеля, а вокруг клиросов были установлены старые боевые знамена. Сколько здесь возжигалось трудовых свечей, сколько горячих молитв возносилось, сколько слез умиления проливалось, когда с амвона раздавалась проповедь великого подвижника и молитвенника, митрополита Анастасия, возглавлявшего Зарубежную Церковь по постановлению Собора епископов после кончины митрополита Антония. Законной церковной власти на родине, после кончины последнего патриарха Руси — патриарха Тихона — не существовало и поэтому православные епископы съезжались в маленький югославский городок Сремски Карловцы со всех концов Европы и даже из далекой Америки для обсуждения церковных дел. Этот городок являлся центром Зарубежной Церкви и в то-же время символом ее единства. Разрушить это единство являлось главной целью сатанинской власти и играя на слабых струнах человеческих сердец: корыстолюбии и честолюбии, она своего достигла ... Да, церковь являлась верным убежищем для страждущих беженских душ, вот почему и посещалась всеми регулярно, особенно в дни Великого поста. С первой недели и до последней церковь была полна говеющими.

Начиная со Страстного Четверга войти в церковь почти не было возможности и многим приходилось стоять на пороге. И вот, когда после чтения 12-ти Евангелий молящиеся с зажженными свечами расходились по домам, получалась полная иллюзия, что это происходит в Москве или в Киеве, когда не запрещалось скорбеть душой, вспоминая Страсти Господни или радоваться Его Воскресению.

А Светлая заутреня! Это ни с чем не сравнимое по красоте богослужение! С 11 часов вечера, когда на улицах не было уже ни души, начинали появляться русские, группами и в одиночку. Сдержанный гул голосов раздавался в весеннем воздухе. Ярко освещенная церковь наша, как блестящая звезда, выделялась на темном небосклоне. Дорога вела через старое кладбище, и так-как почва была неровная, вся изрытая, продвигаться по ней было не легко в темноте. То и дело вырывались из под ног комья земли или камни.

Вот идет молодая женщина с мальчиком-гимназистом, который несет узелок с куличем для освящения.

— Как чудесно, — шепчет мальчик — ты знаешь, мамочка, мне кажется, что мы первые христиане и пробираемся тайком в катакомбы. — Мать вздохнула.

— Нам это только кажется, а на нашей несчастной родине это горькая действительность. Там сейчас, как и в первые времена христианства, существует катакомбная церковь, в которой члены ее собираются для молитвы и совершают таинства с опасностью для жизни. Там церковный служитель, отказавшийся поносить имя Божье, подвергается

таким пыткам, которые по своей жестокости превосходят мучения первых христиан.

В воздухе торжественно прозвучал первый удар колокола, а через несколько минут весело зазвенели остальные.

— Поспешим, Петя, — хватая за руку сына, шепчет мать, — видишь, процессия уже выходит, — они почти бегом, перескакивая через препятствия, устремляются вперед.

Из широко открытых дверей церкви медленно попарно выходило духовенство во главе с митрополитом Анастасием. В освещении разноцветных фонариков и горящих свечей, белоснежные церковные одеяния и митры переливаются всеми цветами радуги.

— Воскресение Твое, Христе Спасе, ангелы поют на небесах... Эти слова отчетливо звучат в тихом воздухе и звонкие голоса хористов сливаются с звенящими колоколами в один могучий ликующий гимн — гимн торжества жизни над смертью.

— Христос Воскресе! — громко возглашает митрополит Анастасий, стоя перед закрытыми вратами.

— Христос Воскресе из мертвых — весело отвечает хор. Двери широко открываются и вслед за духовенством в церковь врывается толпа, которая вмиг заполняет все уголки храма. Начинается заутреня и на приветствие, многократно повторяемое митрополитом, толпа верующих, как один человек, отвечает: — Воистину Воскресе!

— Вот где истинное торжество православия! — шепчет в упоении старушка, и по морщинистым ее щекам текут слезы умиления.

Для тех, кто не мог войти в храм, служилась заутреня на открытом воздухе. Вокруг церкви располагались принесшие освящать куличи, которые стройными рядами возвышались на белых салфетках с горящей свечкой, воткнутой в верхушку и обложенные кругом разноцветными яйцами.

По окончании литургии Владыка христосуется с мирянами и вручает каждому красное яичко. Люди начинают расходиться, находясь под впечатлением всего пережитого в эти незабвенные часы...Небо на горизонте розовеет. Вот брызнули первые лучи восходящего дневного светила, прогоняя ночные тени. Все сразу оживилось; зашелестели листы на деревьях от дуновения легкого утреннего ветерка и весело защебетали проснувшиеся птички, как бы желая приобщиться к общей радости и вознести хвалу Творцу вселенной, Который принес в жертву своего Единородного Сына для спасения рода человеческого...

IV

Русские беженцы делились на отдельные кружки и при всяком удобном случае собирались дружной компанией повеселиться и отдохнуть душой в родной обстановке от повседневных забот. Само собой разумеется, что и хористы Малышевского очень любили подобные собрания и искали для этого подходящий предлог, в роде именин или дня рождения кого-нибудь из членов хора.

Сегодня день Марии Магдалины, день Ангела Машеньки Ростовцевой, которая, стоя на пороге своей маленькой квартиры,встречает дорогих гостей. Шум стоит невообразимый: сопрано и альты бросаются

на шею имениннице с поцелуями и пожеланиями, тенора и басы с букетами и коробками конфект выступают позади дам,почтительно целуют ручку Машеньки. Рядом с ней стоит улыбающийся Владимир Алексеевич, ее муж, солист-баритон, и приветливо приглашает занимать места за длинным столом, уставленным аппетитными закусками, которые Машенька приготовлять большая мастерица. Она с гордостью окидывает взором стол: она знает, что гости отдадут честь пирогу,который удался на славу. Гремя стульями, рассаживается с шумом веселая компания .. Мужчины разливают водку и пир начинается.

— За здоровье именинницы! — гремит голос Макаренки, и все руки тянутся к ней с бокалами. Машенька сияет. Склонив головку на бок и чуть-чуть прищурив свои продолговатые монгольского типа глаза, она еще раз окидывает критическим взором свой парадный стол и, повидимому, остается довольна. Ее чуть-чуть вздернутый носик придает пикантность ее улыбающемуся лицу, когда она благодарит гостей за трогательное к ней внимание и пожелания счастия. На короткое время воцаряется тишина. Слышен только звон бокалов, да стук вилок о тарелки. Но вот первый голод утолен. Веселые шутки и взрывы смеха раздаются то здесь, то там. — Петь, петь! — кричит Борщенко.

Теперь все взоры обращаются к Владимиру Алексеевичу. Он мастерски умел подбирать русские и украинские песни и составлять из них попурри. Все песни он запевал сам и его красивый баритон так и проникал в душу слушателей. Дисциплинированный хор, над которым доминировал сильный, но резкий по тембру голос Малышевского, подхватывал мелодию, и лилась, и лилась русская песня, переходя от грустного напева к плясовому.

— Русская родная песня... Сколько пробуждает она дорогих сердцу воспоминаний... Вот так и слушал бы ее бесконечно... — заявляет вдруг мечтательно Макаренко — Тем не менее существуют две, которых я не переношу

Все вопросительно взглянули на него.

— Не догадываетесь? Те, которые мы поем в угоду нашим сербским друзьям, считающим их перлами искусства, а именно песни о Стеньке Разине и о двенадцати разбойниках. Я пою их по приказу этого господина — он указал пальцем на Малышевского — и в то же время в моем сердце кипит негодование против самого себя, полковника царской армии, воспевающего удаль разбойников. Согласитесь сами, господа, что это мне как-то не к лицу. Это равносильно тому, если бы мы начали восхвалять деяния разбойников засевших в Кремле и проливающих невинную кровь в застенках ГПУ

Дружный хохот покрыл его слова.

— Все это так, тем не менее мы не можем их не петь, когда нас об этом просит чика Мита, это его огорчило бы, а обижать старика нам не приходится, конечно, — сухо заметил Малышевский.

— Кстати, о чике Мите — раздался с другого конца стола голос Александра Николаевича Борисова. Это был господин средних лет, высокий, стройный с правильными чертами лица, с красивыми бархатными глазами. Он был любимцем дамской половины хора и прозвище, которое дала ему Людмила Георгиевна Малышевсяая, — Сашакрасивый — осталось за ним навсегда. Тем не менее, он своим успехом не кичился, держал себя ровно со всеми, как настоящий джентль-

мен, не давая никому предпочтения... — Я вот ломаю голову, какой подарок мы ему преподнесем в этом году на «Славу» ?

— Что-нибудь русское, поищите пожалуйста... на вас одна надежда — послышались возгласы со всех сторон. Довольная улыбка промелькнула на губах Борисова. Он знал, что хор обратится к нему с этой просьбой, так-как кроме устройства концертов, на нем лежала обязанность подыскивать подарки для Янковича и для регента.

— Я уже кое-что присмотрел и если получу ваше одобрение, то немедлено приобрету эту вещь. —

— Что же это такое? — спросили с любопытством несколько человек.

— Серебрянный самовар! — с гордостью доложил Борисов.

— Браво, браво, отлично, покупайте — закричали со всех сторон.

— Все будет исполнено, как решило собрание — изящно наклонив голову, отозвался Борисов.

«Слава», о которой упомянул Борисов, являлась самым торжественным днем в жизни каждого серба, будь он богат или беден. Это не день Ангела какого-нибудь члена семьи, а день того Святого, когда по преданию, предки приняли христианство. Этот Святой является покровителем семьи из поколения в поколение. Этот день самый бедный серб старается отпраздновать как можно торжественнее. За несколько дней начинают к нему готовиться: печь, варить, жарить. В этот день двери для всех открыты. Совершенно незнакомый человек может войти и поздравить хозяина. Его вежливо приглашают сесть и будут угощать всем тем, чем полагается в этом случае, начиная с освященного «славского» калача: домашними печениями, вином, варением. Наконец подается чашечка черного кофе. Как только кофе выпито, гость должен благодарить за угощенье и ретироваться. Настоящий же пир начинался только вечером в кругу родственников и ближайших друзей, когда подавался полный обед с традиционным жаренным поросенком.

Продолжая оживленно беседовать, гости, разбившись на группы, заняли уютные уголки гостинной. Дамы, конечно, заговорили об успехах детей в гимназии, о хозяйственных затруднениях, а кое-кто, как например Аничка Колосовская, о полученных ею новых модных журналах, которые привели ее в негодование.

— Помилуйте, — говорила она, — ведь в прошлом году, как вы знаете, требовалась юбка до колен, а в этом чуть ли не со шлейфом. Просто одно разорение! — длинную укоротить ничего не стоит, а как можно удлинить ее?

При виде ее огорченного лица все расхохотались.

— А ты подбери под цвет другой материал и пришей, кто знает, может быть ты сделаешься законодательницей новой моды, — шутила Елизавета Васильевна.

— Так значит, Николай скоро уже студент, закончил прекрасно гимназию, не так ли? — услыхала она вопрос Малышевской.

— Да... задумчиво ответила Никитина; — и я положительно чувствую себя уже старухой. Просто стыдно вспоминать, как по приезде в Югославию, я возмущалась, когда подняли вопрос об открытии русских учебных заведений. — Как можно затевать такое сложное дело, когда мы через несколько месяцев вернемся на родину! — говорила я. — Впрочем, разве одна я так думала; большинство придерживалось того же мнения, а что мы видим теперь? Наша гимназия дала уже во-

семь выпусков юношей и девушек. Где наши малыши, которых мы привезли? Стоят на пороге университета, а мы все сидим здесь и конца не видно.

— Не волнуйтесь преждевременно — вмешалась в разговор хозяйка, — то, что мы вернемся домой, это несомненно, и если не с нашими малышами, то во всяком случае с внуками, а может быть. с правнуками, это будет зависеть от способностей наших детей, — и она так лукаво подмигнула, что вызвала смех у своих собеседниц. Елизавета Васильевна была далека от мысли, что ее подруга так близка к истине. В другом уголке молодежь, хористы и не хористы, обсуждала спортивные вопросы. Высказывались разные мнения относительно предстоящего состязания футбольных клубов: русского, душой которого был Николай Никитин, и одного из сербских, и шансов на победу. Затем вопрос коснулся о предстоящем сокольском слете в Праге.

— Относительно соколов не беспокойтесь, — говорил Коля Б. с воодушевлением, — ведь у нас Андрюша Никитин, он несомненно выйдет победителем из всех состязаний и будет увенчан лавровым венком, — и он посмотрел в сторону Елизаветы Васильевны, которая услыхав имя сына и догадавшись о чем идет разговор, смущенно улыбнулась: — вы всегда, Коля, преувеличиваете способности Андрюши.

— На самом же деле Коля был прав. Андрюша, поступив в сокольскую организацию десятилетним худеньким мальчиком, теперь был стройным, мускулистым юношей, который во всех состязаниях шел впереди товарищей. Елизавета Васильевна имела полное основание гордиться, как старшим сыном, имя которого не раз появлялось на столбцах газет, как победителя в футбольном состязании, так и младшим. Мужчины, почти все офицеры царской армии и Белого движения, воспользовавшись разрешением закурить папироски, остались сидеть у стола и погрузились в воспоминания о славных боях, участниками которых они были. Лихие атаки, прорывы неприятельского фронта, рискованные вылазки, легендарный Ледяной поход и много других полных драматизма приключений всплывали теперь перед их глазами. Каждому хотелось поделиться с товарищами по оружию тем, что пришлось пережить. Все говорили громко, перебивая друг друга. Кое-кто вскакивал с места и начинал возбужденно ходить по комнате. Оживление дошло до апогея; густой дым клубился над столом, лица были, как в тумане. Некоторые продолжали подливать вино и чокаться с соседом.

— Да, что и говорить, есть о чем вспоминать — воскликнул Макаренко. Возле него сидел старик генерал, начальник дивизии Ростовцева, который очень любил Владимира Алексеевича и изредка навещал его. Он сидел не вмешиваясь в разговор и, казалось, дремал. При последних словах Макаренка он встрепенулся и обвел сидящих за столом мутным взглядом.

— Так, так — проговорил он хриплым голосом, — прошлое вспоминаете, что-же, это дело хорошее, ведь только прошлое нам и осталось, — и губы его болезненно сжались. — Все отняли проклятые, но прошлого им не отнять, — прошептал он про себя. — Да, мы, русские, можем гордиться нашим прошлым, вряд-ли найдется еще другой народ, который сможет вписать в историю такие славные странички. — Затем, помолчав, — наше настоящее положение, я называю прозябанием. Мы на чужой земле и этим все сказано, хотя мы едим, пьем, ве-

селимся и даже работаем, но помочь нашей родине мы бессильны... А теперь я вас спрашиваю, и в голосе его прозвучала резкая нотка, — как же обстоит дело нашего будущего? Неужели же наша молодежь, которая только по наслышке будет знать о славном прошлом наших предков, обречена на вечное прозябание? Кто-же ей вернет родину, отнятую узурпаторами законной власти, кто даст ей возможность работать на пользу родины, кто ей вернет утраченное нами почетное место среди цивилизованных народов. Кто? Генерал в сильном возбуждении дрожал и сверлил каждого острым взглядом. Присутствующие смущенно молчали, переглядываясь и не зная, как реагировать на столь неожиданное выступление генерала.

— Ваше Превосходительство, — прорезал тишину звенящий голос Коли Б. — А для чего же существуют сокола? Дайте только нам время расправить крылья, и мы сами очистим родину от злодеев и станет она снова Русью православной на страх врагам и на радость тем, кто будет нуждаться в ее защите. — При первых же словах Коли лицо старика просияло и на глазах заблестели слезы.

— Утешил старика, утешил, — говорил он тяжело дыша и заключая юношу в объятия. — Теперь я могу спокойно умереть. Унося с собой воспоминание о прошлом, я сойду в могилу в полной уверенности, что при наличии такой славной молодежи, нашу родину ждет блестящее будущее.

— Все вздохнули облегченно, а Макаренко шепнул Коле на ухо: — спасибо брат, спас положение, утешил старика. —

— Ну а теперь на прощание давайте «гопака» — крикнул Борисов. При последних его словах на середину комнаты выпорхнула его жена Наташа и за ней Никитин. Эта пара всегда танцевала гопак и вызывала шумные одобрения со стороны гостей, которые награждали их бурными аплодисментами.

V

Иван Семенович Орловский занимал должность инженера на городской службе и, несмотря на то, что зарабатывал достаточно, вел очень скромный образ жизни — не пил, не курил и ютился в маленькой комнатушке. В тоже время он никогда не отказывал в помощи нуждающемуся, но делал это тайно, не афишируя своих добрых дел. В русском обществе он считался одним из самых образованных людей и за ним утвердилось очень меткое прозвище — «ходячая энциклопедия», так как не существовало вопроса, на который он не дал бы удовлетворительного ответа из любой научной отрасли. В области же генеалогии он не имел равного. Любой древний род он без запинок мог вывести от его первоисточника и до нынешних дней, причем имена сыпал на память, как из мешка. Но любимым его занятием была поэзия. Он написал и издал большое количество стихотворений, которые пользовались большой популярностью среди русской эмиграции. Тем не менее одиночество его тяготило, и единственной его радостью являлось общение, от времени до времени, с близкими ему по духу образованными людьми. Для этого он устраивал несколько раз в году вечеринки, на которые приглашались бывшие общественные деятели — представители юстиции, профессора а также литераторы и моло-

дежь в лице студентов, которую он очень любил. Что касается представительниц женского пола, то он к ним относился более чем равнодушно, но не смотря на это у него было несколько верных поклонниц, которым импонировала дружба с таким незаурядным человеком, и они трогательно его опекали и от времени до времени наводили порядок в его гардеробе. В дни же традиционных собраний они проявляли действительно удивительные организационные способности. С утра они принимались за уборку комнаты и так ловко расставляли в два ряда стулья и скамейки вокруг стола, что надо было только удивляться, как эта клетушка могла вместить такое количество людей. На этих вечеринках было всегда обильное угощение и выпивка — разливное море; сам он не пил, но любил угостить на славу. Конечно, и в приготовлении стола дамы приходили ему на помощь, проявляя свои кулинарные способности.

20-го января — день Св. Иоанна Крестителя — Орловский праздновал день своего Ангела. К 6-ти часам вечера комнатушка была уже набита до отказа. Пальто, шапки, шарфы — все это было свалено в одну кучу на постель, на которой поместилась молодежь, тесно прижавшись друг к другу. Всевозможные закуски, пироги, торты возбуждали аппетит гостей и хозяин, приветливо улыбаясь, начал уже наполнять рюмки живительной влагой. Закусывая, гости обменивались местными новостями, событиями на службе, в университете и в нашей церковной жизни. Настроение становилось приподнятое, и постепенно разговор перешел на тему, близкую сердцу этих заброшенных на чужбину людей, а именно: освобождение родины и будущее ее устройство. Были здесь и оптимисты, и пессимисты, но все — ярые патриоты, которые горели одним желанием — освободить родину от порабощения и помочь страдающему народу. Каждый отстаивал свою точку зрения с пеной у рта, не слушая возражений оппонента. Шум стоял невообразимый. Орловский не вмешивался в разговор, но внимательно следил за ходом споров, и на лице его было полное удовлетворение: он убеждался, что у его друзей бьется русское сердце. Большинство из гостей возлагало надежду на союзников, несмотря на то, что у всех было еще свежо воспоминание о вероломстве их по отношению к белым вождям, каковыми являлись Юденич, Колчак, Деникин и наконец генерал Врангель, защитник последней пяди русской земли — Крыма. Тем не менее оптимисты утверждали, что у союзников открылись глаза и теперь они понимают, что большевизм не является специфической русской болезнью, а распространяется на подобие моровой чумы и на Европу. — Им придется волей-неволей выступить на защиту своих государств и столкновение с С.С.С.Р. неминуемо — говорили они с убеждением. Молча прислушивался к спорам Гаврило Никитич Рыжко, заведующий какой-то начальной школы. Это был типичнейший хохол с вздернутым вверх тупым носом, с выдающимися скулами и маленькими серыми глазами. Он очень любил Орловского, который был для него в своем роде «непогрешимым папой.» Каждое слово, каждое мнение, выраженное Орловским являлось для него неоспоримым законом, и каждую мысль его он впитывал в себя, как какое-то откровение. Будучи по своему характеру робким и застенчивым, он обычно не вступал в пререкания, но с большим интересом выслушивал чужия мнения. Сейчас же под влиянием какой-то навязчивой мысли, он, воспользовавшись наступившей паузой, заговорил, смущенно

улыбаясь под устремленными на него любопытными и слегка насмешливыми взглядами.

— Я тоже так думаю, Иван Семенович, что без интервенции нам не обойтись — послышался его робкий голос, — но главным вопросом является, с какой стороны войти в Россию, и я пришел к определенному заключению, что надо отрезать нашу житницу- Малороссию от остальной России, что будет грозить большевикам неминуемым голодом. — Заметив, что кто-то хочет ему возражать, он поспешно продолжал, — не думайте, пожалуйста, что я сепаратист и хочу видеть освобожденной только Малороссию. Нет, она явится только первым этапом, а оттуда мы двинемся дальше прямо на Москву и свернем голову убийцам нашего царя.

Теперь голос его окреп и робость исчезла. Громкие аплодисменты, раздавшиеся со всех сторон, были ответом на его слова. Ободренный всеобщим сочувствием, Рыжко продолжал: — от союзников не потребуется много живой силы, ведь с ними пойдут наши добровольцы, которые сейчас изнывают от бездействия и ждут не дождутся того момента, когда им представится наконец возможность отомстить поработителям родины. Когда же они вступят на родную землю, то население встретит их, как своих избавителей, станет вливаться в их ряды, и этот могучий поток, сокрушая на своем пути красные заставы, докатится до Москвы, в которую войдет национальная армия под звон колоколов.

— Браво, браво! — раздалось со всех сторон.

— Так, так, вашими устами да мед пить, —подхватил молодой инженер, которому покровительствовал Орловский, — союзникам национальная Россия не только не нужна, но даже опасна, вот почему они не будут содействовать ее восстановлению, а, наоборот, всячески этому препятствовать. В своем ослеплении они будут поддерживать большевиков, которые являются врагами всего свободного мира.

— Каким образом? —послышалось несколько голосов.

— Торговлей — спокойно ответил он. — Ведь, казалось бы, чего проще: объявить экономический бойкот; это для большевиков было бы куда страшнее, чем потеря Украины, — расхохотался он. — Тут отрежем Украину, а на север поплывут к ним иностранные торговые суда с консервами и другими продуктами. При таких условиях борьба с ними нам не под силу. Большинство государств уже поддерживает с ними дипломатические отношения, вот и Америка следует их примеру. Никому нет дела, что народ гибнет и что правительство держится террором. Важно торговать и набивать карманы. Деньги кровью не пахнут...

— Значит, выходит так. Раньше возмущались, когда немцы говорили: Deutschland, Deutschland über Alles!, а теперь союзники говорят: Handel, Handel über Alles! — и ничего, никто не возмущается! Напротив, все считают это вполне естественным! Как изменились понятия!

Это умозаключение вырвалось у Сергея Константиновича так комично, что все разразились громким хохотом.

— И подумать только, что единственной страной,которая противится признать С.С.С.Р., является маленькая наша Югославия. Она не хочет даже допустить торговое представительство, а об обмене по-

слами и речи быть не может! — с гордостью в голосе заявила одна из дам.

— Вопрос, долго ли она сможет выдержать. Ведь на нее нажимают не только великие державы, но и члены Малой Антанты, —отозвался снова молодой инженер.

80-тилетний становой пристав, тоже ярый поклонник Орловского, не пропускал ни одного собрания у него. Так было и сегодня. Он сидел в уголке в своей неизменной серой поддевке и что-то жевал своим беззубым ртом. Он был почти глухой и не вмешивался в разговор, но громко сказанные фразы долетали до его слуха и он понимал о чем идут оживленные дебаты.

— Конечно, союзники не понимают, что им угрожает наша участь, ведь большевики уже проникли в Европу и начали свою подрывную работу — зашепелявил он. — Вот взять для примера хотя бы меня. Я написал письма нескольким главам государств с предложением своих услуг. Я им гарантировал, что очищу государство от опасных элементов и будут они спать спокойно. — Он замолчал и поник головой. При первых же его словах Николай, Андрей и Коля Б. окружили его тесным кольцом. — Ну и что же? Вы получили приглашение? В какую страну? — заговорили они все разом.

Тот поднял на них мутный взор выцветших глаз и пожевав бледными губами с горечью сказал: — нет, никто не отвечает, не понимают, от каких услуг отказываются. Ну, что-же, подождем, когда я буду нужен моей родине; там меня оценят по заслугам.. — и он гордо поднял голову под громкий хохот молодежи.

Павел Платонович Горянский, киевский адвокат, сидел в центре стола и с аппетитом закусывал, пропуская рюмашку за рюмашкой и приглашая соседей следовать его примеру. На первый взгляд казалось, что он никакого внимания на окружающих не обращает. Но это было не так. Он внимательно прислушивался к спорам, иногда одобрительно качал головой, а иногда на его губах скользила ироническая улыбка.

Горянский был самой колоритной фигурой среди присутствующих. Росту выше среднего, крупной комплекции, с гордо посаженной на широких плечах породистой головой. Густая копна серебристых, чуть-чуть волнистых волос обрамляла его голову и представляла резкий контраст с его живыми карими глазами, не утратившими молодого блеска. Он весь был олицетворением беспредельной энергии, которую, к сожалению, не было куда расходовать и она выливалась у него в громоподобных речах, когда для этого представлялся удобный случай. Он твердо верил в воскресение России и это было всегда его излюбленной темой. Обычно он давал возможность всем выразить свое мнение и когда он убеждался, что никто больше ничего нового не скажет, тогда только он вставал и сильно жестикулируя начинал вдохновенную речь. Так было и теперь. Поднявшись с места и приняв свою обычную позу, он начал говорить, сперва тихо,но вскоре забыл окружающую его обстановку. Он видел себя в большом зале перед многочисленной аудиторией и так повысил голос, что стекла зазвенели. Своим громовым голосом он заполнил комнатушку и барабанные перепонки гостей стали страдать. Тем не менее, никто его не перебивал; все слушали, затаив дыхание, с большим интересом. В его речи не было ни фантастических планов, ни проектов, и тем не менее он

заражал слушателей своей непоколебимой верой в возрождение России, в восстановление православной церкви в омытой страданиями народа стране и в культурный прогресс его родины. Когда он закончил говорить его приветствовали криками одобрения и аплодисментами.

Политические разговоры сменились выступлениями Орловского, как поэта. Он долго отнекивался, но студенты настаивали и он, наконец, уступил их просьбам. Взяв небольшой томик изданных стихотворений, он начал читать, сперва робко, но заметив на лицах своих молодых слушателей неподдельный интерес, продолжал читать все более и более воодушевляясь. После него, литератор Э. продекламировал несколько классических вещей, в том числе монолог «скупого рыцаря» и письмо Курбского к Иоанну Грозному, за что гости его тепло благодарили.

Было уже поздно, когда публика с сожалением стала покидать теплую комнатушку, в которой она провела столько приятных часов.

На пороге все остановились в изумлении. За несколько часов выпало так много снега, что все дороги замело.

— Как же мы пойдем! — закричали дамы, — ведь провалимся в снегу по пояс!

— Не беспокойтесь, — зазвенел голос Андрюши, — мы вмиг проложим вам дорогу. — Взявшись за руки, юноши ринулись вперед, так энергично разбрасывая снег ногами, что комья летели во все стороны, обсыпая всех снежной пылью.

— Как приятно вдыхать свежий зимний воздух после пребывания в душной комнате, — воскликнул Горянский, идя рядом с Никитиным. Потом, вдруг вспомнив, закричал во все горло: так значит: Handel, Handel über Alles! — Как это ты удачно сказал, пан судья! — и он тут же, среди улицы, заключил Никитина в объятия.

VI

Недалеко от городского кладбища в глубине небольшого двора стоял одноэтажный домик. Посреди двора сербская «чесма» — колодезь. Нигде ни души, только красивый петух важно расхаживает, останавливаясь по временам перед дверью. Переступая с ноги на ногу, он вытягивает шею и прислушивается. Он явно недоумевает, что означает эта необычайная тишина и почему на пороге не появляется маленькая женщина в белом платочке, которая всегда бросает вкусные кукурузные зерна. Простояв несколько минут в нерешительности, он снова начинает важно шагать, бросая по временам свое сердитое «ку-ку-реку». В окна низенькой комнаты заглянул луч солнца и заиграл на розовых ситцевых занавесках. На широкой кровати с высоко взбитой периной, среди больших подушек, лежала молодая женщина необычайной красоты. Небольшая головка, обрамленная густыми каштановыми волосами; овальное личико с красиво очерченным небольшим носом; брови,как две тонкие дуги и густые ресницы вокруг полуоткрытых глаз. Казалось, что она спала или находилась в полузабытьи, так-как грудь ее равномерно подымалась и опускалась. По временам она шевелила губами и тогда обнаруживались два ряда зубов, белых и ровных, как жемчужины. В глубине комнаты скрипну-

ла дверь и на пороге появилась небольшого роста женщина, лет 40-ка, в сером ситцевом платье, подвязанном передником и в белом платочке на голове. Она казалась старше своих лет, так-как физический труд наложил на нее свой отпечаток. Лицо ее было покрыто морщинами, глаза глубоко запали в орбитах и кожа на руках была грубая и шероховатая. Сильно прихрамывая на одну ногу, она бесшумно подошла к кровати и с тревогой бросила взгляд на лежащую без движения молодую женщину.

— Ну, как ты себя чувствуешь, милая моя доченька? — заговорила она почти шепотом по сербски и не дождавшись ответа продолжала с гордостью: — а малыш хоть куда, знай, спит себе и никаких. Значит здоров.

Легкий вздох вырвался из груди дочери. Как бы не расслышав вопроса матери, она с нетерпением спросила: — Никола еще не приходил?

— Ну, еще бы, так вот и прибежит ни свет, ни заря, — с притворной иронией отозвалась та, в то время, как сердце ее заныло от жалости к дочери и она тут же добавила с нежностью в голосе: — ты прекрасно знаешь, что он рвется сюда; вот так и прилетел бы, да крылья подрезаны. Не забывай, что тайну вашу он от своих скрывает.

— Мамо, мамо, — с болью вырвалось у молодой женщины, — неужели же нам суждено вечно скрывать свою любовь? Чем же мы виноваты, что судьба нас столкнула на жизненном пути и мы полюбили друг друга. Ты же помнишь, — продолжала она в сильном волнении,— как мне, маленькой девочке,сказала однажды цыганка: твой суженый придет из-за моря. Как я тогда смеялась. Ведь я не имела понятия о существовании великой страны России и думала, что весь мир заключается в маленькой Сербии с нашим милым градом Белградом. Как могла это знать цыганка, когда в то время никому и в голову не могло придти, что русским людям придется искать убежища в нашей бедной стране, чтобы спасти детей от грозящей им гибели. Таким то мальчиком пришел и мой Никола, — добавила она с нежностью. Помолчав немного, она приподнялась и опершись на локоть продолжала: — все-таки, я не могу понять, почему Никола и теперь не хочет сказать правды родителям, когда мы перед Богом муж и жена. Когда я ему сказала, что жду ребенка, он мне ответил: — не беспокойся, Анна, все уладится, только бы родился мальчик, мама девочек не признает, — и Анна при этих словах невольно улыбнулась. — Посмотрим, что он скажет, когда узнает, что желание его исполнилось.

Мать печально покачала головой. — Да, это правда, что вы — законные муж и жена перед Богом, но не перед людьми. Кто знает о вашем браке? Только наши ближайшие соседи, тогда как Николу в русском обществе считают холостым. А все это она виновата, твоя любимая тетка Роза, — с необычайной для нее горячностью продолжала мать. — Я всегда была против тайного брака, так-как твердо верю, что без родительского благословения... — она вдруг спохватилась и не договорила своей мысли, бросив испуганный взгляд в сторону дочери, но та, казалось, не расслышала ее слов. Помолчав немного, мать продолжала, — Роза всегда была мастерица заводить любовные интрижки, а теперь на старости лет покровительствует парочкам, а как я противилась твоим встречам с Николой, но кто меня деревенщину слушал.

— Может быть ты и права, — задумчиво отозвалась Анна, — у меня на душе так тяжело; давит меня предчувствие чего-то страшного, неизбежного; отлетела от меня беззаботная радость жизни, ничто меня уже не интересует, ничто не веселит. Вот ты говоришь, что ребеночек здоров, а у меня какой-то необъяснимый страх в душе, будто с ним что-то должно случиться. А всему виной глупые бабские гаданья. Однажды мне взгрустнулось, оттого что Никола несколько дней подряд не показывался у нас, и я, чтобы немного рассеяться, пошла к подруге. Там я застала большое общество наших девушек, которые сидели вокруг незнакомой женщины. Она раскладывала карты и я догадалась, что это была гадалка. Я молча села поодаль. Я никаких вопросов ей не задавала, и она казалось не заметила моего прихода. Удовлетворив подруг, она собрала деньги, которые от них получила за гаданье и, встав с места, направилась к выходу. Вдруг она резко повернулась и пристально взглянула на меня, — а тебя, красотка, очень опечалит твой первый ребенок, — неожиданно промолвила она и покинула комнату. И с тех пор я не имею покоя ни днем, ни ночью. Проснусь и сон бежит от глаз, все ломаю голову над ее словами — чем же ребенок может меня опечалить, ведь Бог послал его нам на радость, не так ли, мама? — спросила она робко.

— Я думаю, что ты совсем еще глупенькая, если веришь всякой гадалке, — сердито ответила та. — Вот я его сейчас принесу и ты сама убедишься в том, что ребенок совершенно здоров, весь в отца, — и лукаво подмигнув дочери, она исчезла за дверью. Через несколько минут она вернулась, держа в руках новорожденного, завернутого в голубое одеяльце и молча опустила его на кровать. Быстрым движением Анна прижала его к груди, крупные слезы покатились из ее глаз и упали на личико ребенка. — Золото мое, ну чем же ты можешь меня огорчить, или кто может тебя отнять у меня, — шептала она в отчаянии, покрывая его головку страстными поцелуями. В этот момент дверь с шумом открылась и в комнату вбежал молодой человек так стремительно, что чуть было не сбил с ног «бабу Кату», как называли соседи мать Анны. — Эво га! — расплылась в широкую улыбку та, и, приветливо кивнув головой, исчезла за дверью.

Вошедший молодой человек был стройным юношей с правильными чертами лица, веселыми карими глазами и густыми каштановыми волосами, зачесанными назад, как это было в моде у сербских и русских студентов. В первую минуту он приостановился среди полутемной комнаты, так как солнечные лучи, которые заливали дворик, ослепили его, затем он бросился к кровати. — Что с тобой, Анна, разве ты больна? Что у тебя болит? — Заговорил он быстро. И не дав ей возможности ответить, продолжал: — а это что такое? — И он указал на маленький голубой сверток. Не замечая широко открытых глаз Анны, в которых отражались одновременно и изумление и огорчение, он продолжал, — впрочем понимаю, тебе стало скучно лежать в кровати, вот ты и попросила маму снять с чердака твою большую куклу, не так ли? — Теперь в глазах Анны отразилось снисхождение взрослой к неразумному ребенку. — Кукла — прошептала она, — о Никола, как можешь ты называть нашего первенца куклой, ведь это наш сын, которого мы ждали. Неужели же ты об этом забыл?

— Как, уже? Я не думал, что это будет так скоро, — растерялся Николай.

— Ну, покажи мне его, — и он торопливо наклонился над ребенком. Увидав сморщенное личико новорожденного, он удивленно и разочарованно взглянул на Анну. — И этот комочек мяса — наш сын? Он совсем некрасивый.

Анна улыбнулась. — Этот комочек скоро станет чудным мальчиком, вот увидишь, и я надеюсь, что тогда ты уже не будешь нас так часто покидать. У тебя теперь обязанности отца, не забывай этого, Никола, ты уже не можешь быть беззаботным холостяком, как прежде. И вот еще, что я хотела тебе сказать: я думаю, что наступило время, когда надо открыть нашу тайну твоим родителям. Ты же сам говорил, что твоя мама будет рада иметь внука.

Тень замешательства отразилась в глазах молодого человека. — Еще не настало время, Анна. Я должен подготовить моих родителей. Я не скрываю от тебя, что моя женитьба очень огорчит их. Не в смысле выбора моей суженой, — добавил он поспешно, заметив горькую улыбку на лице Анны, — но потому, что, по их мнению, я слишком молод. Ведь я только начинаю учиться в университете и хотя я и надеюсь на стипендию, которую предоставлю в твое полное распоряжение, а все же потребуется четыре года, а может быть и больше, пока я стану на ноги.

Опустив голову, слушала Анна. — Делай как знаешь, — прошептала она и залилась слезами. — Не беспокойся, Анна, за ребенка, — видя ее отчаяние, утешал ее Николай, — вот увидишь, как славно мы проживем мои студенческие годы; жду не дождусь осени, чтобы записаться на факультет, а летом буду отдыхать после гимназических экзаменов. — Его уверенность в благополучное разрешение их материального положения передалась и Анне, и она с улыбкой слушала его проекты относительно их будущей жизни, когда он станет самостоятельным человеком.

Улыбаясь во весь рот в комнату вошла кошачьей бесшумной походкой женщина лет пятидесяти, одетая в синюю юбку, собранную у пояса и белую блузку, рукава которой были обшиты оборочкой и доходили до локтей, обнаруживая полные руки. На ее толстых ногах были красные вязаные чулки и сербские «папучи» (туфли без задников). На черных с проседью волосах был кокетливо повязан красный платок. Щеки ее пылали и блестели, как будто их смазали жиром, а небольшие черные глаза добродушно, но в то же время пытливо окинули взглядом комнату, как будто ища кого-то, и затем остановились на молодой женщине. — Ну вот, Анна, дело улажено, куму нашла и со священником договорилась. В 4 часа кума зайдет сюда и мы обе с ребенком отправимся в церковь.

— А как же мы назовем его? Никола не выразил никакого определенного желания, как будто это его и не касается, — с горечью сказала молодая мать.

— А Никола приходил? — живо спросила женщина.

Анна пожала плечами. — Приходил, но вот тебе доказательство, как он много думает о том, что он женат и имеет ребенка. Я тебе сейчас расскажу, что случилось сегодня утром. Вбежав в комнату, он

бросился ко мне и заметив завернутого ребенка, высказал предположение, что мама принесла мне мою куклу, чтобы я не скучала в постели. Как тебе это нравится, тетка Роза? — спросила Анна с возмущением. — Ха-ха-ха, — залилась веселым смехом Роза и в изнеможении почти упала в стоявшее возле кровати кресло, причем от резкого движения ее широкая юбка поднялась и толстые ноги, стянутые под коленами круглой резинкой, заболтались в воздухе. Она захлебывалась от смеха и голова ее качалась из стороны в сторону.

— Очень нравится, Анна, очень, — наконец выговорила она, утирая слезы кончиком платка. — Узнаю моего Николу, так значит он принял нашего красавца за куклу? — и новый взрыв смеха потряс ее. — Нечего тебе огорчаться, Анна, — заговорила она наконец, успокоившись. — Я нисколько не удивлюсь, если он спросит, где ты нашла ребенка: в капусте или аист спустил его через дымоход. Я конечно говорю это в шутку, но ты не должна забывать одного, что он слишком молод; восемнадцатилетний мальчик еще ребенок и всякие обязательства ему чужды, во-вторых, он принадлежит к высшему русскому обществу, в котором дети воспитываются не так, как наши.

— Ты так говоришь, тетка Роза, как будто бы я старше его.

— По годам вы ровесники, а по жизненному опыту ты несомненно старше его, уже потому, что с восьмилетнего возраста знаешь, что такое нужда и работаешь, чтобы было что есть и во что одеться, бедная моя девочка, — и Роза с нежностью провела рукой по волнистым волосам молодой женщины. — Впрочем, и ему теперь придется призадуматься, как прокормить семью, а родителям примириться с мыслью, что сын их женат, — твердо сказала Роза.

— Он не хочет говорить своим родителям о нашем браке, — с запальчивостью подхватила Анна.

— Скажет, не беспокойся, а когда, это ему виднее, — тем же спокойным тоном продолжала Роза.

— Ну хорошо, мы вот заболтались, а как же, все-таки, мы назовем ребенка, — обратилась она к входящей в комнату бабе Кате.

— Может быть, Милорадом, — предложила та нерешительно. — Это любимое имя у сербов.

— Я ничего не имею против, — отозвалась Анна и устало откинулась на подушку.

— Значит, так и решено, — подтвердила Роза.

VII

Екатерина Милоевич осталась рано вдовой с единственным ребенком на руках — девочкой Анной пяти лет. Тяжелой поденной работой она добывала на свое пропитание, оставляя девочку одну дома, которая, полуголодная и слабо одетая, бегала по целым дням с такой же как она детворой. Однажды с Катериной случилось несчастье. Она шла с вязкой дров в руках от сарая к дому, в котором работала. Выпавший накануне дождь превратился в снег, и дорожка покрылась скользкой ледяной корой. Катерина поскользнулась и так неудачно упала, что сломала ногу. В тяжелом состоянии она была отвезена в городскую больницу, где помимо перелома кости было обнаружено у

нее воспаление легких. Проболела она больше месяца и вышла из больницы навсегда хромой.

По соседству с Милоевич жила молодая итальянка по имени Роза, которая, услыхав о несчастьи, постигшем бедную женщину, приняла живое участие в судьбе восьмилетнего ребенка. Она взяла девочку к себе и трогательно о ней заботилась, пока мать не вернулась из больницы. Так они познакомились и подружились и стали называть друг друга «кумой». Роза была старше, опытнее и энергичнее и представляла полную противоположность робкой и застенчивой Катерине, для которой она теперь сделалась незаменимой руководительницей на тяжелом жизненном пути. Постепенно воспитание девочки перешло в руки Розы, которая, замечая необычайную красоту Анны, начала строить воздушные замки относительно ее будущего. Она мечтала найти для нее сказочного принца, который и ее, Розу, обеспечит на старости лет и будет она жить при молодых в полном довольстве. Эту идею она внушила своей воспитаннице, которая очень рано впитала в себя уверенность в своей красоте и неотразимости. Роза ее баловала и ни в чем не отказывала. Потакая всем ее капризам, она одевала ее как куклу и водила ее очень часто в театр и в кинематограф. Несколько раз Катерина пыталась выразить свое порицание такому воспитанию дочери, но Роза всякий раз с досадой от нее отмахивалась и заявляла, что она лучше знает что принесет пользу девушке. Теперь она задалась целью проникнуть в русское общество, чтобы приводить туда Анну на вечера. Это отнюдь не представляло затруднения, так как сербская и русская молодежь свободно встречалась везде. На одном из таких вечеров и произошла роковая встреча двух детей, принесшая так много горя их родителям и им самим.

Роза приехала в Сербию из Италии четырнадцатилетней девочкой. Ее мать, вдова, обремененная многочисленным семейством, не в состоянии была прокормить детей скудным своим заработком на шелкопрядильной фабрике и отправила старшую дочку искать счастья в чужих краях. Вскоре Роза осталась сиротой и последняя связь с родиной оборвалась. В Сербии она быстро акклиматизировалась и работая прислугой в богатых домах, зарабатывала вполне достаточно, чтобы прокормиться и одеться. Ловкая и хитрая, как все итальянки, она умела оказывать услуги самого интимного характера представительницам высшего общества, сохраняя дискретно доверенные ей тайны. Одно время она даже работала в королевском дворце, о чем любила рассказывать своим друзьям.

Замуж она не вышла, и молодость с ее увлечениями и радостями пролетела незаметно. Теперь, к концу пятого десятка, она однажды заявила Катерине: — не хочу больше быть прислугой, хочу быть хозяйкой и пожить в свое удовольствие. — И намерение свое она привела в исполнение, приняв предложение одного сербского «чичи» (деда) жить с ним, как муж и жена, не выполнив никаких брачных формальностей. Старый дед, несмотря на свои семьдесят лет, был крепкий, как дуб. Высокого роста, немного сутуловатый, с крупными чертами лица и живым взглядом серых глаз, он производил впечатление далеко не старого человека. Это был типичнейший селяк, носивший зимой и летом подбитую бараньим мехом безрукавку сверх грязной рубашки и такие же штаны. Он служил «канделяром» на кладбище. В его обязанность входило поддерживать чистоту могилок

и возжигать лампадочки, которые горели в металлических фонарях со стеклянными дверцами. Чем больше таких могилок было на попечении канделяра, тем больше он зарабатывал. Чика Иван не мог пожаловаться: у него было такое большое количество могилок, что он вставал с рассветом и, захватив лопатку и метлу, шел обслуживать своих дорогих покойников, чтобы все было в порядке до прихода родственников.

Что касается Розы, то она оставалась дома и вела свое личное хозяйство. Однако, чтобы не лишиться совершенно заработка, она ходила изредка в богатые дома стирать белье, где помимо платы получала завтрак и обед с обязательным добавлением к нему рюмки «ракии», которая приводила ее в веселое настроение, и она начинала рассказывать о своих приключениях ранней молодости, чем доставляла большое удовольствие слушательницам. Кроме того она умела гадать по картам и на кофейной гуще. Гадала она своим клиенткам бесплатно, так что стирка белья являлась своего рода развлечением и ожидалась с нетерпением. Вообще же в Югославии гадание было очень распространено и почти в каждом доме можно было найти женщину, которая охотно удовлетворяла любопытство относительно вашего будущего. Профессионалки открыто принимали публику на дому и зачастую перед дверью убогого домишки останавливались экипажи, из которых выходили элегантные дамы и, робко озираясь вокруг, исчезали за дверью.

Для гадания на кофейной гуще надо было принести несколько ложечек кофе и сахара, который тут же варился в кастрюльке с длинной деревянной ручкой. Через несколько минут кофе было готово и клиентка должна была его выпить. Гадалка же опрокидывала чашку на блюдце и затем быстро ее поднимала. На стенках чашки в самых причудливых узорах распределялась кофейная гуща. Тут-то ее фантазия начинала работать. И прошлое, и настоящее, и будущее, все запечатлевалось на магической чашечке, а молодая женщина, сидящая визави гадалки, напряженно слушала с полным доверием, стараясь запомнить каждое слово и уходила домой или в радужном настроении, или опечаленная. .

Случалось, что у деда Ивана было так много работы, что он сам не мог справиться и тогда он просил Розу пойти с ним на кладбище и помочь ему убрать могилки. Сербское кладбище резко отличается от европейского с его прекрасными памятниками и длинными аллеями, обсаженными подстриженными деревьями: там в полном смысле этого слова царство мертвых, где редко встретишь живое существо или услышишь живую речь. Сербское же кладбище живет и тесная связь живых с умершими никогда не порывается, а, напротив, трогательно поддерживается. Ворота кладбища открываются рано и жизнь закипает немедленно. Целая толпа канделяров и канделярок устремляется к своим могилкам с лопатками и метлами. По дорожкам пробегают дети с букетами цветов, зорко вглядываясь в надписи на крестах. Вот в воздухе раздаются равномерные удары колокола, извещающего о приближении катафалка. Он въезжает в ворота, предшествуемый священником. За катафалком беспорядочной толпой движутся родственники, и вся процессия направляется к свеже-вырытой могиле... Откуда-то вдруг разносится в чистом воздухе монотонное причитание молодой матери на могилке ребенка. Из глубины истер-

занного сердца льются и льются слова, в которых она трогательно передает историю своего кратковременного счастья. Сколько любви и нежности она вкладывает в эти слова, и какое отчаяние звучит в них, что мечта ее увидеть сына или дочь взрослыми, опорой в старости — разбита! Она припадает к земле, орошая ее слезами и стонет и стонет, как голубка. Ее слова больно отдаются в сердцах таких же осиротевших матерей, и они, смахивая слезы, застилающие им глаза, торопливо наклоняются над могилками и с еще большим рвением принимаются за работу.

Несколько раз в году бывают большие поминовения умерших, когда буквально весь город устремляется на кладбище с раннего утра. Трамваи подходят переполненные публикой. У всех в руках корзинки с провизией, а если это на фоминой неделе, то берут с собой красные яйца, чтобы похристосоваться с дорогими покойниками. Прежде чем войти в ворота, публика направляется к ряду серенькых лавчонок, который тянется от ворот до следующей улицы: Св. Николая. Здесь продаются цветы в таком изобилии и разнообразии, что глаза разбегаются. Вот чудные розы, еще не распустившиеся, на лепестках которых дрожат капельки росы. Белые лилии горделиво подымают головы и насыщают своим пряным ароматом воздух. Красные как кровь гвоздики привлекают к себе невольно взор, а голубые гортензии, а красные пионы, а крупные незабудки, которые имеют такой успех у публики! Нагрузившись цветами толпа расходится по дорожкам кладбища по всем направлениям. Сперва служат панихиды на могилках и священники еле успевают удовлетворить всех желающих помолиться за упокой души своих близких. Только после того, как священник благословит могилку, родственники усаживаются тут же на земле и раскладывают привезенные яства на белых салфетках. Над кладбищем стоит несмолкаемый гул. Шныряют цыганки и всякого рода попрошайки. Они останавливаются и терпеливо ждут, пока на них обратят внимание. Получив кусок пирога, они набожно крестятся за упокой души усопшего и отходят к другой могиле...

Немало перепадало и деду в эти дни. Для этих случаев у него был специальный мешок, который он подвязывал внутри штанов и опускал туда все, что ему давали, как в бездонную бочку. После таких удачных «сборов» Роза целую неделю могла не готовить обеда и приглашала к себе Катерину и Анну на обильный пир. Существовала наивная, но трогательная легенда о том, что души покойников получают разрешение являться родственникам один раз в году, а именно в ночь под Вознесение. В эту ночь ворота кладбища не закрывались. Жаждущие увидеть тень покойника сидели терпеливо на могилках и ждали. Случалось, что какая-нибудь экзальтированная женщина утверждала, что она ясно видела тень умершего и тогда остальные, которым не удалось видеть того, чего видеть нам не дано, расходились по домам с твердым убеждением, что на следующий год может быть они будут иметь это счастье.

VIII

Никитины с сыновьями жили в длинном одноэтажном здании, в котором каждая квартира состояла из большой комнаты и кухни и дверь из нее открывалась прямо во двор. Это были квартиры для

людей, располагающих ограниченными материальными средствами. Вдоль всего здания тянулся длинный деревянный помост, по которому и проходили жильцы к дверям своих квартир. В осеннее и зимнее время этот тротуар был мокрый, грязный и скользкий и часто нога срывалась и попадала в жидкую грязь, так как двор не был вымощен. Было холодное зимнее утро. По временам пролетали снежные пушинки и опускались на ветви большого орехового дерева, росшего перед окнами квартиры Никитиных. Резкий северяк задувал в щели окон и кухонной двери и в квартире было свежо.

Сергей Константинович мало изменился за эти десять лет. Он только чуть-чуть пополнел, да в темных волосах появились серебристые нити. Он был коротко подстрижен, лицо гладко выбритое с приветливыми карими глазами и с добродушной иронической улыбкой, которая таилась в уголках его губ. Одетый в рабочий костюм, сверх которого был повязан передник из грубого полотна, он сидел на низеньком табурете и уверенной рукой прибивал новую подошву. Он был попрежнему излюбленным русской публикой сапожником — ведь он творил положительно чудеса. Приносили ему всякую рвань, которую ни один профессиональный сапожник не взялся бы чинить, а сердобольный Сергей Константинович, входя в тяжелое положение беженца, добросовестно чинил все, да как! Дамские туфельки, у которых целы были только носки, выходили из его рук бальной обувью. Не даром же одна его хорошая знакомая дала ему прозвище «святого сапожника».

Приятным тенорком он напевал свою любимую малороссийскую песню «да не мае гирш никому, як тий сиротини...» Он так увлекся своей работой и песней, что не обращал внимания на то, что жена ему не вторит. Обыкновенно стоило ему начать любую песню, как она подхватывала и так лились дуэт за дуэтом в дружной работе целыми часами. Они совершенно забывали окружающую их обстановку и видели себя в своей украинской усадьбе, опоясанной кустами сирени, в которых заливались соловьи.

Елизавета Васильевна была все та же. Ее подвижная нервная фигурка ничуть не изменилась и ее зеленоватые «глаза газели», как их называл Макаренко, были попрежнему так выразительны, что в них читалось каждое волнующее ее чувство. В это утро в них было чувство тревоги, которое она не могла никак подавить. Без всякой определенной цели она переходила из комнаты в кухню и обратно, брала какую-нибудь вещь и снова ставила ее на прежнее место. — Вот теперь мой дорогой Ника стоит уже перед профессором... как, вероятно, он, бедный, волнуется, — проносилось в ее мозгу, — а ведь это только первый экзамен, а сколько их еще впереди!..

— Ну, что же ты мне ничего не говоришь? — вдруг обрушилась она на мужа. — И без того неизвестность давит, а тут и поделиться не с кем: все молчишь да молчишь, — вырвался у нее горький упрек.

При последних словах жены Сергей Константинович поднял голову и улыбаясь, как всегда, своей добродушной улыбкой, укоризненно покачал головой: — Ах, Лизочка, Лизочка! Ну зачем ты портишь себе нервы, напрасно волнуясь? Мальчик прилежно занимался, подготовился, и нет никаких оснований предполагать плохой исход экзамена.

Под влиянием уверенного тона мужа Елизавета Васильевна сразу

успокоилась и сев рядом с ним спокойно заговорила: — Очень важно, что Ника любит свою специальность — агрономию. Повидимому, это у него уже в крови, — рассмеялась она; — помещиком ему, конечно, не бывать, а работая на чужой земле, может и будет полезен государству, которое даст ему возможность получить высшее образование. Ведь вот, — продолжала она, — оторвали мы деток от родной почвы и пересадили в другую, и глядь, принялись наши растеньица, ведь почва-то была родственная — славянская, православная. А сколько добра по отношению к эмиграции сделано королем Александром, и не учесть! Несмотря на это находятся люди, живущие в других странах, которые называют это отдачей долга России.

— В таком случае, — с живостью перебил жену Сергей Константинович, — почему же другие этого не делают? Возьми для примера Францию — для спасения Парижа мы положили цвет нашей армии, и чем же она нас отблагодарила, что делает она для эмиграции?

Помолчав, Елизавета Васильевна заговорила снова: — первое время я жалела, что лишила детей родины, боясь, что они навсегда останутся нежеланными пришельцами. До сих пор не могу забыть одного маленького эпизода, который случился вскоре после нашего приезда, когда мы еще жили у немецких крестьян в З. Собрались дети на улице играть в свадьбу и стали попарно в процессию. Наши бедные мальчики, лишенные так долго детского общества, выбежали со двора и стали в ряды. Вдруг один из мальчиков подбегает к ним и грубо выталкивая их, кричит: «Wir brauchen hier keine Russen!»

Смысла слов дети не поняли, но почувствовали, что они нежелательны. Ника бросился ко мне на шею и зарыдал, я не знала, чем его утешить. Боже мой, что мы сделали? — подумала я. — Мы лишили детей отечества, и они обречены быть скитальцами на всю жизнь, почему же эти невинные души должны страдать за чужие грехи? И слезы мои слились со слезами Ники, и трудно было сказать, кто из нас несчастнее, он или я.

— А я, так никогда не жалел о том, что мы покинули родину, — заговорил, помолчав, Сергей Константинович, — несмотря на то, что я прекрасно сознавал, что мы обрекаем детей на нищету и лишения, в то же время я бесконечно благодарен Провидению, что Оно дало мне возможность спасти их души. Не хотел бы я быть в положении тех родителей, которые по тем или иным причинам не покинули СССР. Какую они должны испытывать муку, оставаясь бессильными свидетелями того, как их детей превращают в безбожников, для которых нет абсолютно ничего святого. Никогда нельзя забывать того, что д е т и — ц в е т ы ж и з н и, и горе тому, кто их топчет — коммунистическая же власть втоптала детские души в грязь. Ты помнишь, конечно, как мальчик доносом на отца стал его убийцей, за что и был объявлен государством героем и награжден медалью. Бедный ребенок был горд и счастлив, что оказал такую важную услугу родине. Это ли не ужас, от которого волосы становятся дыбом. А несчастные беспризорные, родители которых казнены или в концлагерях? Существует ли еще страна, где могут твориться такие безобразия? Я окончательно убедился, что не богатство делает человека счастливым. 10 лет я сижу на этой скамеечке и чиню обувь, а чувствую себя таким счастливым, сознавая, что я — не раб безбожной власти, а свободный человек, у которого не отнято право поклоняться Отцу Небесному.

Обняв за плечи жену, он добавил: — ни за какие сокровища мира я не променял бы мою скамеечку на почетное место судьи в советском раю, согласна со мной?

— Еще бы, — ответила та, улыбнувшись, затем, встав, прошла в кухню и бросила взгляд на будильник. — Думаю, что через час можем ожидать Николая, — сказала она, появляясь в дверях. — Обед мой готов, и я еще могу посидеть, — и с этими словами она опустилась на стул. — А все-таки, как летит время, — начала она снова. — Когда мы приехали, я свободно переносила Андрюшу на спине в кровать, чтобы он не становился босыми ножками на холодный пол после ванны, а теперь какой из него получился сокол, — с гордостью добавила она. — Некоторые события их детства ярко врезались мне в память, как например случай на берегу Дуная, помнишь?

— Еще бы!

Случай, о котором вспомнила Никитина, произошел в первый период их пребывания в Сербии. Как только открылись несколько классов гимназии, мальчики Никитины поступили в старший и младший приготовительные классы. Однажды, воспользовавшись теплым весенним днем, учитель решил повести детей на прогулку на берег Дуная. Берега Дуная очень обрывисты и в некоторых местах значительно выдвигаются над рекой. Дети сразу заметили широкое плато и устремились к нему. Несколько мальчиков и девочек, взобравшись наверх, взявшись за руки, стали прыгать, остальные же стояли внизу и глядели вверх на своих товарищей. Никто не заметил, что под ногами прыгающих детей стала ширяться трещина, образовавшаяся в почве, и вдруг громадная глыба отвалилась и упала на стоящих внизу детей.

Мальчики Никитины были тоже там, но Ника во-время отскочил и, схватив брата за руку, прыгнул в воду, увлекая того за собой. Андрюша судорожно вцепился в шею брата и сорвал с него золотую цепочку с крестильным крестиком, которые и исчезли в водах Дуная. Куски глыбы ударили их только по ногам и слегка поранили. Бросились откапывать попавших под обвал и какой был ужас, когда извлекли одну из девочек мертвую. У нее был сломан позвоночник и смерть наступила мгновенно. Весть о несчастьи распространилась по городу, так как для раненых требовались носилки.

Первый об этом узнал Сергей Константинович, работавший тогда в сапожной мастерской при русской колонии. Он помчался в амбулаторию Красного Креста, где среди детей, которым делали перевязки, он нашел и своих. В тот день его поразила жена своим сном, под впечатлением которого он находился все время. — Мне снился удивительный сон, сказала она, провожая его за калитку двора. — На открытом месте стоял народ, и я в том числе. Вдруг на небе появился всадник весь в сером, на сером коне, и в руке он держал большой круглый камень. Я инстинктивно закрыла глаза, т. к. чувствовала, что всадник бросит камень на нас. И он его бросил, но я осталась невредима, и такая меня охватила радость, что сердце сильно забилось, и я проснулась.

— Сон был пророческий, — говорила она потом мужу, — ведь дети спаслись от смерти действительно чудесным образом...

По деревянному помосту застучали каблуки женской обуви и в окно заглянуло лицо женщины средних лет с черными, как смоль волосами.

— Не вернулся еще г-н Ника? — раздался ее тихий голос. Елизавета Васильевна отрицательно покачала головой и женщина не останавливаясь пошла к себе.

Это была Екатерина Петровна Зорина, ютившаяся в отдельном флигельке напротив квартиры Никитиных. При первом знакомстве с ЕлизаветойВасильевной она представилась ей, назвав себя ташкентской мещанкой. Это была простая, почти безграмотная женщина и совершенно одинокая. Ее единственным источником заработка служила починка белья и шитье простеньких платьев. Чтобы поддержать ее, Елизавета Васильевна давала ей шить свои летние ситцевые платья, а также костюмчики для детей. С тех пор Зорина привязалась к ней всем сердцем и часто помогала ей в домашней работе.

Проходили годы, костюмчики уже не шились, тем не менее Екатерина Петровна неизменно навещала свою любимую соседку. Обыкновенно она подходила к дверям и тихонько постучав, спрашивала: — можно войти? — и получив утвердительный ответ, открывала дверь. Осведомившись о здоровьи, она задавала всегда один и тот же вопрос, — ну что новенького слышно, дорогая, скоро ли поедем домой? — Ее тихий голос напоминал шелест листьев.

— Нет, к сожалению никаких надежд на наше возвращение пока нет, — отвечала ей с улыбкой Елизавета Васильевна и тут же ставила перед ней чашку горячего чая и тарелку с домашним печением.

— Да неужели же так и умирать придется на чужбине? — сокрушалась она.

Казалось, что ничего общего не могло быть между этими двумя различными женщинами. С одной стороны интеллигентная и начитанная Елизавета Васильевна, а с другой простая, безграмотная мещанка, и тем не менее Никитина не тяготилась ее обществом. Сидя в уютном уголке перед плиткой, в которой тлели угольки, она слушала ее бесхитростные рассказы о далекой любимой родине и мысленно и сама переносилась к родным берегам. Приходила она также с просьбой написать прошение о пособии в Державную Комиссию, которое она подписывала неразборчивыми каракулями, и как она потом благодарила Елизавету Васильевну, когда получался благоприятный результат. Однажды она решительно заявила, что в виду того, что на возвращение домой нет надежды, она решила изучать немецкий язык.

— Почему именно немецкий? — с удивлением спросила Елизавета Васильевна.

— А как же, дорогая, немцы народ солидный, они к себе большевиков не пустят, а тут все может быть, вот и придется, значит, нам опять бежать; так лучше всего к немцам, а как без языка проживешь, вот я и надумалась просить господина Андрюшу поучить меня.

— Хорошо, согласен, только я учитель строгий, вот я напишу вам несколько слов и прочту их, а завтра вы их должны выучить, — делая строгое лицо отозвался Андрюша.

— Выучу, непременно выучу, — и схватив написанные Андрюшей слова, Зорина поспешила к себе.

На другой же день началась комедия. Как только Зорина робко вошла, Андрюша сухо спросил: — выучили?

— Выучила, — тихо ответила та.

— Отлично, скажите мне, как по немецки отец?

— Хватер...

— Не хватер, а фатер, — строго поправил Андрюша.

— Я же и говорю хватер, — обращая удивленный взгляд в сторону Елизаветы Васильевны, ответила та.

— Я не понимаю, Андрюша, почему ты придираешься к Екатерине Петровне? — стараясь казаться серьезной, вмешалась Никитина.

Тут Андрюша уже не выдержал. Он упал на кровать, заболтал ногами в воздухе и буквально зарычал от душившего его смеха, и только повторял: хватер, хватер. Заражаясь его настроением расхохоталась и Зорина.

— Насмехается Андрюша надо мной, видно из меня не выйдет хорошей ученицы, — и она безнадежно махнула рукой. И действительно, вдолбить ей что-нибудь в голову было совершенно невозможно и уроки прекратились. Вот эта то женщина, которая разделяла с Никитиной волнение относительно исхода экзамена Николая и заглянула в окошко, в надежде, что тот уже вернулся домой.

Вдруг Никитина вздрогнула. Тонким слухом она уловила быстрые шаги сына,которые четко отдавались на деревянном помосте. Сорвавшись с места, она в два прыжка была уже у двери, как раз в ту минуту, когда Ника так ее рванул, что чуть не снял ее с петель. Порывисто дыша и улыбаясь во весь рот, он закричал: — ура! выдержал первый экзамен! — и с этими словами бросился в объятия сияющих родителей.

— Ника, — в ужасе закричала Елизавета Васильевна, — а где твое пальто и шляпа?

— Забыл, мамочка, в университете; как только прочли отметки и я убедился в том, что не провалился, я, забыв все на свете, помчался домой, зная, как вы здесь волнуетесь.

— А занятно было, — начал он рассказывать с увлечением. Добрый нашь старикашка, профессор геологии привел меня в умиление. Можете себе представить мой ужас, когда я узнал, что экзамен не устный, а письменный, а я не взял с собой ни бумаги, ни пера, ни карандаша. Профессор стал диктовать вопросы, на которые надо было отвечать, а я сидел растерянный и мимикой давал понять товарищам, что я не в состоянии записывать.

— А вы что же, молодой человек, — услышал я его добродушно-насмешливый голос, — принадлежите к людям доисторической эпохи, когда о бумаге и карандашах не имели понятия? — и не дождавшись моего ответа, положил передо мной и то и другое. Ответил я на все вопросы, которые я прекрасно понял и один из первых подал листок. Страшен только первый экзамен, — продолжал он, — а теперь у меня такой подъем и такая охота заниматься, что вы и представить себе не можете. К следующему семестру хочу подготовить два предмета и в том числе ботанику, которую преподает один русский профессор, являющийся грозой для моих коллег — сербов. Дело в том, что профессор еще не постиг сербского языка и они его плохо понимают, а он упускает из виду, что перед ним не русская аудитория и очень требователен. У меня же есть определенный план, чем его расположить в мою

пользу. Профессор любит делать экскурсии и собирать всевозможные травы. И вот, если он замечает у студента проявление интереса к составлению гербария, то этот студент может расчитывать на снисходительное к нему отношение на экзамене. Вот я и решил с ним прилежно гулять и проявлять интерес к травкам, — рассмеялся Николай.

— А что это у тебя в руке? — спросила Елизавета Васильевна, заметив, что он держит узенькую полоску бумаги.

— А это, мамочка, будет историческим документом в будущем. На нем записаны все 33 предмета, и против каждого буду выставлять экзаменационную отметку, вот и первая восьмерка стоит против геологии.

Так весело беседуя счастливая семья Никитиных уселась за стол и с аппетитом принялась за обед, не замечая того, что он уже остыл. Утолив голод, Ника с удовольствием пил чай с любимым вишневым вареньем и говорил без умолку, вспоминая экзамен до мельчайших подробностей.

— В общем, ты доволен, Ника? — спросил Сергей Константинович.

— Очень доволен, папочка, и я твердо решил убрать университет в 4 года, нужно скорей становиться на ноги и начинать работать. Это очень важно для получения стипендии, хоть она и не велика, всего кажется 300 динар в месяц, а все-таки будет подспорье... для всех, — сказал он с колебанием, и беззаботное выражение его лица сменилось озабоченным и даже грустным, что не ускользнуло от внимания матери.

— Ну есть о чем думать, раньше было тяжелее, да и то прожили, а теперь с каждым днем будет легче, — ответила Елизавета Васильевна.

— Не отвечая на слова матери, Ника вдруг сорвался с места. — Надо бежать за пальто и шляпой, пока университет не закрылся, а затем я зайду к товарищам узнать, как у них дела. К ужину меня не ждите.

Поцеловав мать и отца, он быстро исчез за дверью.

IX

Николай сдержал свое слово и занимался с большим прилежанием. У него образовался свой студенческий кружок из сербских и русских юношей, которые приходили к нему готовиться вместе к экзаменам. В таких случаях Елизавета Васильевна предоставляла в их распоряжение кухню, где стоял большой письменный стол. Усевшись вокруг него, молодежь сперва вырабатывала план занятий и тут же устанавливался порядок, кому читать, а кому передавать устно содержание прочитанного, чтобы лекция легче усваивалась. Так было и сегодня. Готовились к очередному зачету, а Елизавета Васильевна в обществе Екатерины Петровны, занимаясь рукоделием в соседней комнате, с интересом прислушивалась к возбужденным голосам молодежи.

— Гляжу я на вас, дорогая, — шепотом заговорила Зорина: — и сердце радуется. Бог вознаграждает вас и Сергея Константиновича за пережитые вами тяжелые годы. Одна я знаю, как вам тут приходилось, как вы не доедали и не досыпали, как бегали в легком пальто и без калош по дождю и морозу, чтобы заработать лишний динар

требой на пропитание деток. О Сергее Константиновиче уже и не говорю — за какую только работу он не брался! Слава Богу, теперь это все позади. Ника дельный парень, за науку то как принялся! Как заделается агрономом, то будет у него всего вдоволь и не придется вам тогда считать каждую копейку.

— Дай Бог, — улыбнулась Елизавета Васильевна, — я тоже мечтаю о том дне, когда мой дорогой Ника ни в чем не будет нуждаться, но уверяю вас, мы в данном случае не имеем в виду себя. Сергей Константинович имеет свою постоянную службу в кладбищенской канцелярии, я подрабатываю пением — хватит и на нас и на Андрюшу, пока тот тоже не станет на ноги. Что же нам еще нужно? Вы прекрасно знаете, что мы живем скромно, лишних расходов себе не позволяем; вот почему мы пришли к определенному решению, не ложиться бременем на молодые плечи. Все, что он будет зарабатывать, принадлежит ему и только ему, — и в словах Елизаветы Васильевны прозвучала такая твердая нотка, что возражать было бы безполезно.

Но Екатерина Петровна не сдавалась и неудовольствие отразилось на ее лице. — А я так думаю, что каждому свой черед, и когда дети, получив образование, становятся твердо на ноги, они должны заботиться о родителях.

Елизавета Васильевна весело рассмеялась, — знаете, Екатерина Петровна, когда я решусь принять помощь от детей; когда мне стукнет 80 лет, если я, конечно, доживу до этого возраста. Я не намерена терять мою трудоспособность так рано. Разве я выгляжу инвалидом?

Екатерина Петровна только махнула рукой, — скажете тоже! — И обе весело захохотали, совершенно забыв о присутствии молодых людей.

Помолчав, Елизавета Васильевна подхватила прежнюю тему. — Николай сдал больше половины своих экзаменов, ведь вот уже почти три года, как он в университете, и прилежание его вознаграждено по заслугам. Вы же знаете, что ему была определена стипендия после первых зачетов в сумме 300 динар, и я ему категорически заявила, чтобы он ее тратил исключительно на себя, и что я из нее не возьму ни копейки. Эти деньги, тем не менее, являлись и для меня большим подспорьем, так как он мог всецело их тратить на свою экипировку. — Тут она вдруг замолчала. Взор ее затуманился и она глубоко вздохнула. Было очевидно, что у нее было что-то на душе, о чем она не хотела поделиться со своей приятельницей и потому, резко переменив тему, она заговорила о чем то другом. .

На следующий день в обеденное время Елизавета Васильевна, поджидая мужа и Андрюшу, расставила на столе тарелки. Что касается Николая, то он просил его не ожидать, т. к. он обещал обедать у товарища, у которого был очередной студенческий сбор.

Первым пришел Сергей Константинович и не успел занять своего места у стола, как послышались быстрые шаги Андрюши и в тот же миг на пороге появился девятнадцатилетний молодой человек, среднего роста с прекрасно сложенной стройной фигурой. Густые черные волосы его были в беспорядке, темные глаза смотрели весело и задорно. Еще с порога он крикнул во все горло: — «в мышцах сила, в сердце отвага, в мыслях родина» — и с этими словами подбросил в воз-

дух свою сокольскую шапочку. Улыбаясь смотрели на него родители.

— Что случилось, почему ты в таком телячьем восторге? — спросила Елизавета Васильевна.

— Сейчас все расскажу, но прежде всего я умираю с голода, ведь мы с утра тренируемся, — и с этими словами он быстро отодвинул стул, сел и схватив ложку стал с аппетитом глотать свой любимый картофельный суп-пюре, подбрасывая в него маленькие поджаренные гренки. Родители ждали терпеливо, чтобы он утолил первый голод и с чувством удовлетворения наблюдали с каким аппетитом он поглощает кусочки мяса, которые мать ему то и дело подкладывала.

Наконец Андрюша отодвинул тарелку. — Наився, — воскликнул он. Андрюша очень любил употреблять малороссийские слова и будучи еще совсем маленьким гимназистом заявлял, что он хочет быть запорожцем и носить «оселедец». Любимым его литературным произведением было «Тарас Бульба», а любимой открыткой была та, на которой были изображены запорожцы, пишущие письмо турецкому султану. Он не мог на нее наглядеться и в восторге повторял: — если бы были теперь запорожцы, они всех большевиков побили бы.

Смешил же он особенно всех, когда плотно пообедав, окидывал сидящих за столом недоумевающим взглядом и спрашивал: — и що воно такэ, як пойив — спаты хочется, а як поспав йисты хочется

Сергей Константинович бросил взгляд на часы. — Андрюша, рассказывай скорей, какие там у вас планы, а то мне надо отправляться в канцелярию.

— Мы едем на слет в Прагу, вот что, — возбужденно начал тот, — людей повидать, себя показать и не ударить лицом в грязь, это ли не важная задача? — и он вопросительно взглянул на отца.

— Да... задумчиво протянул Сергей Константинович.

Андрюша продолжал: — мы, сокола из эмиграции, будем представителями самой большой славянской страны. Пусть большевики знают, что мы не только существуем, но и высоко держим знамя национальной России, которой отдадим все свои силы, очистим ее от безбожной власти и вернем ей прежнее величие. Мы готовимся к поездке с полным сознанием той ответственности, которая лежит на нас; ведь сокола слетаются со всех концов Европы и, если бы мы отсутствовали, то Россия не была бы представлена.

Родители его не перебивали, но выражения их лиц были красноречивее слов. Наконец Сергей Константинович встал, обнял крепко сына и сказал: — ты столько надавал нам прекрасных обещаний, что я, преисполненный радужных надежд, с особенным старанием буду вести мою счетоводную книгу и прибивать подошвы, вот почему и должен бежать сейчас в канцелярию, а ты развлекай маму.

Под громкий смех жены и сына он исчез за дверью. Теперь, когда оживление улеглось и в комнате воцарилась тишина, Андрюша насторожился, почувствовав, что мать чем то встревожена и расстроена, и пристально взглядываясь в ее лицо, спросил: — мамочка, мне кажется, что тебя что-то беспокоит, или это не так? — и он обнял мать за шею.

— Сказать или не сказать? — промелькнуло в голове Елизаветы Васильевны. Она колебалась теперь, сообщить ли сыну о том, что ее угнетало последнее время, о чем она думала в бессонные мучительные ночи в то время, как муж и сыновья спали мирным сном.

— Кто же может разрешить мне эту страшную загадку? — а вдруг Андрюша объяснит мне все и успокоит, как было бы хорошо, — и она с надеждой взглянула на сына.

— Ты прав, Андрюша, — загадочно заговорила она, — со мной происходит действительно что то неладное, и я хочу поделиться с тобой моей тревогой. Ведь мне больше не с кем, папу я ни за что не хочу беспокоить, довольно у него своих забот, и кроме того может быть ты рассеишь мои сомнения, и я успокоюсь. — С этими словами она привлекла сына к себе и посадила рядом на маленький диван.

— Ты меня мамочка пугаешь не на шутку своим длинным предисловием, — улыбнулся Андрюша.

— Я хочу поговорить с тобой о Нике, — нерешительно начала Елизавета Васильевна. — Я ничего о нем дурного сказать не могу. Напротив, он прилежно занимается, сдает зачеты, просто сердце радуется, глядя на него. Как я была счастлива, когда Державная Комиссия назначила ему стипендию. Вот, думаю, наконец мой Ника приоденется и на вечерах будет выглядеть не хуже своих товарищей. Конечно, сразу всего не купишь, но разумно распределяя деньги, можно каждый месяц приобретать что-нибудь новое. Я ему так и сказала: помни Ника, что это твои деньги, заработанные твоим прилежанием. Ни папа, ни я из них не возьмем ни копейки, но нам теперь не придется отрывать от нашего скромного бюджета, чтобы тебя одевать. — Он со мной согласился и обещал купить в первую голову ботинки. Но проходили недели, а ботинки не появлялись. На мой вопрос почему он медлит с покупкой, он не дал определенного ответа и поспешил перевести разговор на другую тему.

И это повторяется каждый месяц и мне делается просто страшно спрашивать его о деньгах. Тревожат меня также его исчезновения и ночевки вне дома. И мне пришла мысль: не играет ли он в карты, а отсюда логический вывод — проигрывает деньги в клубе. Я как-то собралась с духом и спросила его: — Ника, милый, скажи мне правду, может быть ты проиграл деньги, или кому-нибудь занял, не надо этого делать, ведь они даром тебе не даются! — Он печально на меня посмотрел, так, что сердце у меня сжалось от боли, и тихо сказал: — нет, мамочка, я денег не проигрываю и никому не занимал, будь покойна, я ничего плохого не сделал — и с этими словами он меня крепко поцеловал, но вытянуть из него признания невозможно.

И вот, Андрюша, — продолжала Елизавета Васильевна прерывающимся от слез голосом, — я в этот момент чутким сердцем матери почувствовала, что мой бедный мальчик чем-то встревожен, озабочен, что он нуждается в поддержке и в то же время боится обратиться к нам, его родителям, для которых весь смысл жизни заключается в счастьи детей. Какую он доставляет мне душевную боль, ты себе представить не можешь. Нет такой жертвы, которую я не принесла бы, чтобы видеть его счастливым, но как же помочь, когда не знаешь в чем заключается его беда! Самую горькую истину я предпочла бы неизвестности, которая меня давит и положительно отравляет жизнь.

Слава Богу, мы еще здоровы и можем работать, всякую ошибку можем исправить, но надо же знать, какого рода эта ошибка, неправда ли? Последнее время у меня так расшатались нервы, что меня душат во сне кошмары. Ника заставляет меня страдать, а как, не могу объяснить. Часто я вижу незнакомую женщину, которая приходит ко

мне с намерением сообщить что-то о Нике, но я, чувствуя инстинктивно, что она меня огорчит, всякий раз уклоняюсь от разговора с ней и убегаю.

Андрюша слушал, не перебивая мать, но смущение охватывало его все больше и больше, и отражалось в его глазах. Однако, Елизавета Васильевна в своем волнении ничего не замечала и продолжала изливать перед ним свое огорчение.

— Я просто не решаюсь передать тебе одно страшное происшествие, до того оно чудовищно. Как-то во дворе я встретила молодую незнакомую женщину. Она окинула меня любопытным взором с ног до головы и затем спросила, не я ли Никитина, а когда я подтвердила, она добавила: «значит вы — мать Николая Никитина, который женат на сербке и имеет сынишку?» У меня земля заколебалась под ногами, но я собралась с силами и спокойно ответила: у меня, действительно, два сына, которые живут с нами, и я совершенно не понимаю, о чем вы говорите, — и с этими словами я взялась за ручку двери, женщина же, окинув меня насмешливым взглядом, пошла своей дорогой.

Андрюша неестественно расхохотался. — Вот уже, действительно, чего люди не придумают. Эта женщина или сумасшедшая, или хотела посмотреть, как ты будешь реагировать на ее сплетню. Ты ей дала прекрасный отпор, в другой раз не полезет с подобной чушью. И ты, мамочка, пожалуйста не волнуйся по пустякам. Я знаю, что Ника в карты не играет, но я постараюсь узнать, в чем дело.

— Как ты меня успокоил, Андрюша, — вздохнула с облегчением Елизавета Васильевна. — Это, впрочем, всегда так бывает, когда я побеседую с тобой. У тебя столько энергии, что все страхи исчезают.

— Ну вот и отлично, мамочка, а теперь я побегу за информациями насчет поездки, — и Андрюша, нахлобучив шапку, исчез за дверью.

X

— Уже больше недели, как Никола не показывается. Что с ним? Быть может он заболел или неприятность какая приключилась, — с этими словами обратилась Анна к тетке Розе, забежавшей к ней поболтать.

— Я знаю, что у него очередной экзамен, значит занимается, а все-таки неизвестность угнетает. Нет сил больше терпеть, будь добра, брось на карты! — и она умоляюще взглянула на улыбающуюся Розу.

— Не пойму я тебя, — возразила та спокойно, — уже кажется пора привыкнуть, сколько экзаменов сдал и все благополучно, что же тут волноваться? — говоря это, она не спеша вытащила из под передника засаленные карты из кармана своей широкой шерстяной юбки и молча начала их раскладывать на столе. Анна напряженно следила, как за выражением ее лица, так и за картами, падавшими из под ее пальцев, на которые она то и дело плевала, так как карты от жира и грязи слипались.

— Ну вот, видишь, — начала она: — ничего страшного нет. На сердце у него любовь и тоска, рвется сюда, но есть какое-то препятствие. Находится он в большом обществе и вот, лопни мои глаза, он должен получить из казенного дома деньги.

— Дал бы Бог, — вздохнула Анна. — Сижу без копейки; уже в

лавочку стыдно заглядывать. Вчера меня спрашивала лавочница, когда же я уплачу старый долг.

— Ну вот, брошу последний раз, и «да видим». Для дома: он в семейном кругу; для сердца: червовая дама, похоже, что это ты, а может и другая, — лукаво подмигнула она. — Что было: большая тревога; что будет: деньги; на чем сердце успокоится: краткая дорога и свидание. Вот! — торжествующе закончила Роза и стала собирать карты.

— Не пройдет и часу, как Никола будет здесь с радостными вестями.

Заражаясь ее уверенностью, улыбнулась и Анна, и обе начали весело болтать, не заметив, что маленький Милорад приблизился к столу и стал внимательно рассматривать карты, которые Роза не успела еще спрятать.

— А это кто? — неожиданно спросил он, указывая на валета червей.

— Этот красавец — твой папа, — рассмеялась Роза, обнимая ребенка.

— Я тоже так думаю, — важно возразил мальчик и, помолчав немного, снова обратился к Розе: — прочитай, пожалуйста, на карте, когда я уеду отсюда.

— Уедешь! — в один голос воскликнули удивленные женщины. — Куда ж ты собираешься? — спросила Роза.

— Ах баба, баба, ты вечно все забываешь, разве ты не помнишь, как папочка рассказывал, что он приехал сюда из другой земли, таким же маленьким мальчиком, как я. Значит, он должен вернуться домой, и я с ним поеду.

— А я то, глупая старая голова, все забываю, в одно ухо входит, а в другое выходит, и опять ничего не помню.

Мальчик расхохотался во все горло. — Какая ты смешная, баба, как может слово вскакивать в ухо и выскакивать, — и с этими словами он начал теребить Розу за уши.

— Перестань, постреленок, уши оторвешь, — и схватив ребенка в охапку, она усадила его на коленях.

— Ты вот лучше расскажи мне, о чем тебе папа рассказывал, мне тоже хочется знать?

Ребенок стал серьезным и задумчиво смотрел в открытое окно, как будто вспоминая что-то.

— Папа мне все рассказывает по порядку с того времени, когда он был маленький. Вот послушай: папа и его братец Андрюша жили далеко-далеко отсюда, в большом доме, где было так много комнат, что можно было заблудиться. У папы и у Андрюши была своя комната и там в углу стоял волшебный шкаф, наполненный игрушками, которые им приносил дед-мороз каждый год вместе с елкой на Рождество. Ах баба, какие там были игрушки, — продолжал он, все больше оживляясь. — На одной полочке стояли звери: слоны, львы, собачки, кошечки; на другой автомобильчики, рельсы с вагонами, паровозы, солдатики на лошадях. Были большие и маленькие мячи, а внизу лежали лопатки, грабельки, повозочка для перевозки песка в саду летом. — Глаза мальчика блестели от восторга.

— Смотри, Роза, — шепнула Анна, — не нравится мне, что он так

возбуждается, слишком он нервный. — Но та только с досадой махнула рукой.

— Ну, дальше, дальше рассказывай, Милорад, как эти мальчики играли и что они кушали, — торопила ребенка Роза. Но мальчик, не обращая внимания на вопрос, продолжал: — я, конечно, хотел бы иметь эти игрушки, но еще больше няню, такую, какая была у них. Она с ними играла, гуляла, пела песни, а вечером, укладывая спать, рассказывала сказки.

— Что же тут особенного, ведь это делает мама, — возразила Роза.

— Да, конечно, — согласился мальчик, — но мама всегда чем-то занята, а няня только с детьми; здесь их, конечно, нет, — добавил он с сожалением в голосе. Затем, вспомнив что-то, он весело рассмеялся.

— Я тебе расскажу смешную историю про Андрюшу. Папа и он играли в солдаты в большой комнате. Устроили окопы и легли на пол. Им пришлось долго лежать, потому что враг стрелял и опасно было подниматься. В это время в комнату вошла их мама и видит, что по полу течет вода. «Кто разлил воду?», спросила она. Тогда Андрюша поднялся и говорит: «как же ты не понимаешь, мама, что я солдат и не могу выйти из окопа; все время стреляют, а мне надо было пойти... ты сама знаешь, куда». Тут только мама поняла в чем дело и закричала: «няня, Ирина, Улька, идите посмотрите, что солдаты натворили!» И когда те прибежали, указала им, смеясь, на лужу воды. Все три, стоя на пороге, хохотали во все горло. «Вот так солдаты», говорила няня и стала вытирать пол. — Роза и Анна дружно хохотали в продолжение всего рассказа.

— А папа какой был шалун, я и о нем тебе расскажу, — продолжал оживленно мальчик. — У кухарки Ирины была девочка Вера, с которой они всегда играли. У Веры была смешная длинная голова, на которой было очень мало волос, всегда заплетенных в тоненькую косичку, как мой пальчик, — показал Милорад. — Один раз Вера пришла к ним, села на пол и начала строить домик из кубиков. Папа быстро принес ножницы, тихонько подкрался к ней и чик!.. коса упала на пол. Вера как закричит, но уже ничего нельзя было сделать, даже приклеить, — сказал он совершенно серьезно. — Вера в слезах побежала к матери, а кухарка и говорит: «что ты, Ника, сделал, отрезал косу — девичью красу». Папа развел только руками: «это ни коса, ни краса, а только мышиный хвостик, вот потому я и отрезал». Ирина махнула рукой и говорит: «что с тобой разговаривать, все равно дело не поправишь!»

Роза вытерла платком слезы, так ее рассмешил своими рассказами мальчик, и хотела еще что-то спросить, как вдруг Мили насторожился и весь превратился в слух.

— Тише, папа идет, я узнаю его шаги, — крикнул он ликующе и стремительно бросился к двери. Через секунду он уже сидел на шее отца, который придерживал его за ножки. Переступив порог, он стал подбрасывать его в воздух. Светлые глазенки ребенка искрились и смотрели на отца с обожанием, из полуоткрытых губок вырывались нечленораздельные звуки, в которых звучал неподдельный восторг.

— Ух, уморил ты меня! — воскликнул Николай и, бережно поставив его на пол, стал рыться в кармане. Вынув несколько сотенных, он бросил их на колени Анны. — Наконец-то выдали! Произошла какая-то задержка, а без денег я не хотел приходить — знаю, как

тебе тяжело без них приходится, — и с этими словами он крепко поцеловал жену.

— Шта сам казала! — торжествующе заявила Роза. — Ну, теперь, голубчики, так дешево от меня не отделаетесь, ставьте ракию и никаких разговоров, — и она энергично стукнула кулаком по столу.

— Будет, будет, тетка Роза! Сейчас Анна приготовит свинский шнитцель, а я притащу ракию, и мы попируем на славу, — весело отозвался Николай.

— Црвена баба все знает, — раздался голосок мальчика, — она посмотрела на карты и увидела, как ты идешь к нам, и так и случилось.

— Боже мой, что это за дитя! — с умилением воскликнула Роза.

Николай посмотрел с удивлением на сына и спросил: — почему ты называешь тетку Розу «црвеной»?

— Мы тебе сейчас об этом расскажем, — вмешалась Анна. — Уж и насмешил нас Милорад вчера. Рассказывай, кума, ты, ты это лучше сделаешь.

— Ох, Никола, — начала Роза, — даю тебе слово, я таких умных детей не видала, весь в тебя, — лукаво мигнула она глазом. — Вчера мы сидели втроем: кума Катица, Анна и я, и попивали «црну кафу». Тут же на полу играл Милорад и не обращал на нас никакого внимания. Сидим мы этак, подбрасываем веточки в плитку и болтаем, то есть попросту сплетничаем. Ты ведь знаешь, что кума Катица носит всегда белый платочек, а я красненький, люблю казаться помоложе, — и при этих словах она кокетливо притянула туже кончики своего платка. — Вдруг Милорад приподнялся и подойдя ближе, внимательно посмотрел на нас обеих — на Катицу и на меня — и весело рассмеялся. «Ты будешь называться белой бабой, потому что носишь белый платок», сказал он, указывая на Катицу, «а ты — црвеной, потому что у тебя красный платок». Ну, как тебе это нравится? — закончила она и, схватив в охапку ребенка, стала покрывать его поцелуями. Проявление такой нежности ребенку не понравилось, он вырвался из ее рук и энергично вытер личико.

— Ах, вот ты какой, — обиженно выкликнула Роза, — а я хотела принести тебе подарок, но теперь я рассердилась и ухожу домой — и она решительно поднялась с кресла.

Мальчик молча смотрел на нее, а затем нерешительно произнес: — я не знаю, что ты хотела мне принести, а мне хочется иметь красную палочку. Я бы с ней гулял, когда ты меня поведешь в гости к деду.

Роза рассмеялась. — Ну, так и быть, завтра пойду в «дучан» и поищу палочку, может быть и найду, а пока до свидания; воображаю, как дед злится, что я так долго пропадаю.

— Нет, нет, — закричали в один голос Николай и Анна, — закуска готова, ракию я сейчас принесу и мы должны выпить за дальнейшие мои успехи. — С этими словами Николай энергично стащил с Розы теплую кофту и несмотря на ее протесты снова усадил в кресло.

Ужин продолжался около часу и наконец Роза, вполне удовлетворенная, двинулась к выходу, успев шепнуть на ухо Анне: — не забудь спросить, о чем я тебе постоянно говорю, пора бы уже, — и с этими словами она скрылась за дверью.

После ухода Розы Николай и Анна сели на небольшой диванчик,

занимавший угол комнаты, и тут же рядом с отцом примостился и Милорад, подсунув голову под руку отца.

— Папочка, — спросил он вдруг, — а как же мы назовем русскую бабушку, какой она носит платочек, может быть голубенький? — теребил он отца за рукав и не получая ответа с обидой в голосе проговорил: — ты мне про нее рассказываешь, и про дедушку, и про маленького Андрюшу, а никогда их мне не покажешь, почему? — и голосок его дрогнул. — Ведь они не знают, где я живу, а я не знаю, где находятся они, а как бы я любил бабушку, вот так! — и он обнял отца за шею и крепко сжал ее.

— А я совершенно забыл, Мили, что у меня есть что-то для тебя, — перебил его Николай. — Взгляни только, — и с этими словами он вытащил из кармана автомобильчик и поставил его на стол. Затем завел его ключиком, и тот стал кружиться по гладкой поверхности.

Мальчик не сводил с него глаз и наконец, придя в себя от изумления, захлопал в ладоши. — Это точно такой, какой был в вашем шкафике, не правда ли?

— Конечно! Вот теперь ты попробуй его завести сам, — и заметив, что ребенок весь поглощен игрушкой, сел снова рядом с женой.

— Никола, — сказала Анна после непродолжительного молчания, — ты пожалуйста не сердись на меня за то, что я все время возвращаюсь к одному и тому же вопросу, но я не могу дольше выносить этого неопределенного положения. Ты видишь, ребенок развит не по годам, он уже чувствует какую-то тайну и она тревожит его невинную душу. Зачем же тянуть, и мне тяжело, и твоим родителям будет гораздо тяжелее, когда они узнают, что ты так долго скрывал свой брак, и это может отразиться на наших будущих отношениях.

Николай поник головой. — Я это все знаю и ты совершенно права, но у меня не хватает мужества сказать им об этом.

Глаза Анны блеснули от негодования. — Если ты не имеешь мужества сказать правду родителям, то имей по крайней мере мужество, чтобы сказать правду мне, а именно, что ты их не хочешь огорчить тем, что жена твоя простая работница.

Николай отрицательно покачал головой. — Нет, Анна, этого я не боюсь. Мама нас так любит, что никогда не пошла бы против нашего выбора. Для нее наше счастье выше всего, вот почему она будет так огорчена, узнавши, что я решился на такой важный шаг и не счел нужным поделиться со своими родителями, и они остались в стороне, как чужие люди. Почему я не сказал сразу, ты знаешь. Надо было открыть причину нашей поспешности, и тогда мои родители приняли бы все меры, чтобы не допустить под венец мальчишку, только что покинувшего гимназическую скамью. Сейчас мама еще не знает в чем дело, но конечно чувствует, что со мной что-то не ладно. Взять хотя бы стипендию. Она мечтала, что когда я получу ее, я буду иметь возможность тратить деньги на себя и что я буду выглядеть не хуже других, а как я выгляжу? — он печально указал на свой поношенный костюм. — Когда мама спрашивает, я отвечаю уклончиво, она чувствует ложь, а какие угрызения совести испытываю я? Вчера Андрюша меня предупреждал, что он имел разговор с мамой обо мне, и хотя он ее успокоил немного, но все же чувствовал себя крайне неловко и не знает, как он должен объяснить исчезновение стипендии.

Анна залилась слезами. — Что нам делать, Никола? Я понимаю

и болею душой, что твои деньги уходят на нас, но мой заработок на фабрике такой ничтожный, что втроем мы не можем прокормиться. А и маму жалко. Кроме того, кто смотрел бы за ребенком, пока я на работе. Без ее помощи, я — как без рук.

— Ничего, Анна, терпели больше, потерпим еще немного. Диплом не за горами, назначение я, конечно, получу скоро, и тогда мы уедем в провинцию и заживем помещиками. Сербские крестьяне прекрасные люди и относятся с доверием к агрономам, так что в этом отношении затруднений не будет. Возле домика у нас будет огород, в котором ты будешь копаться.

— Ах, мечты, мечты! — улыбнулась сквозь слезы Анна. — Я только думаю о счастьи нашего мальчика, ему несомненно будет лучше на свежем деревенском воздухе.

— Разве ты что-нибудь замечаешь? — с тревогой спросил Николай.

— Нет, — с колебанием ответила Анна, — но мне кажется, что он слабенький.

— А я думаю, что твои страхи ни на чем не основаны, — успокаивал ее Николай.

— Папа, — закричал мальчик, которому повидимому надоела уже игрушка, — когда же ты будешь рассказывать дальше, как вы убежали от разбойников?

— Завтра, Мили, теперь уже поздно, ложись спать и будь умница, а утром заведешь автомобильчик, хорошо? — Николай любовно погладил по головке ребенка и поцеловал жену. — Прощай, Анна, постараюсь завтра забежать. — С этими словами он вышел на улицу и быстро зашагал по тротуару.

XI

Летнее утро. Роза, стараясь не шуметь, отворяет калитку и направляется к дому. В руках у нее длинный предмет, завернутый в газетную бумагу. В тот момент, когда она протягивает руку, чтобы взяться за ручку двери, раздается голосок появившегося у окна Мили: — црвена баба идет и палочку мне несет, — и с этими словами он пулей вылетает из комнаты и бросается к Розе.

— А ты почем знаешь, что это палочка? — лукаво спрашивает Роза.

— Знаю, знаю, — кричит тот и, вырвав палочку из рук итальянки, бросается обратно к матери.

— Сладко дете, — в умилении шепчет та и спешит за ним. Мили успел уже освободить палочку из бумаги и теперь, изображая взрослого, ходит по комнате, помахивая ею. Увидев входящую Розу, он бросается к ней: — ты точно угадала, какую я хотел. Теперь идем к твоему деду, я хочу ему показать твой подарок.

— Пойдем, пойдем, — с готовностью отозвалась та и сказала, обращаясь к Анне: — я совершенно свободна и могу погулять с ним и тебя облегчить.

Мили успел уже нахлобучить свой синий берет и с нетерпением теребит бабу за руку. — Скорей, скорей, идем! — Вот они уже за калиткой. Мили оборачивается и машет ручкой Анне. — Скоро вернусь! — кричит он звонким голосом и бежит впереди Розы, которая

еле поспевает за ним. Они идут по дорожке, ведущей к кладбищу и вскоре входят в открытые ворота.

— Ах, баба, как здесь хорошо! На каждой могилке лампадочка горит! Для чего это? — пытливо смотрит он в глаза Розы и не дождавшись ответа, мечтательно устремляет глазки к голубому небу. — Мне кажется, что деткам там очень хорошо, — он указывает пальчиком на небо, — они там гуляют, собирают цветочки и разговаривают с ангелами. — Роза, широко открыв глаза, смотрит на ребенка.

— Кто это тебе рассказывал? — спрашивает она с удивлением.

— Белая баба, — с гордостью отвечает тот, и улыбка озаряет его лицо.

Роза сердито хмурит брови. — Нашла что рассказывать, — ворчит она сквозь зубы. — Вот что, Мили, беги к этим детям и поиграй с ними в мячик, пока я не найду деда. Что-то его не видно, вероятно убирает дальние могилки.

— Нет, баба, я не хочу играть с детьми, я тоже пойду искать деда, — с этими словами он бросается вперед по дорожке, рисуя перед собой крестики палочкой.

— Мили, что ты делаешь, не царапай песок, сторожа этого не любят, — кричит вне себя от неподдельного испуга Роза.

На минутку Мили приостанавливается и вдруг задорно вскидывает вверх головку: — не боюсь я сторожей, — кричит он и весело хохочет, — что могут они мне сделать, а мне так нравится, когда появляются крестики на песке, — и не слушая увещеваний Розы он быстро исчезает за поворотом дорожки, оставляя за собой на песке целый ряд крестиков.

— Не дай Боже, — шепчет окончательно расстроенная Роза и глубоко вздохнув, как бы придавленная какой-то тяжестью, совсем постарушечьи поплелась вслед за мальчиком.

От внимательного взгляда Анны не ускользнуло настроение Розы, но делая вид, что она не замечает этого, Анна спокойно спросила: — ну, что же, нашли деда?

— Нашли-то нашли, — как-то нехотя ответила та и, стараясь пересилить свое внутреннее беспокойство, продолжала: — мы пришли очень удачно. Незадолго до нашего прихода была панихида на богатой могиле. Чего только не нанесли родственники! Конечно и деда не забыли, всем оделили. Я на всякий случай ношу с собой салфетку. Я ее расстелила на травке и дед разложил на ней свое угощение. Если бы ты только видела, с каким аппетитом принялся за еду Мили, уж так было деду приятно смотреть на него! Всего попробовал и говорит: — у тебя все вкуснее чем дома, я буду приходить к тебе каждый день обедать.

Анна весело рассмеялась. На этот раз Роза не поддержала свою приятельницу, а только глубоко вздохнула, как бы вспомнив что-то неприятное.

— Кума, — воскликнула Анна, — ты чего-то недоговариваешь? Ты везде бываешь, многих видишь, может быть ты узнала что-нибудь о Николе? — и она с тревогой взглянула на Розу.

— Какой там Никола, — с досадой махнула рукой Роза, — как будто только он и существует на свете, чтобы доставлять радость или огорчение. Нет, причина моей тревоги совсем другая, конечно, это очень глупо с моей стороны, но что ж поделаешь, такова уже наша

бабская суеверная природа. — При последних словах Розы Анна внутренне содрогнулась и, не будучи в состоянии сдержать охватившего ее страха, только прошептала: — да не томи же, кума, говори, что случилось, видишь, что я уже дрожу.

— Дрожать, положим, нет никакого основания, — стараясь говорить беспечно, возразила Роза, — а просто мне стало неприятно — и она подробно рассказала Анне о том, как Мили, бегая, чертил крестики на песке.

— Что же это, кума, значит?

— Я и сама не знаю, но мне кто-то говорил, что это плохая примета.

Какая именно примета, Роза не сказала, а Анна не спросила, но только скорбная складка появилась вокруг ее губ..

В тот же вечер, свернувшись калачиком на коленях отца, Мили с нетерпением ожидал начала повествования о золотом детстве своего ненаглядного папочки.

— Ну, с чего же ты начнешь? — теребил он за рукав задумавшегося отца.

— Помнишь, я тебе говорил, что игрушки, которые лежали в нашем волшебном шкафике, принес нам дед-мороз, так вот, если хочешь знать, как это происходило, я могу тебе рассказать.

— Хочу, хочу! — весь охваченный любопытством вскричал мальчик.

— Ты знаешь, Мили, — начал Николай, — что на Рождество всегда холодно, но в Белграде редко когда выпадает к этому дню снег, а на моей родине все покрыто пушистым снегом. По дорогам бесшумно скользят саночки и только слышится звон бубенчиков, привязанных к шее лошадок. Так весело делается, когда саночки промчатся и обсыпят тебя с ног до головы снежной пылью.

Мили укоризненно покачал головой в сторону Анны. — Что здесь хорошего, даже зима не зима! — Это замечание вырвалось у него так неожиданно, что Николай и Анна громко рассмеялись.

— Ну, так вот, и дед-мороз приезжает из далекой страны на саночках, нагруженных елочками и разносит их по домам, причем его никто не видит, а вечером, когда елочки уже украсят золотыми нитями, свечами и прочими украшениями, он является с большим мешком за спиной, наполненным игрушками и раздает их детям. Он старенький, с длинной белой бородой и нависшими над глазами густыми бровями. Одет он в белый кожух, подпоясан зеленым шерстяным поясом. На ногах у него валенки, а на голове высокая меховая шапка. Он очень веселый и всегда шутит с детьми. Бывало так. В сочельник вечером мы сидим с няней в детской комнате, а гостиная заперта на ключ. Там только мама с Ириной и Улькой. Нам хотелось бы знать, что они там делают, но всякий раз, когда мы подбегаем к дверям и хотим посмотреть через замочную скважину, няня сердито тащит нас обратно.

Темнеет. Няня зажигает лампадочку перед иконой, крестится и говорит: «ну вот, и первая звездочка зажглась на небе. Значит Младенец Христос родился».

«Расскажи, няня, почему звездочка знает, что Младенец родился», пристаем мы к ней.

«Вот как это было, детки», начинает рассказывать няня. «Случи-

лось это в далекой стране. Царь захотел узнать, сколько у него есть народа и приказал всем явиться в город и записаться. Божья Матерь пошла тоже со старым Иосифом, у которого она жила, но город был очень далеко от них, и когда они пришли, была уже ночь и все комнаты в гостиницах были заняты приезжими со всех концов страны. Святому семейству пришлось занять угол в пещере, куда пастухи загоняют овец в плохую погоду. Здесь и родился Младенец. В то время там никого не было и Божья Матерь положила своего Божественного Сына в ясли на солому, а сама села рядом. Пастухи были в поле и увидели на небе яркую звезду, которая двигалась по направлению к их пещере. Они последовали за ней и все время слышали ангельское пение: Слава в Вышних Богу... Когда они вошли в пещеру, то, увидав Младенца в яслях, поняли, что перед ними Сын Божий и поклонились Ему до земли.»

Пока няня рассказывала, кухарка Ирина гремела посудой, расставляя постные кушанья на столе. В гнездышке из сена стояли две чаши: одна с кутьей, а другая с компотом из сухих фруктов — взваром. На длинных блюдах лежали заливные и жареные рыбы, но больше всего было пирожков с разными начинками — солеными и сладкими. Это делалось в воспоминание о старом русском обычае, когда пирожки пекли в огромном количестве, а затем укладывали горкой на столе таким образом, чтобы хозяйка, сидящая на противоположном конце стола, могла за ними спрятаться. Но нам было не до еды. Мы прислушивались к каждому звуку, который раздавался в таинственной гостиной, вот почему, когда двери широко открылись, и яркий сноп света прорезал темноту детской, мы вскочили и бросились вперед. В ту же минуту мы услыхали мамин голос: «Дети, посмотрите, что приготовил вам дед-мороз».

Ослепленные ярким светом, мы останавливаемся на пороге. Высокая, стройная елочка касается почти потолка, и на ее верхушке прикреплена золотая звезда. Сверху до низу елочка покрыта блестящими кусочками ваты на подобие снежных хлопьев. Все веточки обвешены стеклянными шариками, бусами, золотыми нитями и всевозможными игрушками. Тут же висят желтые мандарины и красненькие крымские яблоки. Красные, синие, желтые и зеленые свечи заливают елку ярким светом, — рассказывает Николай, сам увлекаясь воспоминаниями детства.

— Мы снимаем с веток хлопушки, в которых всевозможные шапочки, хлопаем ими, вынимаем шапочки, надеваем их на головы и начинаем танцевать вокруг елки с мальчиками и девочками соседей, которые приезжали к нам повеселиться.

Под окнами собираются крестьянские детишки. В руках они несут на древке бумажную звезду, которая светится, так как внутри ее вставлен фонарик с горящей свечей. Они поют Рождество Твое Христе Боже наш. Мы им стучим в окно; они входят и не могут оторвать глаз от елки. Мама им дает конфет, орехов, яблок, и когда они уходят, то еще долго за дверьми слышатся их веселые голоса. Но вот раздается стук в дверь. Все сразу затихают, а более трусливые прячутся за елкой или за маминой спиной. Все знают, что идет дед-мороз, который все знает: кто был послушным, а кто нет, и в его мешке торчат две розги для шалунов.

«Войдите, дедушка», говорит папа, и в комнату входит старик.

Он спускает мешок с плеч и ставит его на пол, а затем внимательно окидывает взором присмиревших детей. «Ну, что ж вы притихли, детушки», спрашивает он, весело улыбаясь и похлопывая рукавицами. — «Трещит морозец на Руси, озяб я очень и вот пришел погреться к вам и посмотреть, как вы празднуете Святое Рождество, веселитесь ли и довольны ли моей елочкой?»

— И знаешь, Мили, как только он заговорил, у нас пропал страх и мы всей гурьбой бросились к нему и закричали: «спасибо, дедушка, очень довольны!» и всем хотелось прикоснуться к его длинной бороде или к меховой шапке, а кто был посмелее, тот и игрушку норовил вытащить из мешка. А дед-мороз грозит пальцем и говорит: «Ах ты, постреленок, уж больно шустрый, как я погляжу. Сперва надо проверку сделать, кого награждать, а кого наказывать», и подзывая каждого по очереди расспрашивал, хорошо ли себя ведет мальчик, молится ли Боженьке и говорит ли всегда правду маме. И только после опроса начинал раздавать игрушки.

— А как же с розочкой, папочка, случалось ли, чтобы он кого-нибудь наказывал? — вырвалось у Мили.

— Нет, не случалось. Дед-мороз добрый, и если мальчик обещал исправиться, то он его прощал. Нам хотелось с ним побеседовать, хотелось, чтобы он нам рассказал, откуда он приехал и как он нас находит, но он всегда отвечал: «не могу, детки, долго задерживаться, ведь вы же не одни. Мне надо обойти много домов, где меня тоже ждут с нетерпением», и взвалив мешок на плечи, он скрывался за дверьми. Мама нам говорила, что он садится в свои маленькие саночки, запряженные оленями, берет в руки красные вожжи и исчезает в тумане...

Николай замолк. Мили посидел несколько минут в глубоком молчании; казалось, что он не мог оторваться от нарисованной отцом картины. Наконец он глубоко вздохнул: — неужели же, папочка, это не сказка и ты видел деда-мороза и разговаривал с ним? Какой ты счастливый! Если бы я его увидал, я подошел бы к нему без страха, поцеловал и сказал бы ему стихотворение, которому ты меня выучил «Вечер был, сверкали звезды. .» Но я его никогда не увижу, — добавил он грустно, — он не ходит к сербским детям, а как же он может знать, что здесь живет русский мальчик.

Николай крепко поцеловал сына. — Не грусти, Мили, — сказал он, — я тебе обещаю, что дед-мороз узнает, что ты — русский мальчик, и он к тебе придет и елочку принесет, как мне и Андрюше.

— Как же ты это устроишь? — Он уже улыбался, хотя слезы блестели на ресницах.

— Этой мой секрет! Я еще не знаю, как это устроить, но у меня есть план, и я обещаю, что это сделаю.

— Мама, ты слышишь, я увижу деда-мороза, значит и ты увидишь, ведь он к тебе тоже не приходил, когда ты была маленькая?

— Нет, золото мое, я этой радости не знала, — грустно ответила Анна.

— Ну, на сегодня довольно. Думаю, что тебе приснится дед-мороз. Смотри, только не пугайся и не кричи ночью. — С этими словами Николай понес ребенка к кроватке и начал раздевать. Мили был в восторге. Как редко ему перепадало такое счастье! Когда он лег, отец бережно покрыл его одеялом и мальчик сонным голосом прошептал:

— дай мне твою руку и посиди возле меня, пока ко мне не прилетят ангелы, которые пели в небесах.

Николай поцеловал сына и, стараясь не шуметь, шопотом сказал Анне: — Мили очень впечатлительный и нервный ребенок.

— Я это давно замечаю и что же тут удивительного? Как я волновалась, когда его ждала; это не могло не отразиться на невинном младенце.

XII

— Почему ты так долго не приходил, папочка, я тебя жду с таким нетерпением, — обратился Мили к отцу спустя несколько дней.

— Не мог, милый, надо заниматься, чтобы получить скорей диплом, и тогда я скажу: кончил дело, гуляй смело, и мы с тобой загуляем! — целуя сына, ответил Николай.

— А что такое диплом? — спросил с интересом Мили.

— Это важная бумага, которую мне выдадут по окончании всех экзаменов.

Николая тревожила одна мысль: как подготовить мальчика к предстоящей ему перемене жизни и как научить его объясняться по-русски, когда он так мало мог ему посвящать времени.

Правда, Мили прекрасно декламировал по-русски басни и стихотворения и пел русские песни, но о своем детстве, как и всякие сказания и легенды, Николай рассказывал по-сербски. Повторяя слова за отцом, Мили с воодушевлением пел песнь о Вещем Олеге и держа в руке его изображение на картинке, с глубоким огорчением повторял: — почему он не поверил кудеснику? он мог бы жить еще долго и защищать русскую землю от врагов. — Он охотно слушал сказания о военных походах князей, но как только Николай начинал петь легенду: «Был у Христа-младенца сад», он прерывающимся от слез голосом говорил: — не могу, папочка, петь эту жалостную песнь о младенце Иисусе.

Он мог сидеть целый час неподвижно, всматриваясь в лица богатырей, сидящих на конях среди душистой травы беспредельной русской степи. Приложив руки ко лбу, они зорко всматриваются в даль... — Илья Муромец. — шепчет мальчик и пальчиком гладит его изображение. — А вот его товарищи: Добрыня Никитич и Алеша Попович. Все три храбрые и охраняют от разбойников границы земли русской, неправда ли, папа? — громко спрашивает он.

— Правда, правда, — с гордостью подтверждает Николай.

— Ты знаешь, мама, что они победили Соловья-Разбойника, который так свистел, что листья падали с деревьев! — кричал он звонко

— Да, моя родина удивительная страна, и я должен туда вернуться, — говорит он серьезно, чем вызывает смех Анны и белой бабы.

— Как же ты можешь вернуться в страну, которую никогда не покидал? — спрашивают они. Но мальчик упорно стоит на своем.

— И откуда он у нас такой националист? — улыбается Николай, — повидимому, русское начало взяло верх над сербским, как ты думаешь, Анна?

— Мне безразлично, лишь бы он был счастлив, — отвечает та, и глаза ее останавливаются с тревогой на любимом личике...

Все эти соображения промелькнули в голове Николая и сегодня, когда Мили вскарабкался к нему на колени и спросил его по-сербски, о чем он намерен ему рассказывать.

— Я тебе подробно рассказал о празднике Рождества Христова, но прежде чем рассказывать о празднике Пасхи, я хочу, чтобы ты знал, как я с Андрюшей ездили в деревню к бабушке Любе и дяде Мише, хорошо?

— Ну конечно, папочка, я чувствую, что это будет очень интересно!

— Ну, так слушай. Я тебе сказал, что у нас был дядя Миша. Ну, а каким ты его себе представляешь?

— Я думаю, что он был такой же большой, как чика Пая, который с тобой часто занимается, — и он вопросительно посмотрел на отца.

— А вот и не угадал, — рассмеялся Николай. — Дядя Миша был мальчик четырнадцати лет, который с нами охотно играл в прятки.

Лицо Мили расплылось в широкую улыбку. Всплеснув руками, он с недоверием говорит: — да неужели же такие дяди бывают? Какой же ты, папочка, счастливый, а вот у меня ни братца Андрюши, ни маленького дяди нет.

Николай и Анна выразительно переглянулись и рассмеялись. — Ничего, Мили, не унывай, это дело поправимо. Братец Андрюша у тебя может быть, если ты попросишь об этом аиста. Знаешь, большую белую птицу с длинным клювом?

— Ну, конечно! — захлопал в ладоши Мили.

— Вот он тебе и принесет братца. Что касается дяди Миши, то ты его увидишь, если он придет нас навестить; но он уже вырос и бегать с тобой, как с нами, не захочет. Так вот, летом бабушка Люба приезжала с дядей Мишей из города в свое имение, которое было по соседству с городком, в котором мы жили. Дядя Миша на другой же день приезжал к нам в маленьком кабриолете, запряженном одной лошадкой, так как ему было скучно без нас.

— А кто управлял лошадкой? — живо перебивает Мили отца.

— Ну конечно, дядя Миша. Ведь ему было четырнадцать лет. Как только он въезжал в ворота, мы начинали прыгать от радости и торопить няню с обедом. Впрочем, мы уезжали только, когда спадала жара, так как лошадке надо было отдохнуть. С каким нетерпением мы ждали момента, когда дядя громко закричит: «ну, дети, залезайте в кабриолет и сидите смирно, чтобы лошадка не испугалась». Мы немедленно вскакивали внутрь, а за нами няня. Мамочка стояла на пороге и, махая платком, кричала нам вслед: «а меня оставляете одну, разве вам не жалко?» Нам делалось грустно, но она тотчас начинала смеяться: «я шучу, поезжайте к бабушке и бегайте в саду, сколько вздумается», и мы, радостные, выезжали за ворота. У бабушки был один большой дом, а другой маленький, окруженные с двух сторон фруктовым садом. Кроме того был большой двор с разными постройками — конюшнями и сараями, и другой, поменьше, обсаженные кустами сирени. Вот где было для нас раздолье! Утром, проснувшись, мы бежали будить дядю Мишу, и тут-то начиналось веселье! Мы прыгали в его кровать, стаскивали с него одеяло, подушки летели на пол, и мы так кричали и хохотали, что приходила няня и спасала бедного дядю Мишу, которому еще хотелось спать. Затем

мы шли к бабушке завтракать. Чего только не было на столе! Чудные булочки, желтое масло, а молоко-то! Густое, густое! После завтрака бабушка давала нам корзинки и посылала собирать клубнику. И вот, вернувшись с полными корзинками душистой ягоды, мы садились вокруг стола очищать ее от корешков. Тут начиналась потеха. Дядя Миша так любил клубнику, что не мог удержаться: одну ягоду кладет на тарелку, а другую в рот. Тогда бабушка и говорит: «Миша, как тебе не стыдно! Посмотри, как Ника и Андрюша хорошо чистят». Но как только бабушка уйдет в другую комнату, дядя Миша опять начинает кушать ягоды.

— Какой обжорка! — шепчет Мили.

— Еще я помню, как я любил, когда нам давали в четыре часа дня какао в толстых белых чашках с цветочками и к нему черный ржаной хлеб с маслом.

— Знаешь, Анна, — обращается Николай к жене, — вот веришь ли, я и сейчас чувствую во рту вкус этого чудного хлеба, которого я после отъезда из России никогда больше не ел, а ведь я был совсем маленький!

— А вот я совершенно не чувствую, — говорит с обидой в голосе Мили.

— Ах ты, мой глупыш, ну как же ты можешь чувствовать вкус хлеба, которого никогда не ел, — и Николай крепко прижимает к себе сына.

— И неужели же хлеб был совершенно черный? — недоумевает Мили.

— Совершенно, но я променял бы все белые булочки на кусок ржаного хлеба, — смеялся Николай.

— Осенью мы ездили к бабушке смотреть, как большая паровая машина молотит хлеб. Парни, женщины и молодые девушки — все работают: парни подносят снопы, которые машинист бросает внутрь машины, девушки выгребают зерно, а другие рабочие складывают солому в стог, который быстро растет. И вот, когда все заняты и никто не обращает на нас внимания, мы бежим втроем к стогу, быстро на него взбираемся и начинаем спускаться вниз, как на салазках со снежной горы, просто дух захватывает! Соломинки со всех сторон залезают нам в рот, в нос и глаза. Мы чихаем и заливаемся громким смехом. Но вот нас замечает парень, который, стоя наверху, укладывает вилами солому. «Дид Антон,» — кричит он, «подывись, як панычи балуются». Дед Антон хватает палку, бежит к стогу и делает вид, что хочет нас колотить. Тогда дядя Миша хватает нас за руки, и пока дедушка добежит, наш уже и след простыл.

— Как бы я хотел быть с вами! — в восторге кричит Мили.

— Зимой были другие развлечения, но больше всего мы любили ходить с дядей Мишей в цирк, когда ездили к бабушке в гости. Интересно было смотреть на зверей, а также на клоунов, когда они кувыркались и давали друг другу пощечины. Мы так хохотали, что на нас оборачивались, а дядя Миша говорил, что он ходит в цирк смотреть на нас. Но никогда не было так весело, как на ярмарке, — продолжает вспоминать Николай и заметив удивленный взгляд мальчика при слове «ярмарка», сказанном по-русски, поясняет — ярмарка по-сербски вашар.

— Вашар, знаю, там крутятся карусели, — и Мили радостно хлопает в ладоши.

— Да, там есть и карусели, но русская ярмарка совсем не похожа на вашар, потому что там продаются всевозможные товары, а также и скот. Это громадная площадь, на которой чего только нет! На одном конце лошади, коровы, овцы. Море голов. Там шныряют цыгане, расхваливая своих лошадей и стараясь обмануть простодушных мужичков. В воздухе носятся непрерывные крики и брань. На другом конце площади стоят рядами новенькие телеги, а возле них на земле грудами навалены боченки, кадушки, колеса, косы, грабли, лопаты — всего не перечесть. Особенно были привлекательны деревянные тарелочки с рисунками и такие же ложки. С другой стороны — глиняная посуда: горшечки всевозможной величины и формы, покрытые зеленой и красной эмалью.

В первую минуту нас оглушает шум. Рев скота сливается с человеческими голосами в один непрерывный гул. Смех, крик, брань, песни пьяных и гармоника раздаются во всех концах площади. На краю дороги сидят слепые бандуристы и подняв головы поют свои монотонные былины о казачьих походах против турок и ляхов к большому удовольствию старушек, окружающих их кольцом... Мы со страхом смотрели на папу, который совершенно спокойно пробирался по пыльным дорожкам между опрокинутыми возами, служащими крестьянам прикрытием от палящего солнца и от набежавшего внезапного дождика. Мимо нас бегут веселые девушки и грызут подсолнухи. Глаза их разбегаются при виде разноцветных бус, лент и венков, которые искрятся и переливаются всеми цветами радуги под лучами солнца. Впрочем, помимо покупки украшений у них есть еще и другая забота: приобрести прялку, на которой надо будет работать в длинные зимние вечера. Зимой девушки собираются в одну из хат, предоставленную им хозяйкой-вдовой, где так тепло и уютно. Под звук шуршащего колеса льются их песни, веселые или грустные, а когда приходят парни с гармошками, то начинается веселье и работа прекращается. Эти деревенские балы назывались «посиделками».

Пожилые женщины, не спеша и торгуясь за каждую копейку, выбирают материял для теплой одежды, а также полушубки, валенки и сапоги для всей семьи. Вот идут обнявшись два приятеля; они удачно продали зерно и на радостях порядочно выпили. Шатаясь, они силятся танцевать гопак под громкий хохот окружившей их молодежи.

«Горячие бублички», кричит молодая торговка, указывая на аппетитные бублики, обсыпанные маком и нанизанные на тонкие веревочки. «Медовые пряники!», раздается задорный голос другой. «Карамели сахарные», — пищит девочка лет двенадцати.

«Папочка, когда же мы будем что-нибудь покупать?», приходя, наконец, в себя, кричим мы и дергаем папу нетерпеливо за рукав.

«А что же вы хотите купить?» спрашивает он, улыбаясь.

«Мы хотим деревянных мисочек и ложечек, а также много бубликов и пряников», отвечаем мы в один голос.

«Ну что же, идем выбирать», и папа нас подводит к продавцу деревянных изделий. Мы тут же начинаем извлекать из груды тарелок те, которые нам больше всего нравятся.

«Ну, довольно!», смеется папа: «вы унесете всю ярмарку домой». Тоже повторяется у торговки с бубликами и пряниками, и нагружен-

ные пакетами, мы с сожалением покидаем ярмарку.

Весенним же праздником была Пасха, когда появлялась зеленая травка, цветы, и птички прилетали из теплых стран. К этому празднику начинали готовиться за несколько недель, убирая сады от осенних листьев, а также и дома. На последней же неделе поста посещали церковные службы и приготовляли пасхальные кушанья. Все хозяйки были заняты печением куличей. В субботу утром все должно быть готово и на красиво декорированном зеленью столе расставлялись блюда с пасхальными яствами. В глубине стола на белых тарелках стройными рядами стояли куличи с верхушками, смазанными сахарной массой и посыпанными разноцветным мелким маком, а перед ними стояли большие блюда с жареной индейкой, поросенком и окороком. Среди зелени и вазочек с цветами возвышались сырные пасхи, а на посеянной в тарелках травке лежали разноцветные яички.

Во всех домах последнюю неделю перед Пасхой соблюдали строгий пост, даже молока не давали детям, вот почему все ждали праздника с нетерпением. Особенно ярко врезалась в моей памяти последняя Пасха в нашем родном городе. Тогда никому в голову не приходило, что на следующий год мы уже будем скитальцами, лишенными родного крова. К нам приехал дядя Миша и мы с ним бегали в саду, то и дело заглядывая в кухню, чтобы стащить чего-нибудь вкусного, пока Ирина не обращает на нас внимания.

В то время у нас в маленьком домике во дворе жили немецкие офицеры. Мама решила их пригласить, чтобы показать им, как празднуется Пасха в России. Офицеры видели необычайную суету в доме, где Ульяна все чистила, мыла и выбивала ковры, в то время, как Ирина возила громадные количества провизии с базара каждый день. Они с удивлением спрашивали, что все это значит и к чему такие приготовления. На их вопросы мама только улыбалась и отвечала: «Увидите в воскресение».

Как сейчас помню, как они вышли из домика в парадной форме и гремя шпорами быстро пересекли двор, прошли через кухню и в полном недоумении остановились на пороге столовой. Впереди стоял майор, небольшого роста офицер, очень толстый, с красным обветренным лицом. За ним — адъютант, высокий, стройный, с веселыми черными глазами и приветливой улыбкой. Шествие замыкалось двумя молодыми офицерами — оба белокурые с голубыми глазами. Все четверо замерли на мгновение и вдруг разом захохотали, да как! посуда на столе зазвенела. Теперь пришла мамина очередь удивляться, и я слышал, как она сказала на ухо дяде Мише: «не понимаю, что они видят здесь смешного?»

Наконец адъютант заговорил первый, еле сдерживая смех: «О, gnädige Frau! Если вы устроили эту богатейшую выставку продуктов, чтобы удивить голодающих немцев, то вам это вполне удалось. Мы никогда не предполагали, что существует такая богатая страна, как Украина. У нас на родине и в мирное время такого обилия продуктов никогда не бывало, а за время войны мы даже забыли вкус таких прекрасных вещей, какие мы видим здесь на столе. .»

Поняв в чем дело, мама и дядя Миша рассмеялись в свою очередь. «Уверяю вас, что мне и в голову не приходило удивлять вас. Это наш русский пасхальный обычай; в любом доме вы найдете такой же стол. В этот день визиты друзей и знакомых, которые приходят поздравить

вас с праздником, продолжаются целый день. Надо же иметь достаточно угощения, чтобы удовлетворить такое количество посетителей».

Офицеры выслушали с большим интересом рассказ мамы о пасхальном обычае. «Вот если бы у нас был таковой!», воскликнул один из молодых офицеров. «Недурно было бы!» подхватили остальные и поспешили занять места, на которые им указала мама. Дядя Миша, за отсутствием папы, который экстренно должен был выехать по делам в Киев, изображал хозяина дома и усердно подливал гостям вина в бокалы. Этот первый визит положил начало дружбе между моими родителями и офицерами. Нас же детей они особенно полюбили.

— Ах, папочка, ты так хорошо рассказал о пасхальном столе, а я все-таки не могу его себе представить, ведь у нас только красят яички! — с огорчением воскликнул Мили.

— Да, это правда, но русские и здесь придерживаются своих обычаев и хотя стол и не такой роскошный, но все же пекут куличи и делают пасхи. Ты в этом сам убедишься.

Мили недоверчиво посмотрел на отца: — Когда же это может случиться, когда мы вернемся в Россию?

— Зачем так долго ждать, это может произойти гораздо раньше, а именно здесь, в Белграде, когда ты будешь у русской бабушки, — и Николай прижал к себе сына при виде его заблестевших от радости глазок.

— Разница только в том, — продолжал Николай, — что в России пасхальный стол приготовляла кухарка, а здесь надо самим работать. Среди ночи надо вставать и месить тесто. Это очень тяжело, и когда папа выбивался из сил, будили меня и Андрюшу. Спать хочется, а мама кричит: «скорей, скорей, тесто не может ждать!»

Слушая Николая, баба Ката и Анна заливались веселым смехом. «Ну и пекаря!» — шутили они, а Мили от радости даже хлопал в ладоши.

— Значит, папочка, когда я буду у русской бабушки, то она и меня будет будить, ведь все мужчины должны работать, не так ли?

— Обязательно, у бабушки без работы сидеть не будешь, — смеялся Николай.

— Вот и прекрасно, Мили, — не унималась Анна, — научишься месить куличи и станешь заправским пекарем, чем не ремесло! А главное, научишься их кушать.

— В ночь под Пасху нас укладывали спать очень рано, так как в церковь надо было идти к 12 часам ночи. Но я, Мили, был такой сонливый, что мама не могла меня добудиться и бывало махнет рукой и оставит меня в покое. Андрюша же сразу вставал, одевался и шел с папой и мамой в церковь, держа в руке узелок с куличем и яйцами для освящения. Я же продолжал спать. Однако, как только дверь открывалась, сна — как не бывало! Я вскакивал с кровати и занимал место у стола в ожидании вкусных вещей, которых мы были так долго лишены.

«Христос Воскресе!» говорил папочка и, подавая красное яичко каждому, три раза целовал. Как видишь, Мили, я рассказал тебе много интересного о моем детстве, но эта пора была очень короткая, к сожалению, и нам пришлось покинуть нашу прекрасную родину. О нашем путешествии сперва в поезде, а потом на большом морском пароходе, я тебе буду рассказывать в следующий раз, а теперь на

прощание расскажу о нашей шалости, когда у нас в доме временно жил адъютант немецкого майора.

Я уже тебе говорил, что офицеры нас очень полюбили. Когда они приходили к нам на балкон, мы вскарабкивались им на шею, и они начинали галопировать по дорожкам сада, изображая лошадей и делая вид, что хотят нас сбросить на землю. Самый добрый из них был адъютант майора, но деньщика его мы терпеть не могли. Он вечно на нас ворчал, причем его белые усы шевелились, как у таракана. В середине лета, когда была страшная жара, началась эпидемия гриппа и адъютант серьезно заболел. Так как в маленьком доме было очень душно, то папа распорядился перенести его в наш дом и его положили в нашу игрушечную комнату. Три раза в день деньщик носил ему еду из офицерской кухни и чтобы попасть в комнату больного, он должен был пройти столовую и большой зал. Вечером, когда он приносил ужин, было уже совсем темно. И вот что мы придумали. Вера, Андрюша и я, завернувшись в пальто взрослых, легли рядом посредине комнаты. Лежим и не дышим, только сердце так бьется, что готово выскочить. Вот раздаются его шаги в столовой. Он идет быстро и уверенно, зная, что ничего на пути нет. И вдруг... спотыкается и растягивается во весь рост на полу. Тарелка, разбившись на мелкие куски, разлетается во все стороны, яйца обращаются в жидкую массу, в которую он попадает лицом и руками. Он вскакивает в ярости и кричит: «кто положил на пол тюки?» И, о ужас! Тюки зашевелились, раскрылись, и оттуда выскочили три фигуры, которые с громким хохотом разбежались во все стороны. Ошеломленный деньщик стоит секунду неподвижно, а затем, догадавшись, что это мы устроили ему западню, бежит жаловаться офицеру. Не постучавшись в дверь, он врывается в комнату и, захлебываясь от гнева слюной, кричит во все горло: — Sie haben mir die Eier zerbrochen!

«Что случилось, Франц? Кто разбил вам яйца и почему ваше лицо в желтке?» и офицер хохочет во все горло при виде своего деньщика в таком ужасном виде. Придя, наконец, в себя, деньщик рассказывает о происшествии и тут же заявляет, что поколотит шалунов.

Офицер строго взглянул на него: «вы знаете прекрасно, что я подобных шуток не люблю, можете идти», и деньщик, отдав честь, молча удалился. Как хохотали мама и адъютант над нашей выходкой! Мама распорядилась, чтобы Ирина приготовила как можно скорей новый ужин для больного, который долго не мог успокоиться, вспоминая о происшествии и громко хохотал.

В продолжении всего рассказа Мили весело смеялся, под конец же катался по дивану, издавая нечленораздельные звуки. Слезы текли по его щекам и, наконец, он еле произнес: — ну, и шалуны же вы были, папочка, ты меня еще никогда так не смешил. — Теперь хохотали все, и Николай, и Анна, и белая баба. — Надо было только видеть эту фигуру, — вспоминал Николай, — лицо красное, нос в желтке, усы шевелятся как у таракана. Я теперь сам удивляюсь, как мы успели освободиться от пальто и убежать, пока он нас не схватил. Поколотил бы он нас здорово!

XIII

Несколько дней спустя, Мили, усевшись на колени отца, заявил: — я знаю, что ты будешь мне рассказывать о том, как напали разбойники на русскую землю и как вы от них убежали, неправда ли? — и предвкушая удовольствие услышать что-то необычайное, он ближе прижался к отцу.

— Я думаю, — продолжал он задумчиво, — что было бы довольно одного богатыря, чтобы отогнать целые полчища разбойников, и вам не пришлось бы убегать, не правда ли, папочка?

— Совершенно верно, но у нас получилось обратное: разбойников была горсточка, а русская армия была большая и хорошо вооруженная, а победили разбойники.

— Как могло это случится? — огорченно воскликнул мальчик, — нет храбрее русского солдатика, я их так люблю. Помнишь, как они отвечают в песне: «солдатушки-ребятушки, а где же ваши жены? — наши жены — ружья заряжены, вот где наши жены!»

Лицо мальчика пылало и глазки сверкали. Николай невольно им залюбовался. — Сейчас, Мили, я не могу тебе объяснить причину нашего несчастия, как могло случиться, что разбойники убили нашего царя и его деток, народ ограбили, церкви разрушили и что тысячи русских людей сейчас скитаются по чужим странам. Одно могу сказать, что борьба с ними не закончена и что может быть и тебе придется еще с ними воевать, как ты думаешь?

Мальчик ничего не ответил, но только грустно улыбнулся, что не ускользнуло от внимания отца.

После Пасхи, о которой я тебе рассказывал, — начал Николай, — мы еще прожили целое лето дома, но уже было неспокойно. Банды разбойников поджигали усадьбы и убивали хозяев. Мой папа часто выезжал с вооруженными отрядами, чтобы ловить их, но они всегда разбегались. Однажды поздней осенью папа узнал, что на ближайшей станции собралось много бандитов и решил поехать туда в одном вагоне с паровозом. Но кто-то предупредил их и они придумали ужасную вещь — пустили пустой паровоз по той же линии, чтобы он столкнулся с папиным. Когда папа и офицеры заметили, что на них летит с большой скоростью паровоз, они в первую минуту растерялись, но папа, сообразив, в чем дело, крикнул: «прыгайте на землю», и вот, на всем ходу люди выскочили из вагона, а за ними папа, причем так неудачно, что повредил себе ногу и еле добрался до станции, опираясь на руку своего помощника. Дома он пробыл только несколько часов, так-как оставаться ему было опасно: бандиты захватили власть в свои руки и немецкие военные части уже покинули наш город. *)

Мы должны были уехать на другой день тоже в Киев, где жила мамина сестра с двумя девочками, нашими кузинами. Но ночью случилось страшное происшествие, о котором Андрюша и я узнали гораздо позже. Няня нас уложила пораньше и когда мы уснули, мама начала укладывать вещи с няней, а Ирина и Улька в кухне чистили гусей, которых мы должны были взять с собой, так-как в больших городах было трудно доставать продукты и кроме того они были очень

*) Окупация Украины немецкими войсками продолжалась с весны до осени 1918-го года.

дороги. Была холодная ночь. Ярко горела на небе полная луна и заливала светом первый выпавший снежок. Лампу можно было не зажигать, что мама и сделала, чтобы с улицы нельзя было видеть, что делается внутри. Вдруг мамочка вздрогнула: на балконе ходили какие-то люди и нахально заглядывали в окна. Мама испугалась и побежала в свою комнату. И о ужас! Такие же страшные лица заглядывали и сюда.

«Наш дом окружен со всех сторон», прошептала, задыхаясь, вбежавшая Улька, и не успела она это сказать как в дверь кухни сильно постучали. Не ожидая ответа, один из разбойников рванул дверь и она широко открылась и вслед за ним ввалилась целая ватага людей с винтовками за спиной. Один из них спросил, где наш папа, на что мама ответила, что он уехал несколько дней тому назад, но куда именно она не знает. «В таком случае мы должны арестовать вас. Одевайтесь и следуйте за нами»

— Бедная бабушка — прошептал Мили, с ужасом глядя на отца.

— Мама побежала в спальню, осторожно поцеловала нас, перекрестила и шепнула няне: «смотри, ради Бога, за детьми». «Не беспокойтесь, барыня», ответила та. Мамочка надела калоши, шубку, и, накинув платок на голову, пошла за солдатами. Ирина, няня и Улька стояли на пороге и плакали. Мамочку усадили в сани, кругом обступили солдаты верхом на лошадях и в миг все исчезло за воротами.

— Как страшно, — прошептал Мили, уставившись в лицо отца полными ужаса глазенками.

— Да, хорошо, что мы спали. Воображаю, какой бы мы рев подняли, если бы увидели чужих людей, уводящих маму из дому, — сказал Николай, обращаясь к Анне.

— Как потом рассказывала мама, сани подъехали к тюрьме и один из солдат пошел доложить, что маму привезли. Он долго не возвращался и каково было удивление мамы, когда ее не высадили, а сани полетели дальше и привезли ее в гостиницу. Там ее поместили в отдельной комнате и сказали, что она может ложиться спать а утром ее допросят. Дверь оставалась открытой всю ночь и на пороге стоял солдат. Конечно, мама не сомкнула глаз до утра, но как только забрезжил свет она от усталости неожиданно заснула. Вдруг она почувствовала, что кто-то ее дергает за руку и с ужасом увидала перед собой солдата. «Вероятно, меня сейчас поведут на расстрел», подумала мама и никак не могла понять, что ей говорил солдат, подавая какую-то бумагу. По распоряжению их начальства маму освободили условно — она должна была подписать бумагу, что никуда из города не выедет. Представляешь мамочкину радость! Выйдя из гостиницы, она не взяла извозчика и утопая по колени в снегу, бежала всю дорогу, только и думая о том, как она обнимет своих дорогих мальчиков. Друзья нашего папы, которые хлопотали об освобождении мамы, посоветовали ей, несмотря на данную подписку о невыезде из города, уезжать при первой возможности, так-как ее могли бы схватить вторично.

И вот, няня придумала такой план. Наняли крестьянские сани и посадили в них маму, переодетую простой крестьянкой и нас, завернутых в какое-то тряпье. До станции было 15 километров и так страшно было проезжать мимо часовых, которые стояли на перекрестках дорог и внимательно осматривали каждые сани. Но Бог нас спас. Мы

благополучно сели в поезд и добрались до квартиры тети Вали. В Киеве нас никто не знал и мы на другой же день побежали к папочке, который жил на другой квартире, чтобы с ним попрощаться: он уезжал с военным немецким поездом в Германию, мы же оставались в Киеве с тетей Валей, так как ее муж, дядя Грицик, был на Дону. Из разговоров взрослых мы поняли, что разбойники, которых они называли большевиками, убив нашего царя, захватили все города и утвердились в Москве. Однако, верные царскому престолу офицеры не признали эту власть. Они стали пробираться на юг России, там сформировали добровольческие отряды и решили изгнать большевиков, постепенно продвигаясь с юга на север. Для меня дядя Грицик был герой-богатырь и мне так хотелось рассказать о нем моим товарищам, но мама и тетя Валя строго это мне запретили. Нашей любимой игрой был поход на большевиков и вооружившись палками мы маршировали по тротуару перед домом. Однажды, мы придумали такую вещь. Зная, что наш национальный флаг запрещен, а вместо него везде висят красные тряпки, мы тайно сшили из тряпочек русский флаг, прикрепили к древку и стали расхаживать по улице и петь наш гимн «Боже Царя Храни». Тетя Валя, увидев нас из окна, выхватила флаг и нас разогнала.

— Какие молодцы, никого не боялись! — в восторге воскликнул Мили.

— Ну, положим, — улыбнулся Николай, — из-за таких молодцов могли бы расстрелять не только нас, но и всех квартирантов этого дома. Вообще, жить было очень опасно. По ночам врывались в квартиры вооруженные люди искать оружье и царских офицеров, все перерывали вверх дном и если кто-нибудь им казался подозрительным, уводили с собой и, конечно, он уже не возвращался домой.

— Убивали? — с ужасом вырвалось у Мили.

— Вероятно... Еще помню, что мы вечно переселялись из квартиры в квартиру, так как приходили какие-то люди и объявляли нам, что это помещение необходимо для какой-то канцелярии. Квартиру найти было очень трудно, а еще тяжелее переносить на руках вещи. Я помню, что мне всегда давали нести чайник, — рассмеялся при этом воспоминании Николай. — Мама и тетя Валя никуда из дома не выходили, так как очень часто отряды полиции оцепляли целые кварталы, а также пляжи и уводили с собой толпу народа. Вот почему нашей единственной прогулкой было только хождение на базар. Няня с кузинами и Андрюшей оставались дома, а ходили на базар мама, тетя и я. Прежде чем покупать, надо было раздобыть денег, так как их у нас не было и мы жили на то, что получали от продажи скатертей и простынь. Крестьянки, у которых теперь было много денег, охотно покупали вещи, о которых раньше никогда даже не слыхали. Ни мама, ни тетя Валя не ходили прежде на базар и не имели понятия, какое мясо надо покупать, вот почему няня на них всегда ворчала и была недовольна покупкой. Обыкновенно мама шла с тетей под руку, а я плелся сзади. На одной руке у мамы висела корзинка. В руке у тети была газета и они на ходу читали. Я знал, что они, прежде всего, ищут фронт: где добровольцы находятся и отступают ли красные. Уткнувшись в газету, они забывали все и оживленно шептались. По их лицам я угадывал, что вести хорошие и что наши папы скоро к нам вернутся... «Недалеко от Харькова, значит и до нас уже скоро до-

берутся», возбужденно шептала тетя Валя. Воспользовавшись тем, что на меня никто не обращал внимания, я вытаскивал из корзины вишни и глотал их с большим аппетитом. И опять доставалось маме и тете от няни за то, что они не смотрели на весы и крестьянка их обманула.

— Ах, папочка, значит ты всегда был обжорой, вот и теперь тащишь варенье у белой бабы, — с легким укором заявил Мили и все находящиеся в комнате не могли удержаться, чтобы не рассмеяться при этом замечании.

— Что же делать, Мили, я так люблю сладкое, что не могу, чтобы не стащить, — шутил Николай.

— В августе Киев был освобожден. Сначала вернулся папа, а через неделю дядя Грицик. Я от него не отходил и просил рассказывать мне, как он сражался с красными бандитами. Дядя подарил мне австрийский штык, который я сейчас же повесил на пояс и никогда с ним не расставался. С ним я выехал из России.

— А где же он? — спросил Мили с любопытством.

— Когда придешь к бабушке, штык перейдет к тебе по наследству — обещал Николай. — К сожалению, радость наша продолжалась недолго. Красные окрепли и стали теснить добровольцев, отнимая город за городом. Вновь загрохотали пушки под самым Киевом. Нельзя было терять ни минуты. Один только свободный путь был к морю в Одессу. Бросив все, с маленьким багажем, мы попали в последний поезд, в котором была походная канцелярия и телефонная станция. На расставленных столах были поставлены пулеметы. Не то, что лечь, но и сидеть негде было. Мама попросила коменданта поезда позволить уложить нас на столе, а папа с мамой примостились на полу. В вагоне не было холодно, так как в нем стояла большая железная печка. Поезд тянулся очень медленно, а иногда стоял по несколько часов. Если деревня была близко, то крестьяне приносили молоко, хлеб, бублики, которые публика расхватывала в миг. Случилось однажды такое происшествие: в вагон вошел комендант поезда и приказал мужчинам грузить дрова для паровоза, потому что мы не могли продолжать путешествие и рисковали попасть в руки красных. Никто не двинулся с места, потому что мужчины не спали предыдущую ночь, работая на погрузке дров.

Вот мама и говорит молодой женщине, которая сидела рядом с ней: «пойдем, попробуем грузить и возьмем моего мальчика, авось и он поможет.» Не сказав никому ни слова, мы незаметно выскользнули из вагона. Бревна были сложены на площадке очень высоко и надо было взобраться на самый верх ее. Сперва мама и тетя подбросили меня и когда я взобрался, то подал руку маме, а мама втянула тетю. Нам казалось, что это было самое трудное, а между тем работа предстояла нелегкая. Бревна были длинные и тяжелые, а их надо было подтянуть так близко к тендеру, чтобы машинист мог их схватить и втянуть к себе. Мы так засиделись в вагоне, что принялись работать с таким рвением, что машинист удивился. Через несколько минут мы так наловчились подтягивать бревна, что нам это уже не было трудно. Скоро новость о новых работниках разнеслась по всему поезду и мужчины прибежали, сконфуженные, сменять нас. Дошло это и до коменданта, который поблагодарил нас и даже записал имена. Через 3 недели мы, наконец, доехали до Одессы. Было очень холодно и дул силь-

ный ветер, но снега не было. К счастью, мы там долго не оставались и, погрузив наш бедный багаж на ручную тележку, двинулись в порт. У набережной стоял громадный пароход, который принимал беженцев. Офицер проверил документы и нас повели в трюм, где уже было много русских людей. К вечеру мостики были сняты, громко заревела труба и наш пароход вышел на внешний рейд, так как капитан опасался, чтобы большевики не начали его обстреливать. В городе шла стрельба... Надо было видеть отчаяние несчастных людей, которые опоздали к отходу парохода...

— А вот вас Бог принес во-время... серьезно заметил мальчик.

— Да... куда мы плыли, мы не знали, но были счастливы, что покинули родину, чтобы в чужих краях начинать новую жизнь. Впрочем, в то время никто об этом серьезно не думал и на наше путешествие большинство смотрело, как на поездку заграницу, которая продолжится несколько месяцев. Теперь мне это кажется смешным, а ведь тогда люди были серьезно убеждены, что большевики долго не продержатся, и мы вернемся домой.

— Значит, папочка, ты не думаешь, что мы вернемся? — с явным огорчением пробормотал Мили.

— Не знаю, милый, все может случиться! Помолчав немного, Николай продолжал, — Андрюша и я с удовольствием бегали по палубе и любовались морем, ведь это было наше первое путешествие. Английские матросы относились к нам хорошо и подкармливали нас вкусными вещами: сыром и мармеладом. Когда началась буря и пароход стало качать, почти все пассажиры заболели морской болезнью. Мама лежала на спине и ничего не ела, тогда как папа, Андрюша и я даже не потеряли аппетита. Эта буря случилась, когда мы подходили к Константинополю. К большому нашему огорчению нам не разрешили выйти на берег и мы поплыли дальше, в Салоники. Тут-то и решилась наша судьба. На борт корабля поднялись сербские военные представители и сообщили нам, что Сербия соглашается принять беженцев. Нас пересадили в поезда и мы сперва попали в старую Сербию, где и прожили шесть недель, а затем уехали в Белград, так как надо было устраиваться на работу. Несколько лет мы жили в Земуне, до тех пор, пока папа не получил службы в одной белградской торговой фирме. С тех пор мы не покидали Белграда. Оба окончили нашу русскую гимназию, куда и ты поступишь. Я же успел справиться и с университетом и буду работать, как агроном, а ты будешь мне помощником, хочешь?

— Еще бы! — радостно откликнулся Мили.

— Ну вот и отлично, а пока что нужно как можно скорей научиться говорить по русски, чтобы тебе не было трудно в гимназии.

XIV

— Как тяжело у меня на душе сегодня, мама, — жаловалась Анна, обращаясь к матери, — вот так и кажется, что нас ждут тяжелые испытания в очень скором времени.

Мать, сидевшая на скамеечке у плиты, только вздохнула и еще ниже опустила голову.

— Чем ближе приближается время к неизбежной развязке, — в

том же грустном тоне продолжала Анна, — тем становится страшнее и этим страхом заразил меня Никола. Он, несомненно, боится, что я, простая сербская женщина почти без образования и без знания русского языка, вряд-ли смогу занять место в русском обществе, — и горькая улыбка искривила ее губы. Иначе, чем объяснить его упорное нежелание сказать правду родителям, ведь и им будет тяжело и мне не легко; подумать только, что Мили исполнилось пять лет! И как он, бедненький, старается учить русские стихотворения и песенки, чтобы сделать удовольствие русской бабушке, которую он так хочет видеть. Мы часто обсуждаем наше положение и Николай решил так: в день получения диплома он напишет письмо родителям, в котором изложит правдивую историю нашего брака, скажет о существовании сына и попросит прощения за доставленное им огорчение, а через несколько дней, в течение которых отец и мать, ознакомившись с положением, примут то или иное решение, мы пойдем узнать, что нам уготовано судьбой.

— Ну вот и прекрасно придумали, — обрадовалась мать, — не волнуйтесь, все образуется, ведь родители, люди интеллигентные, которым пришлось много пережить, прежде чем дети стали на ноги, не захотят же они огорчать дорогого им сына, а в особенности, когда они узнают, что у них внук. Чем виновато бедное дитя, которое еще не зная их, уже любит их своим маленьким сердечком. Поверь, что они сумеют наладить дальнейшую жизнь.

— Мама, ты мне не напоминаешь, что Мили бегает до сих пор во дворе! — встрепенулась вдруг Анна. Сегодня погода очень скверная, сыро и дует северный ветер. Долго ли захватить простуду. Я так просила его не выходить сегодня, но разве его удержишь, когда мальчишки на улице. Пальтишко-то у него ветром подбито, а ботинки пропускают воду, — и не будучи в состоянии сдержать охватившего ее волнения, она, набросив теплый платок на плечи, выбежала из комнаты. Баба Ката, осталась сидеть у плиты и подбрасывая поленца, прошептала: — Боже милостивый, возьми моих деток под защиту. — Дверь быстро открылась, и Анна, запыхавшись, держа сына за руку, появилась на пороге. Мальчик вошел молча и в движениях его чувствовалась усталость. Он медленно стянул с головки беретик, бросил его на стул, а сам в пальтишке повалился на бабушкину кровать.

— Что с тобой, — и белая баба сорвалась со своей скамейки.

— То что я и говорила, — вне себя от волнения, почти крикнула Анна и быстро стала раздевать мальчика. — Что у тебя болит? наклонившись над сыном, спрашивала мать. Мили лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал.

— Голова болит и горло, — прошептал он.

— Подумай только, как он меня перепугал, — обратилась к матери Анна. — Я его нигде не могла найти, между играющими детьми его не было. Смотрю, а он стоит, прислонившись к дереву и наблюдает за игрой. — Мили — закричала я, — почему ты не двигаешься, ведь так озябнуть можно.— А он на это только улыбнулся и подавая руку, еле пробормотал: — пойдем домой, мама, я что то очень устал.

— Укрой его потеплее и дай горячего чаю с лимоном, он согреется и заснет, а за ночь все, даст Бог, пройдет, — решительно сказала мать.

— Надо ждать до утра во всяком случае, — согласилась Анна, — ведь мы не можем дать знать Николе, это может сделать только кума,

она уже найдет возможность или на словах передать или записочку послать. Вот если бы она повидала Дашу, та всегда вертится во дворе и следит, когда Никола уходит в университет и когда возвращается домой. Не знаю, к какому доктору обратиться, так боюсь, что он скажет вести в больницу, ведь ты уже знаешь, как там ужасно! И Анна разрыдалась.

Ребенок начал метаться и сбрасывать одеяло, температура несомненно подымалась. Он стонал и бормотал что-то несвязное. Приподняв головку, Анна давала ему холодного жидкого чая, так как от горячего он наотрез отказался. У стола, на котором горела маленькая ночная лампочка, сидели обе женщины, изредка перекидываясь словами и напряженно прислушиваясь к дыханию Мили. Наконец их стала одолевать дремота и склонив головы на стол, обе они забылись тревожным сном.

Но вот, чуть-чуть забрезжил свет. Ребенок тихо застонал, и Анна бросилась к кровати. Она стала пристально всматриваться в личико ребенка и вдруг опрометью бросилась будить мать.

— Мама, я думаю, что у него скарлатина, шея покрыта красной сыпью, смотри за ним, а я бегу к куме, — и перепуганная баба Ката услыхала только, как хлопнула сильно калитка за выбежавшей за ворота дочерью...

Всю дорогу Анна бежала и ворвавшись к Розе тяжело опустилась на первый попавшийся стул у дверей.

— Что случилось, в каком ты виде и почему так рано прибежала? — все эти вопросы вырвались у Розы при виде неожиданной гостьи. Она стояла у плиты и держала в руках кофейник, который чуть-было не уронила от неожиданности.

— Мили заболел, и я думаю скарлатиной, — с трудом произнесла Анна.

— Иезус Мария! — в ужасе прошептала Роза, затем быстро натянув ватную кацавейку, схватила Анну за руку и потащила из комнаты, не удостоив деда ни единым словом. Уже за калиткой двора, она сказала коротко: — иди домой, а я пришлю доктора.

— Кума, — взмолилась Анна, — я еще хочу тебя попросить дать знать Николе, ведь мало ли что может случиться, а он и знать не будет.

— Об этом не беспокойся, — отрезала Роза, — не впервые всякие поручения исполнять, авось и сегодня удастся привести отца к маленькому больному. То-то Мили обрадуется, так как я уверена, что это твоя фантазия относительно скарлатины и к тому времени, как я приведу Николу, он уже будет сидеть рядом с Катицей и пить молоко.

Ах, кума, какую ты тяжесть снимаешь с моего сердца, если бы только так было, как ты думаешь, — вздохнула, вся загораясь надеждой, Анна. И с этими словами она направилась в противоположную сторону...

Пришедший доктор определил скарлатину и написал в городскую больницу распоряжение немедленно принять в заразное отделение сына работницы Анны Никитиной, Милорада. В Белграде было строго запрещено лечить на дому больных инфекционными болезнями. Доктор настойчиво торопил Анну и та была в отчаянии, что Розы нет, и она должна ехать в больницу в полном неведении относительно Николы. Однако, медлить нельзя было, приходилось действовать самостоятельно. Анна позвала такси и укутав ребенка в одеяло, отправилась в больницу. Сердце ее разрывалось от жалости, ведь ей впервые приходилось оставлять сына на попечении чужих людей и при том больного. Она вся холодела от ужаса при мысли, что будет ночью, когда Мили увидит незнакомое лицо сиделки.

С тяжелым чувством вошла Анна в приемную больницы. За столом сидела высокая женщина в одеянии католической монахини с четками и крестом на поясе и в белом головном уборе. Еле кивнув головой на поклон Анны, она коротко бросила: — докторское свидетельство. — Анна подала бумагу. Та молча прочла ее и позвонила в колокольчик, стоящий на столе. Вошла санитарка, простая приветливая женщина в сером платье и белом переднике.

— Возьмите ребенка и отнесите в детское заразное отделение в комнату для больных скарлатиной — распорядилась холодно надзирательница.

Анна очнулась от оцепенения только тогда, когда санитарка подошла к ней и посмотрев на нее с видимым участием, тихо сказала: — давайте ребенка и не беспокойтесь, он скоро будет снова у вас. — Эти слова вернули Анну к печальной действительности. Слезы брызнули у нее из глаз и она прижалась к лобику сына. Санитарка мягко, но решительно взяла мальчика из ее рук и быстро исчезла за дверью.

— Как же я буду знать, как проходит болезнь моего ребенка, в какие дни и часы я могу его навещать?

— Навещать! удивленно протянула монахиня, — что вы, милая, хотите разносить заразу по всему городу! — и она иронически улыбнулась. — Родителям, у которых дети в заразном отделении, разрешается подходить по вторникам к окну больницы в два часа дня, и дежурная сестра покажет вам ребенка через окно, если его состояние здоровья позволит.

Услыхав это, Анна, шатаясь от волнения, вышла из приемной, не сказав больше ни слова. Какой ужас, увидеть ребенка через окно и не быть в состоянии определить его самочувствие. Эта мысль ее преследовала на обратном пути, пока она ехала в трамвае. Выйдя из вагона, она, не узнавая улиц, бежала теперь домой, то и дело натыкаясь на прохожих, которые провожали ее удивленными взглядами. Дома она застала Розу, которая ее поджидала с нетерпением. По выражению ее лица Анна поняла, что миссия ее не удалась.

— Ну, что, кума, нашла Николу? — так и бросилась она к Розе.

— Если бы был в Белграде, то нашла бы, а вот беда в том, что он уехал в Митровицу на какую-то работу; сама знаешь, что он, бедняга, за все хватается, лишь бы где подработать. Не забывай того, что через два месяца последний экзамен и наш Никола — инженер-агроном, а следовательно ему надо прилично одеться, довольно бегать оборванцем— заявила решительно Роза.

— Как ты все это узнала? — упавшим голосом спросила Анна. Роза загадочно ухмыльнулась.

— Я забыла тебе рассказать, что я случайно познакомилась с братом Николы — Андрюшей, как они его называют по русски. Славный хлопчик! Я его давно знала, Даша мне его как-то показала и захотелось мне с ним поговорить, а тут и случай представился. Шла я как-то по улице мимо их двора и несла корзину с бельем. И в ту минуту, когда я поравнялась с их калиткой, из двора выскочил Андрюша, веселый такой, песенку напевает. В руках несет сокольскую форму, повидимому шел в соколану. Я сделала резкое движение и корзинка моя сползла с плечь, вот-вот упадет на землю. Андрюша подскочил и ловким движением поставил корзинку обратно на место. — Хвала лепо, млади господине, — сказала я улыбаясь и тут же вступила с ним в разговор.

Сегодня я подошла к калитке в надежде увидеть Дашу, которая меня всегда обо всем информирует. Стою этак и не знаю, что предпринять, как вдруг слышу мужские шаги. Может быть на мое счастье сам Никола идет, и не успела я отойти подальше от калитки, как появился Андрюша. Он меня сразу узнал, любезно раскланялся и смеясь спросил: — что ж это вы сегодня без корзинки? — Тут я стала хитро задавать ему вопросы, как будто невзначай и узнала все, что мне было нужно. Он сообщил мне, что вот уже несколько дней, как он один дома, так как его брат-студент уехал на работу в Митровицу, и он не знает точно, когда он вернется.

Анна слушала, не перебивая, но по выражению ее лица видно было, что рассказ Розы произвел на нее неприятное впечатление. — Я понимаю, кума, заговорила она, когда та замолчала, — я все это понимаю и нисколько его не осуждаю за желание подработать, чтобы освежить свой гардероб, ведь предстоят прощальные пирушки студентов с профессорами, фотографические съемки, наконец, надо явиться в министерство земледелия, об этом мне говорил Никола, но вот чего я не могу простить ему, почему он уехал, не забежав сюда хоть на пол часа поделиться своими планами и поцеловать... если не меня, то хоть ребенка, — и она при этом горько улыбнулась. — Ведь подумай только, мы адреса не знаем и сообщить о болезни не можем, а от него письма конечно не дождемся, он всегда говорит, что писать не любит, а тут еще работа, куда уж там! — и она безнадежно махнула рукой. Вот и пришлось свести ребенка в больницу на мою рабочую карточку, платить не придется, но воображаю, как там будут лечить.

— Не хуже и не лучше чем других — сердито возразила Роза, — не он первый, не он последний, дети болеют у всех. Родители отдают их в больницу, а через две недели, смотришь — ребенок уже бегает веслый, забыв о свом несчастьи. Сколько я таких видела!

Потянулись дни, полные тоски и тяжелых предчувствий. Анна похудела и побледнела и приводила мать в отчаяние, когда на ее настойчивую просьбу съесть что-нибудь, отвечала категорическим отказом, или если и съедала что-нибудь, то очень мало. Она продолжала ходить на работу, отдаваясь ей всецело, чтобы заглушить свою тревогу, но с подругами не разговаривала.

Наступил ожидаемый с таким нетерпением день свидания. Еще задолго до назначенного часа Анна стала собираться и торопить Розу. Наконец они вышли, а баба Ката все стояла на пороге и смотрела им вслед глазами, полными слез. Ослабевшая Анна еле поспевала за Розой и войдя в вагон трамвая в изнеможении опустилась на скамью. Но вот, наконец, последняя остановка. Сперва все посетители больницы шли вместе, войдя же в ворота разбрелись по всем направлениям: одни пошли к хирургическому отделению, другие к родильному. Одни только матери, имевшие детей в заразном отделении, выстроились перед окном и стали ждать, когда им покажут детей. Анна широко раскрыв глаза, устремила взор к окну, схватив Розу судорожно за руку. — Эво мой Иова, — крикнула вдруг стоящая рядом с Анной женщина и в окне, действительно, появилось бледное личико ребенка, смотревшее безучастно, несмотря на отчаянные жесты матери, которая старалась привлечь к себе его внимание. Вдруг личико сморщилось, ребенок заплакал. Сиделка тотчас же исчезла с ним. Так показывали по очереди по несколько минут больных детей и быстро уносили.

— Вот Мили, — крикнули в один голос Анна и Роза. — Мили, злато мое, ту сам я, — крикнула Анна прерывающимся от слез голосом. Мили устремил глазенки в окно, и когда сиделка шепнула ему что то на ухо, он слабо улыбнулся.

— Видишь — вне себя от радости воскликнула Роза, — он улыбнулся, значит опасность миновала. — Сиделка еще раз высоко его подняла и исчезла.

Такие свидания происходили раз в неделю, и хотя они мало удовлетворяли Розу и Анну, тем не менее они замечали, что мальчик выглядит бодрее. При последнем свидании, он уже махал ручкой и что-то кричал в окно. Николай вернулся с работы к тому дню, когда получилось разрешение взять Мили из больницы, и он сам съездил за ним.

XV

В Белграде царило большое оживление: очередной слет соколов должен был состояться в этом году в столице Югославии. Работа кипела с раннего утра до поздней ночи. Сооружались трибуны для публики, ложи для иностранных послов и министров, а в центре — королевская ложа. Площадь, на которой предстояло выступать славянской молодежи, тщательно выравнивалась и утрамбовывалась. Вокруг площади сколачивались деревянные балаганчики для продажи прохладительных напитков. Все это громадное пространство напоминало собой муравейник. По всем направлениям двигались рабочие: одни тащили доски, другие подкатывали бревна, и звуки пил и топоров, сливаясь с громкими возгласами людей, раздавались в чистом воздухе.

Сербское население, а также и русские беженцы проявляли живой интерес к предстоящему невиданному зрелищу, не говоря уже о родителях, чьи сыновья и дочери состояли членами этой организации. Последний слет, который имел место в Праге, прошел блестяще, и там маленькая русская группа обратила на себя внимание своей безукоризненной работой и была отмечена жюри. Первым, получившим

высшие оценки, был Андрюша Никитин и его наградили лавровым венком, который был торжественно водворен на стену соколаны в Русском доме в Белграде. Вот почему здесь, в своем родном городе, русским соколам хотелось отличиться, зная, что на них будут устремлены взоры любящих родителей, учителей и товарищей по гимназии.

Высоко стоит солнце на безоблачно-голубом небе. День обещает быть жарким, но никто, конечно, на это не обращает внимания. На площади все готово для приема желанных гостей, и только вереница парней метлами удаляет мелкие кусочки дерева и опилки, чтобы площадь была идеально чиста. Нарядно выглядят ложи, разукрашенные зелеными ветками, в особенности же королевская с двуглавым орлом и развевающимися вокруг нее национальными флагами.

Приехавший из провинции народ из боязни остаться без места, задолго до начала слета стал заполнять трибуны. Расположившись на скамьях, люди спокойно вытаскивали из мешечков привезенную ими домашнюю провизию и принимались с аппетитом закусывать, рассматривая, в то же время, расстилающуюся перед ними площадь, по которой то и дело пробегали торопливо устроители слета. Несколько рядов продавцов мороженного уже устроились со своими повозками вокруг площади, выкрикивая громкими голосами: «сладолед.» По ступенькам трибуны шныряли мальчишки в белых передниках с картонными кружочками с надписью «сокольский слет», предлагая публике холодные фруктовые воды, которые вмиг расхватывались, так как солнце пекло немилосердно.

Никитины жили вблизи площади, тем не менее Елизавета Васильевна с утра начала волноваться, как бы не опоздать и успокоилась только тогда, когда села рядом с мужем на деревянную скамью высоко над площадью. Сокола живописными группами стояли по краям площади, ожидая сигнала к выступлению.

— Как все выглядит красиво, дай Боже, чтобы наши сокола показали себя с самой лучшей стороны, а в особенности наша гордость — Андрюша; волнуется ли он, как ты думаешь? — спрашивала Елизавета Васильевна улыбающегося при виде ее волнения Сергея Константиновича.

Казалось все было готово, но распорядители почему то медлили давать сигнал к выступлению. Все чаще и чаще поворачивались головы к королевской ложе, но, увы, там не замечалось ни малейшего признака жизни. Беспокойство стало овладевать публикой, а также и соколами, которые оживленно жестикулировали, бросали тревожные взгляды по направлению к королевской ложе.

— Сережа, заражаясь общим волнением, шепнула Елизавета Васильевна мужу, — что значит, что до сих пор нет короля, смотри все ложи уже заняты, как послами, так и представителями нашей администрации, ведь не может быть, чтобы он не приехал. Значит его что-то задержало, — старалась она тут же себя убедить.

— Ну, конечно, приедет, — как всегда спокойно ответил Никитин, — разве такое важное выступление может пройти в отсутствии короля, — и, мигнув лукаво жене, добавил: — ведь это действительно была бы настоящая катастрофа, если бы король не увидал сокола Ни-

китина. Ты, конечно, это имела в виду? — и он добродушно расхохотался.

— Совсем неуместная шутка, — обиделась Елизавета Васильевна, — я прекрасно понимаю, что на таком расстоянии нельзя рассмотреть отдельных фигур, но мне хотелось бы увидеть лишний раз нашего обаятельного короля и показать ему детей, которых он спас от верной гибели, приютив их у себя, теперь выступающих, как представители великой славянской страны.

Часы показывали опоздание на пол часа, как вдруг над площадью резко прозвучала труба; все пришло в движение. Это был знак, что слет объявляется открытым. В королевской ложе попрежнему царила тишина.

— Не придет, — потеряв окончательно надежду, вздохнула Елизавета Васильевна и, оглянувшись еще раз на королевскую ложу, устремила взор на площадь, по которой стройными рядами двигались чешские сокола. Полились звуки чудной музыки, под которую сначала сокола, а потом и соколки стали делать ритмические движения. Многотысячная толпа следила, затаив дыхание, за разворачивающейся перед ее глазами эффектной панорамой и, когда сокола стали покидать поле, разразилась дружными аплодисментами. Елизавета Васильевна не спускала глаз с программы, которую держала в руке. «4-ый номер — русские сокола» — повторяет она про себя несколько раз, — «может быть, король еще успеет приехать.» — Вот и вторая группа, местных сербов, ушла с поля и ее место заняли Лужицкие сербы.

— Последний номер, сейчас выходят наши сокола, — и волнение Елизаветы Васильевны доходит до предела, сердце ее замирает...

В эту минуту происходит что-то необычайное. Музыка играет национальный гимн, публика срывается с мест и, как один человек, забыв о соколах, дружно приветствует своего любимого короля: «живео краль!» и возглас этот подхватывается толпой народа, стоящей за пределами спортивного поля, и молодежью, облепившей все заборы и высокие деревья, растущие вдоль улиц.

Возглас этот катился все дальше и замер вдали. Король, королева и престолонаследник Петр в сокольской форме стояли у барьера ложи, приветливо улыбаясь и раскланиваясь на все стороны. Елизавета Васильевна была вне себя от восторга.

В глубине ложи пестрели мундиры королевской свиты. Впереди стоял маршал двора, генерал Аца Димитриевич, первый советник и друг короля. Большой русофил. Он принимал живое участие в судьбе тех, которых вихрь трагических событий занес на его родину. Как далек он был в этот момент от мысли, что скоро и он разделит их судьбу и вместе с многими из них попадет в Америку, чтобы не быть под властью, навязанной его родине красным интернационалом.

Когда королевская семья заняла свои места, публика успокоилась и взоры снова обратились к площади, на которой Лужицкие сербы заканчивали прерванную программу. Но вот они двинулись к выходу и на минуту площадь опустела. Стройными рядами стали выходить русские сокола и соколки, соколки — в синих коротких юбочках, белых рубашках и красных косынках на головах. Впереди группы выступал их старшина, в прошлом — русский полковник, высокий представительный старик с правильными чертами лица и орлиным взгля-

дом серо-голубых глаз. В полной парадной сокольской форме, с большим развевающимся знаменем, выступал он эластичным шагом.

— Как красиво! — вырвалось у Елизаветы Васильевны, и она тут же удивленно взглянула на мужа: — куда он их ведет? — Полковник не спеша подходит к королевской ложе и, тихо склонившись, опускает знамя к ногам короля.

Король встает. Чарующая улыбка озаряет его мужественное лицо и он отдает честь. —«Живео краль!» — вырывается из груди русских соколов. Эта сцена произвела потрясающее впечатление на сербскую публику. Со всех сторон послышались восклицания: — «братья русы, братья русы!»

Слезы текли по щекам Елизаветы Васильевны. — Сережа, ведь это же наши дети, которыми в будущем будет гордиться русский народ, — проговорила она в сильнейшем волнении: Заметив, что соседи на нее оглядываются с удивлением, она быстро вытерла слёзы. Могла ли эта толпа, которая только любовалась интересным зрелищем, понять ее переживания. Тем временем сокола уже развернулись и начали делать ритмические движения, которые по своей красоте и разнообразию превзошли все, виденное до этих пор.

— Не могу найти Андрюшу, а вот между соколками я отчетливо вижу Мару, — указывая на группу соколок сказала Елизавета Васильевна.

И сокола чувствовали, что приковывают к себе всеобщее внимание и что на них смотрит тот, который олицетворяет идею славянства, соединив воедино три ветви южных славян, как трех родных братьев. Сокольскую организацию король очень любил и покровительствовал ей и сокола очень гордились, что маленький престолонаследник Петр был их «товарищем по оружию».

«Неужели же конец?» — подумала Елизавета Васильевна, заметив, что сокола, отдав честь королю, начинают покидать площадь.

— Программа еще не закончена, нельзя же любоваться только русскими соколами, — рассмеялся Сергей Константинович и при этом инстинктивно повернул голову в сторону королевской ложи.

— Смотри! — с удивлением прошептал он. Королевская ложа была пуста.

— Значит, пришли точно к выступлению наших соколов, и как только номер закончился — ушли. Такого триумфа никто не мог ожидать! — с гордостью заявила Никитина.

Соколами исчезновение королевской семьи не было сразу замечено и как только русские очистили площадь, появились поляки в национальных костюмах. Под звуки полонеза, изящно изгибаясь, выступали паны и панночки с самодовольной улыбкой на устах. В каждом их движении сквозила самоуверенность. Они как-будто говорили: «посмотрите на нас и вы убедитесь, что нас нельзя сравнивать с той деревеньщиной, которую вы только что награждали аплодисментами». Только дойдя до середины поля, они заметили отсутствие короля и все их оживление пропало. Бесцветно закончился номер, они удалились явно обиженные.

Никитины досидели до конца и поспешили домой, чтобы обнять героя дня, ненаглядного Андрюшу.

XVI

У Никитиных теперь с утра до вечера царило большое оживление в связи с последними экзаменами Николая. Он стоял на пороге раскрытых дверей университета, в котором он провел свои юношеские годы. Да, теперь все это осталось позади, впереди же его ждала жизнь честного труженника. Надо было работать и для государства, которое дало ему возможность закончить образование, и для семьи, которая до сего времени существовала на крохи, перепадавшие ей от его скромной стипендии. Временами Николай с завистью поглядывал на своих товарищей, у которых никаких семейных тайн не существовало и которые беззаботно жили сегодняшним днем. Но это душевное состояние продолжалось не долго. Молодость брала свое: что думать о будущих заботах и обязанностях мужа и отца, когда впереди столько развлечений. Часто к нему забегали друзья, чтобы обсудить разные вопросы, связанные с их будущей деятельностью уездных агрономов. Никитина их всех любила, как близких ее сердцу мальчиков. В этой дружной семье были и русские и сербские студенты, и ко всем Елизавета Васильевна относилась в равной степени доброжелательно.

Особенно чувствовали себя у Никитиных, как в родном доме, два студента серба: Пая — сын простого селяка и Буда — это было его прозвище. Последнему наука давалась довольно тяжело и ему часто приходилось один и тот же предмет сдавать по 2-3 раза. Случалось, что когда ему прочтут неудовлетворительный балл, он первым делом бежал к Никитиным делиться своим горем. Его торопливые шаги и растерянный вид были красноречивее слов и Елизавета Васильевна сразу понимала, в чем дело.

— Госпожо, я сам пао, — трагически возвещел он с порога, и тогда Никитина начинала его утешать.

— Ничего в этом ужасного нет, — говорила она спокойно, — это может случиться с каждым. Я нахожу, что это имеет даже хорошую сторону, так как вы теперь знаете, на что надо обратить внимание и на следующем экзамене будете отвечать без запинки. Николай же, чтобы окончательно утешить друга, тащил чайник и чашки для чая. Неизменно появлялась внушительных размеров банка с вареньем и Буда приходил в неподдельный ужас при виде того, как Николай накладывал варенье на блюдца.

— Па то ние супа, брате, — старался он убедить товарища, на что тот только смеялся.

Так было и сегодня. За столом сидела вся семья Никитиных, Пая, Буда и Екатерина Петровна.

Когда Буда запротестовал против большой порции варенья, раздался вдруг голос Екатерины Петровны: — господин Буда, наши молодцы с детства не признают чайных ложек. Вот я вам расскажу, как я с ними намучилась, когда их мамочка уезжала в Париж повидать своих родных, а мне приказала смотреть за детьми. Вышла я это во двор, где они играли с другими детьми, постирать их рубашки. — Что это — говорю, — вы мне побросали такую массу мыть, ведь рубашечки совсем чистые. «Как чистые?» закричали оба, «в комнате еще остались грязные, вот мы вам сейчас принесем» — и мигнув друг другу исчезли за дверью кухни. Я стала мыть, а их нет, как нет. — «Надо пойти, посмотреть, что они там делают» — думаю я, и на цыпочках

подхожу к открытому окну кухни и заглядываю внутрь. И что же бы вы думали? Мои красавчики вытащили банку варенья из буфета и, вооружившись столовыми ложками, ну черпать прямо из банки! Я как закричу: «что вы делаете! Мама сварила варенье на зиму, а сейчас можно только сырые фрукты кушать!» — «Кушайте сами, на здоровье, Екатерина Петровна, а мы немножко полижем варенья» — и оба заливаются смехом и облизываются. Где уж там меня будут слушать!

Гомерический хохот всех присутствующих покрыл ее слова. Екатерина Петровна, довольная впечатлением, произведенным ее рассказом, кокетливо улыбнулась и с еще большим подъемом продолжала:

— Да, шалуны они были большие. Вот, что случилось однажды, тоже в отсутствие Елизаветы Васильевны. Андрюша пообедал и ушел в соколану, а Николай пришел позже. Покушав с аппетитом, он мне говорит: — «остался еще один шницель, так вот, хотелось бы сохранить его на ужин, да не знаю, где спрятать, чтобы Андрюша не нашел.» Думал он, думал и поставил его в глубину духовки, а сам ушел. К вечеру возвращается Андрюша, голодный, и говорит на своем любимом языке: «Екатерина Петровна, йисты хочу.» Я ему и говорю: «может быть пойти в лавочку купить колбасы?» — Смотрю, а мой Андрюша крутится по кухне и все тянет носом, да как засмеется! — «Екатерина Петровна, — говорит, — у меня нос, как у охотничей собаки и мне определенно кажется, что здесь пахнет жаренным, но где, вот вопрос?» — а сам все ближе и ближе к плите приближается. Я стою, ни жива, ни мертва. Вдруг Андрюша решительно открывает плитку и с торжеством вытаскивает тарелку. — «Вот видите, — говорит, — нюх то меня не обманул.» — «Андрюша, милый, это Ника оставил себе на ужин, лучше я приготовлю вам что-нибудь другое» — пыталась я защитить шницель Николая, так куда там! Он и ухом не ведет! Будто и не слышит. Поставил тарелку на стол, вытащил нож и вилку и вмиг шницель исчез. Потом взял лист белой бумаги, нарисовал на нем руку и из трех пальцев сделал фигуру, название которой вы, конечно, знаете, — и Екатерина Петровна сконфуженно потупила глазки. — Внизу на листке написал: «я съел шницель, а ты закуси фигой с маслом», засунул тарелку обратно в духовку и был таков. Уж и рассердился Ника, когда вернулся домой. Я, конечно, сказала, что не видела, как Андрюша вытащил тарелку, а то досталось бы и мне.

В течение всего рассказа молодежь буквально рычала от смеха.

— Да, трудно было с ними справляться, а теперь,когда попрошу Андрюшу поучить меня немецкому языку, так он отказывается, говорит, что я неправильно выговариваю «хватер», а я ли не старалась, — и она погрозила Андрюше пальцем, который, схватив Паю за шею, хохотал во все горло.

— Да, летит время, — вздохнула Екатерина Петровна, — давно ли детишки под стол пешком ходили, а нынче уже и школы пооканчали и на службу скоро поступят, а там, даст Бог, и гнездышки свои совьют и будем мы опять детушек няньчить, ведь правда, Елизавета Васильевна? — спросила она Никитину, весело улыбаясь.

— Да, конечно, — как-то неопределенно ответила та, и по лицу ее пробежала тень беспокойства. Все так шумели, что не обратили внимания на Николая, который, услыхав последние слова Екатерины Петровны, вздрогнул и побледнел, а затем краска залила его лицо.

И так продолжалось изо дня в день. Часы обеда и ужина не соб-

людались. Елизавета Васильевна хлопотала с утра до вечера, так как Николай приходил с товарищами в разное время, когда обед еще не был готов и приходилось делать завтрак на скорую руку, чаще всего колбасу с яичницей, любимое блюдо студентов. Но Елизавета Васильевна не замечала усталости и делала все зависящее от нее, чтобы только доставить маленькое удовольствие своему первенцу, который вот-вот улетит из гнезда. Последние денечки беспечной студенческой жизни, — думала она, — пусть же отдохнет и повеселится, а там... Она не кончала своей мысли, так как ей было страшно заглядывать в будущее... Самым животрепещущим вопросом был вопрос о том, куда пошлют на службу.

— Как ты думаешь, — спрашивал неоднократно Пая своего друга, — куда мы попадем?

— Мне решительно все равно куда, лишь бы дали возможность работать, — отвечал Николай. — Тебе то что беспокоится, далеко из Белграда не уедешь, у тебя ведь есть сильная протекция в министерстве.

— Не верю я протекциям, — возражал Пая. Но Николай оказался прав. Пая получил службу раньше других в Смедерово, центре виноделия, недалеко от столицы.

Вот и дипломная работа закончена, отпечатана и сдана на усмотрение начальства. Давно желанный день наступил: сияющий, влетел в комнату Николай с дипломом в руках.

— Твой вид, Ника, напомнил мне тот день, когда ты ворвался в кухню с радостным известием о благополучном исходе первого экзамена, помнишь? — смеялась Елизавета Васильевна, целуя сына.

— 33 экзамена сдать и написать работу, не шутка, — с гордостью заметил Сергей Константинович.

— Ну, теперь отдыхай, загорай на пляже и ожидай назначения на службу, ведь вы же наверное сразу полетите в министерство с прошениями? — продолжал Никитин.

— Обязательно, соберем все документы и «айде» к господину министру и, конечно, чем скорей мы это проделаем, тем лучше, — ответил Николай.

— А вот я, как раз обратного мнения держусь, — вмешалась в разговор Елизавета Васильевна, — сперва надо хорошенько отдохнуть, а потом уже приниматься за работу, знаешь, по пословице: «работа не медведь, в лес не уйдет» — и с этими словами она провела рукой по каштановым мягким волосам сына.

— Нет, мамочка, чем скоре я начну работать, тем лучше, — тихо отозвался Николай, целуя мать. Произнося эти слова, он как-то сразу потух и стал мало разговорчивым. Объясняя эту перемену усталостью и реакцией после нервного напряжения, родители не придали ей особого значения и все еще находясь под свежим впечатлением столь радостного события, отпустили с легким сердцем сына на студенческую вечеринку, устраиваемую в этот день в одной из популярных «кафан», где распеваются грустные «севдолинки», сменяющиеся веселым «коло» — национальным народным танцем. При первых звуках этого веселого танца публика срывается с мест и взявшись за руки, лавируя между столиками, двигается в быстром темпе, выделывая

ногами сложные «па». Сидящие же на своих местах громко поют и хлопают в такт в ладоши. На столиках, на небольших длинненьких блюдах, аппетитно щекочут обоняние неизменные «ражничи» и «чебапчичи» с мелко нарезанным сырым луком, которые молодежью уничтожались в огромном количестве.

Николай, сидя со своими товарищами за отдельным столиком и отдавая должное ужину, с особенным удовольствием слушал свои любимые грустные песни, которые так глубоко проникали в его взволнованную душу

Оставшись одни, Никитины сели за свой скромный ужин, не переставая обмениваться своими соображениями относительно будущей жизни сына.

— Слава Богу, что мальчик наш наконец у пристани, — сказал Сергей Константинович. — Детство прошло в тяжелых условиях, зато теперь ему будет легче. Насколько мне известно, агрономы оплачиваются прилично, да и в провинции жизнь дешевле, а много ли одному нужно, ведь мы с тобой на его жалование не посягаем, неправда ли? — обратился он к жене.

— Еще бы! Чтобы я оторвала кусок хлеба у сына! Да он у меня станет поперек горла! — воскликнула та с жаром.

— Я вне себя от волнения, — вставая утром с постели, сказала Елизавета Васильевна, — ведь вот уже три дня, как Николай не показывается на глаза. Мало ли, что могло случиться! Конечно, он сейчас свободен и может располагать своим временем по своему усмотрению, тем не менее, зная, как я всегда волнуюсь, если он исчезает, не предупредив, он должен был бы забежать и сообщить о своих планах, — и в голосе ее зазвучала обида.

Никитин ничего не возразил жене и пока она расставляла чашки для утреннего завтрака, он ходил из угла в угол и о чем-то сосредоточенно размышлял. Молча, еле дотрагиваясь до еды, сидела Елизавета Васильевна у стола, затем принялась убирать посуду.

— Пойду принесу несколько полен дров, — как-то устало и безразлично произнесла она и с этими словами вышла в коридорчик, в котором находилась небольшая кладовая для дров и угля. Открыв дверь небольшим ключем и взяв то, что ей нужно было, она отправилась обратно в кухню. Проходя мимо почтового ящика, она машинально подняла глаза.

Письма Никитины получали преимущественно из за границы, так как мать, сестры и брат Елизаветы Васильевны, Миша, эвакуировались во Францию, где последний окончил Лионский университет на медицинском факультете, был натурализован и стал врачем. Кроме того, от времени до времени приходили письма из Германии от того самого бывшего офицера-адьютанта полкового командира, который жил у Никитиных в доме на Украине, и о котором Николай рассказывал сыну. Теперь, вернувшись после войны на родину, он занял свой прежний пост директора автомобильного завода и несмотря на то, что был завален работой, он своих далеких друзей не терял из виду, поддерживал переписку и интересовался успехами Николая и Андрея.

Что-то белело в глубине ящика. Положив дрова возле плитки, Елизавета Васильевна, сняв с гвоздика ключик, открыла ящик.

Письмо было с городской маркой и почерк ей показался знакомым. Не всматриваясь в него, Елизавета Васильевна в недоумении разорвала конверт и вынула мелко исписанный листок.

— Письмо городское и я не могу понять, от кого оно может быть, сказала она мужу и начала тут же читать.

«Дорогие мои папочка и мамочка!

Я знаю, что этим письмом наношу вам большое огорчение, болею душой, но другого выхода нет. Я молчал пять лет и это вынужденное молчание было для меня ужасно, а сказать вам все, принести чистосердечно мою исповедь, признаюсь, не хватало у меня смелости. Но теперь настало время,когда я наконец могу облегчить свою душу. Не пугайтесь, дорогие, этого предисловия. Я никакого преступления не совершил. Я только распорядился своей жизнью, не посоветовавшись с вами. Теперь я в этом сильно раскаиваюсь и мне тяжело, что я не попросил вашего благословения на такой серьезный шаг. Знайте же, что ваш сын — не беззаботный, соскочивший с ученической скамьи студент, а женатый человек и имеет 5-тилетнего сынишку. Женат я на простой сербской работнице. Сына моего зовут Милорад, что меня крайне огорчает. Его крестили в мое отсутствие и потому дали ему сербское имя. Вы, конечно, догадываетесь, почему я не сообщил вам о своем желании жениться. Ведь ребенок-то появился на свет, когда я еще не вышел из гимназии и вы, конечно, не допустили бы, чтобы я выполнил свой долг по отношению той, которая была таким же ребенком, как и я сам. Теперь тяжесть, которая угнетала меня в течение этого длинного периода времени, наконец, спала с души моей: ведь я обманывал тех, которые ради меня не остановились бы ни перед какой жертвой! Я отдаюсь теперь на ваш суд. Не отталкивайте меня и мою бедную семью и простите вашего несчастного сына за доставленное вам огорчение. Я знаю, что понадобится несколько дней, чтобы вы пришли к тому или иному решению, и поэтому я приду к вам с женой и сыном через 3 дня; тогда мы вместе обсудим создавшееся положение.

Целую вас крепко и еще раз умоляю, простите вашего сына Николая»

Елизавета Васильевна закончила чтение письма задыхаясь и, наконец, в изнеможении опустилась на стул, устремив на мужа, стоящего на пороге комнаты, почти безумный взгляд.

— Что это такое, Сережа, ты что-нибудь понимаешь? Я — ровно ничего! Это какая-то мистификация. При чем тут наш Ника и женитьба? — спрашивала она, как в бреду.

Молча, с грустной улыбкой, обнял Сергей Константинович свою подругу жизни. — Никакой мистификации здесь нет, дорогая, — сказал он тихо, — наш сын женат, это уж факт неопровержимый и не все ли равно, как это произошло. Одно ясно: мальчика запугали и женили, вот почему все это было проделано тайно, за нашей спиной. Те, которые состряпали этот брак, преследуя свои цели, понимали, что мы не допустили бы, чтобы несовершеннолетнего мальчика вели под венец. Изменить уже ничего нельзя, ведь не забывай, что у него ребенок и нам остается только одно: молить Бога, чтобы выбор его оказался удачным и чтобы он был счастлив. Ведь и мы, глядя на него,

будем тоже счастливы, не так ли, Лизок? — и Сергей Константинович привлек к себе жену.

Опустивши голову на плечо мужа, та неудержимо зарыдала.

— О, мой бедный мальчик, — говорила она прерывающимся от слез голосом, — где твоя беззаботная молодость, о которой я так мечтала для тебя. Не успел выскочить из пеленок, сам в отцы попал.

Отстранив мужа рукой, с горящими от возбуждения глазами, она продолжала с негодованием: — Не мы первые, не мы последние, таких примеров много. Наши юноши являются желанными женихами, ведь мы же из них не готовим сапожников, а даем образование, и какой же простой девушке не улыбается стать настоящей госпожой! Кроме того, они прекрасно знают, что мы все в России не были нищими и они уверены, что в случае переворота и нашего возвращения на родину, нам вернется все утраченное, безумные мечты, конечно!

— Не надо, Лизочка, не надо, — старался успокоить жену Сергей Константинович, — что сделано, того не изменишь, такова воля Божья и нам надо принять все зависящие от нас меры,чтобы не осложнять, а, напротив, облегчить положение нашим молодоженам и наладить их трудовую жизнь. Да и мальчик тоже, Ника пишет, что ему пять лет, а ведь по-русски он, несомненно, не говорит. Ты же, ведь, любишь мальчиков, вот и будешь с ним возиться, — привел он самый веский аргумент.

Слова мужа успокоили немного Елизавету Васильевну и она, глубоко вздохнув, ушла в свою комнату. Однако,оставаться в квартире было невыносимо. Расшатанные нервы требовали движения и Никитины, не дотронувшись до еды, пошли бродить, куда глаза глядят. Елизавета Васильевна шла рядом с мужем, как в полусне и дорогой ее сердцу город казался ей теперь чужим. На знаменитом «Корзо», по которому гуляли влюбленные парочки, где со всех сторон раздавался веселый смех, а также музыка и песни из открытых окон кафан, Елизавета Васильевна почувствовала физическую боль в сердце и шепнула мужу: — пойдем, Сережа, куда-нибудь в другое место, где нет такого шума и где обстановка будет больше соответствовать нашему настроению.

Они свернули в боковую улицу и направились к своему любимому саду, недалеко от железнодорожной станции. Садик был хороший и здесь, усевшись на уютную скамеечку, скрытую густыми кустами, они стали тихо обсуждать свое новое положение.

— Ты только подумай, — начала Елизавета Васильевна, — может ли когда-либо зажить рана в сердце матери, которую нанес ей родной сын, для счастья которого мы, незадумываясь, не пожалели бы душу свою положить, не правда ли? А он в такую важную для него минуту жизни-не приходит к отцу и матери, а действует самостоятельно, или, вернее, следует указаниям совершенно чуждых ему людей в смысле социального положения, культуры и образования. Нашего внука воспитывали какие-то женщины, с которыми я ничего общего не хочу иметь. Я не слыхала первого лепета ребенка, я не носила его на руках, не следила за пробуждением его мысли, как это было с нашими детьми. И вот, мне приведут мальчика, совершенно чужого, и скажут: это твой внук. А бедному ребенку то каково! Он увидит чужих людей, которых он не будет понимать, и скажут ему: это твои дедушка ибабушка . . . — Слезы брызнули из глаз измученной женщины.

— Лизочка, я тебя умоляю, не расстраивай себе нервов и не принимай все это так трагически, — успокаивал жену, как мог, Сергей Константинович. — Я убежден, что мальчик нас знает из рассказов Ники, и даже больше, он, несомненно, ждет не дождется, чтобы свести с нами знакомство. Ведь, насколько я себе представляю, ребенок рос без детских радостей, за неимением средств и, кроме того, в одиночестве, так как некому было посвящать ему время: мать, вероятно, ходила на работу.

— Ужасно, — только прошептала Елизавета Васильевна и встала со скамьи. — Пойдем лучше домой, — сказала она, беря мужа под руку. — Я не представляю себе, как мы доживем до свидания с сыном, время тянется невыносимо долго.

— Пойдем в кино? — предложил нерешительно Сергей Константинович, но Елизавета Васильевна отрицательно покачала головой и они побрели домой.

Было около 11 часов утра. Тонкий слух Елизаветы Васильевны уловил шум шагов нескольких пар ног у входных дверей и затем робкий стук. На пороге стояли Николай, Анна и прижавшийся к ним маленький Милорад. Секунда колебания... Елизавета Васильевна широко открытыми глазами смотрит на неподвижные фигуры, которые не решаются перешагнуть порог... — Входите же, — расслышала она голос мужа. Она видит, как в тумане, грустное лицо сына и устремленные на нее глаза Анны и окончательно приходит в себя, когда Николай бросается к ней на шею с рыданием и шепчет: — Прости, мамочка, — а затем обнимает отца. То же проделывает и Анна, которая утирает струящиеся по щекам слезы и что-то лепечет по сербски.

В эту минуту никто не обращал внимания на маленькое существо, которое широко открытыми глазками следило за разыгравшейся необычайной сценой. Глубоко потрясенный при виде плачущих родителей, он скорбно перебегал взглядом с одного лица на другое. Сердечко его ныло,ротик был полуоткрыт, вот-вот вырвется болезненный стон Но он молчал, застыв в немой позе, не делая ни малейшего движения, стиснув пальчики в кулачки.

Елизавета Васильевна, всхлипывая, прижала к груди сына, затем невестку.

— Бесполезно теперь говорить о том, как вы нас огорчили своим недоверием, — начала она тихим голосом, — прошлого не воротишь и надо теперь думать о том, как наладить нормальную жизнь при новых условиях, если, конечно, вы нуждаетесь в наших советах и помощи, — и в голосе ее помимо ее воли прозвучали холодные нотки..

Но Николай, как бы не замечая этого, вздохнул с облегчением: ведь самое трудное было сделано. Тайна, которая его давила, уже не существует и теперь надо приложить старание, чтобы дать мыслям родителей другое направление и Николай, подбежав к сыну, взял его за руку и подвел к родителям.

— Вот мой первенец, — сказал он просто. — Он вас прекрасно знает, так как я ему много рассказывал о вас, а также о своем детстве. Его давнишней мечтой было познакомиться с русскими дедушкой и бабушкой, научиться от них говорить по русски и сделаться

окончательно русским мальчиком, правду ли я говорю, Мили? — и с этими словами он подтолкнул его вперед.

Тут только Елизавета Васильевна взглянула на ребенка. Перед ней стоял худенький мальчик со светло-каштановыми мягкими волосами и голубыми глазами. Он пытливо всматривался в новых дедушку и бабушку и как будто хотел сказать: — наконец-то меня привели к вам.

Елизавета Васильевна порывисто обняла ребенка и тот доверчиво прижался к ней и поцеловал ее.

— Бедный ты мой цыпленочек, — прошептала расстроенная Елизавета Васильевна и сердце ее преисполнилось болезненной жалости к мальчику. — Какой он худенький, вероятно, плохо питается, — обратилась она с вопросом к родителям.

Анна поняла, грустная улыбка скользнула по ее губам и она тихо ответила по сербски: — есте, нисам имала доста хране да дам детету. *)

— Ну, ничего, — весело подхватил Сергей Константинович, чтобы сгладить неприятное впечатление, произведенное словами Анны, — теперь мы будем кушать масло и пить побольше молока, чтобы сделаться таким же толстеньким, каким был его папаша, когда был маленьким, согласен, Мили? — спросил он по сербски.

— Знам,знам, — весело отозвался мальчик, чувствуя, что все неприятности прошли и что русские дедушка и бабушка совершенно не страшные и с ними можно даже говорить по сербски. — Папа мне рассказывал, — заговорил он быстро, — что он и свою порцию и Андрюшину поедал и за это его в школе называли толстяком и он ходил животом вперед. — С этими словами он доверчиво подошел к дедушке, который усадил его на колени.

— Вот, вот, совершенно верно, — смеялся Сергей Константинович. Лед был окончательно сломлен и все вздохнули с облегчением... — Твой папа очень любил футбол, но у него не было подходящих ботинок для этой игры и он часто играл босой, тем не менее, подбрасывал мяч с такой силой, что все удивлялись. А вот однажды с ним случился форменный скандал. На нем лопнули штанишки. Все зрители стали хохотать и хлопать, а он, не обращая ни на кого внимания, продолжал спокойно играть, а затем, дав последний гол, убежал с площадки.

Глазки мальчика сияли. — Знаешь что, дедушка, — сказал он, мило улыбаясь, — я решил остаться у тебя и ты будешь мне рассказывать смешные истории о папочке, — и он обнял Сергея Константиновича за шею.

Тот не остался в долгу и прижав мальчика к груди, сказал: — я уверен, что мы будем с тобой большими друзьями.

— Ну вот и отлично, подхватил Николай, — я был уверен, что когда Мили познакомится с дедушкой и бабушкой, то не захочет возвращаться к нам. Если хочешь, ты можешь остаться, а завтра мы придем за тобой.

— Хочешь? — спросила Елизавета Васильевна, — мы вечером возьмем ванну, поужинаем, а затем я тебя уложу в постельку.

— Хочу, — тихо ответил мальчик.

*) Да, я не имела достаточно пищи, чтобы дать ребенку.

Николай и Анна, переглянувшись, поднялись. — У нас много дела, мама, — сказал Николай. Завтра придем и обсудим вопрос о квартире: ведь я, быть может, проболтаюсь без дела несколько месяцев, пока получу назначение. — Крепко поцеловав родителей и сына, молодые Никитины удалились, предоставив и тем и другому познакомиться ближе.

Елизавета Васильевна проводила их на улицу и, между прочим, выразила свое мнение о Мили. — Он кажется мне очень слабым ребенком, — сказала она.

— Он недавно перенес скарлатину, — ответил Николай, — и я встревожен тем, что, по мнению доктора, ему предстоит операция аппендицита и чем скорей, тем лучше

— Бедный мальчик, может быть доктор ошибается, — думала Елизавета Васильевна, возвращаясь в квартиру. Здесь она застала мужа и внука мирно беседующими и никто не сказал бы, что два часа тому назад они не знали друг друга. Елизавета Васильевна пристально посмотрела на мальчика и сердце ее болезненно сжалось. В этом ребенке она увидела своего маленького Николая и воспоминание о тяжелых беженских годах с вечными заботами, чем накормить и во что одеть маленьких птенцов, ярко всплыло в ее памяти. Теперь она почувствовала себя опять матерью, на попечении которой оставлено это маленькое существо. Терзаний обиды, нанесенной ей сыном, не осталось и следа. Перед ней стояла новая задача и она должна ее выполнить. Как воспитала она своих детей, так должна она воспитать и внука любящим своих родителей и далекую неизвестную родину.

С веселой улыбкой она подошла к креслу, на котором сидели муж и внук и стала прислушиваться к тому, что рассказывал Сергей Константинович. День пролетел незаметно. Елизавета Васильевна стала готовить ванну.

— Ну, вот, все готово, пожалуйте купаться! — объявила она.

Сергей Константинович, раздев мальчика, опустил его в круглую жестяную ванну, наполненную теплой водой. Как рыбка, плескался мальчик с наслаждением, издавая радостные восклицания. Никитина старательно вымыла ему головку и все тельце ароматным мылом и вытерла купальным полотенцем. Затем подняла его и перенесла на кровать.

— Как Андрюшу, когда он был маленький, — с умилением вспоминала Никитина.

Теперь Мили сидел на кровати и с аппетитом ужинал куриной котлеткой, запивая теплым молоком. Ванна его утомила. Он начал зевать и тереть глазки. Откинувшись на подушку, он сонным голосом прошептал: — сядь возле меня. — Вскоре послышалось его ровное дыхание. Елизавета Васильевна поднялась со стула и, подойдя к мужу, прошептала: — Сережа, Господь послал нам еще сына, надо о нем позаботиться . . .

С чувством поцеловал жену Никитин: — Это именно то, что я хотел услышать от тебя, — сказал он.

Конец 1-ой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Елизавета Васильевна сидела у стола и, глубоко задумавшись, чертила на бумаге какие-то линии карандашем, в то время, как Екатерина Петровна, низко опустив голову, быстро шила. По временам она украдкой бросала на Никитину тревожные взгляды и глубоко вздыхала, но нарушить молчания не решалась. Шила же она костюмчик для Мили, так как убогий гардероб мальчика привел Елизавету Васильевну положительно в ужас и она решила привести его в порядок с помощью Екатерины Петровны.

— Если бы вы знали, Екатерина Петровна, как мне тяжело на душе, — заговорила она вдруг. — Верите ли, проснусь ночью, мысли, одна другой мрачнее, лезут в голову и до утра не могу сомкнуть глаз. Сердце обливается кровью, когда подумаю, что ждет моего Нику. Ведь вот уже и лето прошло, а из министерства — никакого ответа относительно назначения на службу. По всей вероятности, эту зиму просидит без работы и на что мы будем жить, ума не приложу. К тому же, бедный ребенок обладает слабым организмом и ему необходимо усиленное питание.

— Не волнуйтесь, дорогая, никто — как Бог, Он о наших нуждах знает, — как всегда покорным тоном отозвалась Екатерина Петровна, — тяжело, что и говорить, тем не менее, я уверена, что это продолжаться долго не будет и Николай получит скоро назначение, а мои предчувствия никогда меня не обманывают, — и она с уверенностью взглянула на свою собеседницу.

— Особенно меня волнует квартирный вопрос, — не сдавалась Никитина. — Где найти дешевую и в то же время достаточно просторную квартиру, в которой мы могли бы все поместиться? Ведь вот и Андрюша уже студент и ему нужен уголок, чтобы заниматься. Анна бегает в поисках квартиры с утра до вечера, но до сих пор безрезультатно.

— И это образуется, — спокойно подхватила Екатерина Петровна. — Мне говорили, что. — Она остановилась, не закончив фразы, и стала прислушиваться к какому-то шороху за дверью. — Кто-то идет, — шепнула она, услыхав стук в дверь и бросаясь ее открывать. На пороге стояла запыхавшаяся и сияющая Анна. По выражению ее глаз можно было догадаться, что она пришла с хорошими вестями.

— Ну, на этот раз мне, кажется, повезло, — заговорила она возбужденно, входя в кухню. — Нашла квартиру недорогую и вполне поместительную. Правда, есть один недостаток: она находится на мансарде, а, следовательно, летом может быть душно; но крыша плоская и может служить верандой.

— Брать, конечно брать, нечего и раздумывать! — с жаром воскликнула Никитина. — У нас другого выхода нет, и если она почему-либо окажется неудобной, можно будет, не спеша, подыскивать другую.

К сожалению, так и случилось. Никитины прожили в этой квартире всего лишь одну зиму и оставили ее не по своему желанию: хозяин продал дом и всем квартирантам было предложено выселяться.

— Так, значит, я могу дать задаток сегодня же и завтра можно уже переезжать, — обрадовалась Анна, — а то Мили не дает мне покоя! Ходит целый день по пятам и задает один и тот же вопрос: когда же, наконец, я буду жить с русскими дедушкой и бабушкой? А на белую и црвеную даже и не смотрит.

Все три женщины невольно расхохотались.

Квартира оказалась небольшой, но уютной, и кое-как разместились все, даже у Андрюши был свой уголок. Правда, потолки были очень низкие, но зато зимой было очень тепло.

Теперь Никитины жили очень замкнуто, редко уходили из дому, никого не принимали у себя, объяснив своим друзьям, что неожиданное прибавление семейства отрывает у них все свободное время. Надо было приспособиться к новому укладу жизни, дать ей войти в свою колею, а также невестке и внуку привыкнуть к новым родственникам. С течением времени они незаметно вольются в русское общество, думали Никитины.

Само собою разумеется, что все их друзья входили в их положение и проявляли много такта и деликатности, не позволяя себе быть навязчивыми, решив терпеливо ожидать, когда все уляжется и Никитины вернуться к русской общественной жизни. О знакомстве с родней Анны не могло быть и речи. Елизавета Васильевна, в откровенном разговоре с сыном, дала ему понять, что ей было бы бесконечно тяжело поддерживать знакомство с людьми, с которыми она не может найти общего языка. Кроме того, она находила, что это необходимо в интересах мальчика, так как если он будет продолжать вращаться в прежней обстановке, он никогда не выучится говорить по-русски.

— Не беспокойся, мама, у Анны нет родственников, а подруги по фабрике никогда не позволят себе явиться сюда, — поспешил успокоить мать Николай.

Случалось, и то довольно редко, что заглянет на несколько минут белая баба. Она входила тихонько в кухню, робко целовала дочь и, забившись в уголок, с интересом следила за приготовлением обеда, предлагая ей свои услуги, на что Анна неизменно отвечала: «Ты не можешь мне помочь, мама, ты не умеешь готовить по-русски» — и весело смеялась.

Баба вся сияла от счастья, слушая рассказы Анны об успехах Мили в русском языке и Законе Божьем. — Хвала Богу, хвала Богу, сречна сам твоим сречом,*) — повторяла она со слезами на глазах. Если Мили влетал в кухню — радости ее не было предела. Мальчик бросался к ней на шею и начинал, захлебываясь, сообщать ей подробности о том, как с ним возится русская бабушка. — А ты никогда со мной не играла, — укорял он ее.

Посидев некоторое время, она также бесшумно вставала и, подвязав покрепче свой белый платочек под подбородком, нежно целовала

*) Я счастлива твоим счастием.

дочь и внука. — С Богом, — тихо говорила она и исчезала за дверью.

Мили выбегал вслед за ней во двор и, что-то крича ей вслед, махал рукой. Она приостанавливалась, кивала ему головой и, продолжая снова путь, несколько раз оглядывалась на стоящего неподвижно мальчика, с трудом отрывая взор от любимого личика; затем, сильно прихрамывая, она, не оборачиваясь, исчезала за поворотом улицы.

Иначе обстояло дело с црвеной бабой. Считая себя интеллигентной и умеющей держать себя в культурном обществе, она, не стесняясь, явилась к Никитиным и представилась, как кума Анны, чем привела ту в сильное замешательство, так как она знала от Николая о выраженном Елизаветой Васильевной желании воздерживаться от новых знакомств.

Роза произвела на Никитину отрицательное впечатление. Ее шокировали развязные манеры итальянки и вкрадчивый тон, которым она расточала комплименты. В словах ее звучала фальшь и желание завоевать, во что бы то ни стало, к себе доверие и сделаться нужным человеком в доме. Елизавета Васильевна инстинктивно чувствовала, что это она сыграла роковую роль в женитьбе сына, и потому приняла ее очень сухо, давая понять, чтобы она не рассчитывала на сближение с ней. Это сразу заметила умная Роза и переменила тактику. Она избегала попадаться на глаза Елизавете Васильевне, но старалась оказывать мелкие услуги Анне, чтобы облегчить ей работу по хозяйству.

Однажды, она предложила Анне приходить стирать белье один раз в месяц. Елизавете Васильевне было тяжело справляться со стиркой, даже при наличии помощницы в лице Анны, и она, после некоторого колебания, дала на это согласие. Роза приходила мыть и гладить белье, а также убирать квартиру, что занимало 2 - 3 дня каждый месяц. Цель Розы была достигнута: она теперь появлялась в доме на законном основании.

Что касается деда, то Никитина не могла забыть своей первой с ним встречи и поразившего ее разговора, о котором она впоследствии передавала друзьям, заливаясь смехом.

Как-то утром, он зашел к Никитиным, чтобы передать Анне купленные Розой вишни, но так как Анны не было дома, то дверь открыла Никитина. На ее немой вопрос, дед приветливо поклонился и сказал: — Добар дан, госпожо, я сам муж Розе.

— Входите, пожалуйста, — ответила та. Узнав, что Анна ушла на базар, он положил свой пакет на стол и хотел удалиться.

— А где вы работаете? — спросила его Никитина.

— Я сам члан народног позоришта,*) — совершенно спокойно ответил тот.

— Како то, ви сте глумац? **) — пораженная его ответом, переспросила Никитина, думая, что она его не поняла. Хитро улыбнувшись, но не отвечая прямо на вопрос, дед продолжал:

— Я в театре очень важное лицо, без меня не может итти опера. Когда я прихожу,то коллеги мои шумно меня приветствуют, шутят, угощают папиросами, пока мы стоим за кулисами и ждем выхода.

*) Я член государственного театра.

**) Значит, вы артист?

Славные ребята; а также и артистки меня очень любят. Да, признаться откровенно, в Белграде не найти такого второго ослика, который вел бы себя прилично на сцене — с моим скандала ни разу не случалось, зато дирекция меня и ценит.

Удивление Никитиной все возрастало. — При чем тут артист и осел? Вероятно, я имею дело с помешанным человеком, — подумала она.

— Кроме театра, где я очень мало получаю, я служу канделяром на кладбище. О бабе моей вы знаете, что она подрабатывает стиркой белья. Вот так и живем, скромно, не голодаем и рюмочка ракии всегда найдется к обеду, без этого никак нельзя.

Приложив руку к потрепанной своей шапке, он поклонился и не спеша повернулся к выходу.

Когда Роза пришла мыть белье, первым вопросом Никитиной было: — Почему вы мне никогда не говорили, что ваш муж — артист Белградского театра? На каких он ролях? Я ничего не поняла, так как он сказал, что выступает с осликом.

— Он так вам и рассказывал? — взявшись за бока, во все горло стала хохотать Роза. — Ну, и насмешили же вы меня! Он, действительно, воображает себя артистом, а я вам сейчас объясню, какое он там занимает место.

И она рассказала, как однажды дирекция театра объявила, что нужен ослик, которого надо проводить на сцене в одной из опер. Услыхав об этом,дед предложил свои услуги и был принят. И вот, уже несколько лет, как он там служит, появляясь со своим осликом, когда это требуется, и роль свою знает и прекрасно исполняет.

Теперь к хохоту Розы присоединилась и Никитина и они долго не могли успокоиться.

Спустя несколько лет, дирекция решила переменить осла на более молодого, что очень обидело деда и он «подал в отставку». Уходя, в негодовании на несправедливость, проявленную к нему, он с насмешкой сказал: — Не забудьте, господа, приспособить мальчишку, чтобы ходил с метлой по сцене за вашим молодым ослом.

II

Елизавета Васильевна привязалась сразу к мальчику и тот, чувствуя это, не отходил от нее ни на шаг. Сперва он стеснялся говорить по-русски, но через месяц он уже свободно болтал. Больше всего он любил слушать сказки, которые ему рассказывала Елизавета Васильевна. Он сидел, не шевелясь, и только когда рассказ принимал интересный оборот, он придвигался ближе и возбужденно шептал: — Ну, что же случилось потом? Говори скорей!

Стихи и басни, которые он выучил с Николаем, он декламировал с большим воодушевлением, а теперь начал учить пролог к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зеленый.. Сказав первое четверостишие, он всегда останавливался и глубокомысленно замечал: — В старину, конечно, могли быть ученые коты, которые и сказки говорили, и песни пели, а теперь они умеют только ловить мышей.

От русских пословиц он приходил в восторг. — Вот это правда, так правда! — говорил он в восхищении и искал случая их приме-

нить. Стоило только кому-нибудь в поспешности уронить ложку, как Мили, лукаво поглядывая на виновного, заявлял: — Поспешишь — людей насмешишь.

— А вот, другой пословицы не знаешь, — кричал из соседней комнаты Андрюша.

— А вот, знаю! — задорно отвечал тот, подмигивая улыбающейся бабушке. — Тише едешь, дальше будешь!

— Браво, Мили! — хлопали в ладоши Сергей Константинович и Николай и лицо Мили при этом расплывалось в широкую улыбку.

Не любил Мили шумных игр и детского общества, а предпочитал сидеть со своими игрушками в уголке комнаты и никому не мешать. Сердечко его было преисполнено жалости к калекам, беднякам и тем детям, которых зачастую жестоко избивали родители. Живя среди нисшего слоя сербского общества, он часто был свидетелем таких сцен. Если он видел, что какой-нибудь мальчишка бросает камнями в собаку или целая банда хулиганов преследует кошку и норовит поймать ее за хвост, он приходил в негодование и бежал выручать животное из беды. Дети разбегались во все стороны и оставляли свою измученную жертву и тогда Мили приносил хлеба и молока, причем садился рядом и, поглаживая по голове пострадавшее животное, утешал его, нашептывая нежные слова. Обстановка, в которой он провел свое раннее детство, не могла не оставить своего отпечатка на душе ребенка.

Вечные жалобы матери на недостаток денег и заботы, где их добыть, убеждали мальчика, что деньги достаются упорным трудом и жалость к родителям закрадывалась в его сердечко, что лишало его той детской радости жизни, которая присуща только тем детям, чьи желания исполняются родителями, как по мановению волшебного жезла. В силу этого обстоятельства он был не по-детски скромен в своих желаниях и самый дешевый подарок доставлял ему удовольствие.

И теперь, в новой обстановке, он видел ту же заботу о завтрашнем дне. Видел, как его любимый дедушка каждый день уходит на службу, а вернувшись домой и наскоро пообедав, садится на свой стульчик и принимается за починку обуви. Ведь сколько у него теперь прибавилось домашних клиентов! У всех обувь была слабая и он еле успевал их обслужить. Бабушка не приседала целый день: ведь надо было и помыть, и погладить, и белье починить — хватало работы на обеих, и на нее, и на Анну. Все это ребенок замечал и порывался быть, в свою очередь, полезным. Однажды, он заявил, что хочет помогать бабушке убирать квартиру. Уступая просьбе мальчика, Елизавета Васильевна взяла кусок от своей старой юбки, обмотала им внука и подвязала его простой веревкой. Мили был в восторге и принялся усердно вытирать пыль. Надо было видеть удивление Анны, когда мальчик, заметив, что она возвращалась с базара, вылетел из кухни во двор с метлой в руке и закричал во все горло: — Бабушка позволила мне работать с ней!

— Отлично, Мили, но что это у тебя за костюм? Я вижу, что ты превратился в девочку!

— Ничего подобного, это называется рабочим костюмом и если бабушка так придумала, значит так и надо, — и махнув рукой, он скрылся за дверью под громкий хохот Анны.

Больше же всего его привлекала мастерская дедушки. Как только Сергей Константинович усаживался на своем стульчике, Мили был уже тут, как тут. Свернувшись клубочком на полу, у ног дедушки, он тихо спрашивал:

— Можно мне тебе помогать, дедушка?

— Можно, деточка, можно, — отвечал весело Сергей Константинович. — Подавай гвоздики вот из этой коробки.

И мальчик, сложив бантиком губки, с самым серьезным видом начинал извлекать гвоздики своими тоненькими пальцами.

Сидя однажды у плитки и подбрасывая в нее сухие палочки, Анна с сокрушением заметила:

— Сегодня Мили зацепился за бревно и разорвал ботинок, а они и без того вот-вот развалятся. Если он промочит ноги, то не избежать ему простуды, а ведь как его удержишь в комнате?

Заметив, что Мили прислушивается к ее словам, она обратилась к нему: — Вот ты, подмастерье, скажи главному мастеру, чтобы он сшил тебе ботиночки, а ты ему будешь помогать, вот дело и пойдет на лад, — и она выразительно взглянула на Елизавету Васильевну.

Перспектива иметь новые ботиночки так понравилась мальчику, что он захлопал в ладоши: — Как ты это хорошо придумала, мама, обязательно попрошу дедушку и знаю, что он такие сошьет, что ни в одном магазине не сыскать!

Этот разговор произошел после ухода Никитина на службу и мальчик с нетерпением ожидал возвращения дедушки. При малейшем стуке он выскакивал за дверь, затем разочарованно возвращался и усаживался в уголок мастерской. Наконец, Сергей Константинович появился. Вид у него был расстроенный, или, быть может, просто усталый. Молча принялся он за еду, которую поставила перед ним Анна. Мили почувствовал, что дедушка не в настроении шутить и, не решаясь обратиться к нему со своей просьбой, вертелся у стола. В его печальных глазах было столько мольбы, что Сергей Константинович обратил на него, наконец, внимание.

— Что ты, Мили, такой молчаливый сегодня, чем ты огорчен? Поведай дедушке свою беду, авось вдвоем придумаем что-нибудь, — ласково обратился он к мальчику и погладил его по голове. — Ну, так в чем же дело?

— Я не был печальным, но сделался, когда ты вошел, потому, что я вижу, что ты печальный, — тихо отозвался мальчик.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Сергей Константинович. — Да ты — тонкий психолог, как я погляжу. Нет, дорогой мой мальчик, я не печальный, а просто устал. Дедушка становится стареньким, у него иногда от работы косточки болят, вот он и насупится, но не надолго. Покушал, отдохнул, и все — как рукой сняло, — весело закончил Сергей Константинович.

Мальчик печально поник головкой и прошептал: — Значит, я не могу тебе сказать того, что хотел, ты уж и так устаешь...

— В чем дело? Я положительно ничего не понимаю. Мили начинает говорить загадками, — и Сергей Константинович обвел присутствующих недоумевающим взглядом; те, с видом заговорщиков, молча улыбались. На вопрос мужа ответила Елизавета Васильевна, рассказав о их плане сшить новые ботинки для Мили.

— Он тебя ждал с нетерпением целый день, но, видя твою уста-

лость, никак не может решиться выразить тебе свое желание.

— Ну, это пустяки, Мили, мы это, конечно, устроим. Не беспокойся, на это у меня хватит еще силы. Вот, только, нет у меня колодки на твою ногу. Завтра же пойдем и купим, а кожа найдется в моих запасах. Я скрою и отнесем заготовщику, а там уж дело пойдет быстро.

По мере того, как говорил Сергей Константинович, личико мальчика преображалось — теперь он весь сиял и, наконец, бросился на шею дедушки.

— Задушишь, задушишь! — кричал Сергей Константинович.

Через несколько дней работа закипела. Надо было видеть, с какой торопливостью Мили старался предугадать малейшее желание дедушки, подавая ему то гвоздики, то нужный инструмент. Бедный мальчик так мечтал щеголять в новых ботинках, идя с бабушкой в церковь или на прогулку в парк.

Но вот, наконец, наступил давно желанный день. Дедушка снимает ботинки с колодок и сердце мальчика замирает в груди, когда дедушка, делая озабоченный вид, произносит серьезно:

— Боюсь, что ошибся в размерах, ботиночки кажутся слишком маленькими.

На лице мальчика испуганное выражение. Весь охваченный волнением, он быстро натягивает снятый с колодки ботинок, который сидит на ноге идеально, без малейшей морщинки.

— Дедушка, —звенит прерывающийся от волнения голосок Мили, — как ты угадал, как раз в пору, ни большие, ни маленькие!— Он прошелся несколько раз по комнате, улыбаясь какой-то тайной мысли и, наконец, устремил взор на наблюдавшего за ним с улыбкой Сергея Константиновича. Быстро перебежав комнату, он бросился в объятия дедушки.

— Таких красивых ботинок я никогда не носил, мне даже жалко их надевать. Они у меня будут только для праздников.

— А старые — чтобы простуживаться, — покачал головой Сергей Константинович. — Нет, Мили, носи эти на здоровье каждый день, а для праздников сошьем другие.

— Бабушка, вот опять пригодилась пословица! Знаешь, какая? — подбегая к Елизавете Васильевне, весело закричал Мили.

— Не могу догадаться, дорогой, ты такой теперь специалист по пословицам, что мне за тобой не угоняться! — рассмеялась она.

— Нет худа без добра! — выпалил Мили. — Ты только подумай, бабушка, продолжал он, — если бы я не разорвал ботинок, что, конечно, было худо, то не получил бы добра, то есть, новых ботинок! Разве не так?

— Что и говорить, Мили становится настоящим философом, — раздался голос Андрюши.

III

Без всякого труда Мили усвоил русскую азбуку и начинал уже читать слоги, а также усердно выводил в тетрадке палочки, полуоткрыв рот и двигая язычком то в одну, то в другую сторону. Любимым же его предметом был Закон Божий. Коротенькие молитвы он уже отвечал без запинки и имел кое-какие сведения из Нового Завета,

который Елизавета Васильевна ему излагала в форме маленьких рассказов из жизни Иисуса Христа, доступных его детскому пониманию.

— Мы с бабушкой решили подготовиться дома прежде, чем поступать в школу, — сообщил он как-то Николаю. — И тогда учителя будут удивляться, откуда я это все знаю.

— С тобой будет то, что было со мной, — рассмеялся Николай.

— А что именно, расскажи, — с любопытством спросил Мили.

— Вот что бабушка придумала. Я был во втором классе гимназии, и нам задавали маленькие описания природы, как, например: надо было рассказать, что происходит весной или зимой, как прилетают птички и как снова улетают в теплые страны, когда становится холодно, понимаешь?

— Ну, еще бы, — подтвердил Мили.

— А я писал такую чепуху, что бабушка приходила в отчаяние, и она так хорошо исправляла мою работу, что от моего сочинения не оставалось ничего, а все было написано бабушкой. Я был в восторге, чистенько переписывал и подавал учителю. Через несколько дней учитель приносил обратно тетрадки, и, когда очередь доходила до моей, он нежно гладил рукой по обложке и говорил: «Когда я читаю это сочинение, мне не надо смотреть на фамилию, так как я узнаю сразу «изящный стиль» Николая Никитина». — Это значит, что я прекрасно написал, — пояснил Николай непонятное для мальчика выражение «изящный стиль». Мальчики смотрели на меня с завистью, а я фыркал в кулак, — при этом воспоминании Сергей Константинович и Елизавета Васильевна не могли удержаться от смеха, а Мили, хлопая в ладоши, в восторге повторял:

— Как хорошо придумала бабушка, ведь надо же было спасать папу, иначе он получил бы плохую отметку.

Большое удовольствие доставляло ему экзаменовать Николая по Закону Божьему и когда тот сознавался, что забыл и не может ответить на вопрос, Мили ликовал.

— Вот видишь, бабушка тебе не подсказывает, ты и не знаешь!

По вечерам Мили подсаживался к отцу, как только тот брал в руки гитару.

— Какую же песню мы запоем, Мили? — спрашивал Николай мальчика, настраивая гитару. Можно было с уверенностью сказать, что мальчик ответит:

— Ну, конечно, мою любимую — «Мой костер в тумане светит» — и очень правильно подтягивал отцу своим детским звонким голоском. Второй излюбленной его песней была: «Сердце, как хорошо, что ты такое . . . Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить». Эту последнюю строфу он выводил с большим чувством и просил отца повторить ее несколько раз подряд. Затем шли сербские песни, которых Николай знал большое количество и пел их мастерски, чистым, красивым тенором. Эти музыкальные вечера доставляли громадное удовольствие как Сергею Константиновичу, так и Елизавете Васильевне и Анне, которые охотно принимали в них участие, и импровизированный семейный хор не замечал, как летело время.

— Знаешь который час, Анна? — спрашивал вдруг Николай, бросая взгляд на часы. — Девять, а Мили все поет, и сна — ни в одном глазу. Пора, пора спать, завтра еще попоем, — говорил Николай при виде огорченного лица мальчика. Тот послушно следовал за отцом и

начинал раздеваться. В длинной ночной рубашке, стоя на коленях перед иконкой, привязанной к спинке кровати, мальчик прочитывал молитву на сон грядущий и заканчивал словами: «Спаси Боже и сохрани на долгие годы папу, маму, дедушку, бабушку, Андрюшу и меня, маленького». Затем, пожелав всем покойной ночи, он с удовольствием растягивался на кровати и, охватывая руками подушку, всегда говорил: «моя любимая подушечка, как я ее люблю». — Вскоре раздавалось его ровное дыхание.

Мили очень любил беседовать с дедушкой и задавал ему вопросы, которые доказывали его пытливость и жажду знания, но в то же время он был настоящим ребенком, которого маленькая шутка могла рассмешить до слез. Больше всего он любил сценку, которую разыгрывали Сергей Константинович и Елизавета Васильевна, зная, что это доставляло мальчику большое удовольствие.

— Что это ты, Сережа, разбросал свои инструменты по всей комнате, — пройти нельзя, все время на них натыкаешься. Так можно и нос разбить, — говорила строгим голосом Елизавета Васильевна, обращаясь к мужу.

Сергей Константинович срывался с места, лицо его принимало испуганное выражение, причем он заставлял дрожать ноги, и это выходило у него так комично, что нельзя было удержаться от смеха. Что же касается Мили, то он просто катался по кроватке, задыхался от душившего его смеха и кричал: «Подрожи еще, дедушка, пожалуйста!» — И с тех пор, если кто-либо делал ему замечание строгим голосом, он вскакивал и копировал дедушку, причем его худенькие ножки делали вращательные движения и так комично болтались в штанишках, что нельзя было оставаться серьезным, и Анна, махая руками, кричала: «Ты, Мили, настоящий паяц, которого дергают за веревочку, — перестань, я умру от смеха!»

Впрочем, вспышки детского веселья были у Мили довольно редки: он, по характеру своему, был не по летам серьезным, вдумчивым мальчиком, и, что особенно удивляло Елизавету Васильевну, это было его тяготение к церкви. Бывало, только зазвонят к вечерне, как он уже торопит бабушку: «Скорей, скорей, опоздаем», — и, нахлобучив беретик, в нетерпении выскакивает за дверь.

— Да не спеши, Мили, — еле поспевая за ним, говорила Елизавета Васильевна, — всенощная длинная, я думаю, что ты поставишь свечку и вернешься с мамой домой, а ведь я же должна петь до конца.

— Вот и отлично, и я буду стоять до конца. Ведь наверное будет служить мой любимый отец Иоанн, у которого такой сладкий голос, что я слушал бы его без конца.

И, действительно, как только он попадал в церковь, его уже нельзя было увести до конца службы, — он весь обращался в слух и следил, как за пением, так и за возгласами священника.

— Знаешь, бабушка, что я хочу тебе сказать, — заявил он однажды Елизавете Васильевне. — Вот ты говоришь, что я — русский мальчик, и, конечно, так оно и есть, так как русских в нашей семье больше — вот посчитай: дедушка, ты, папа, Андрюша и я, а сербка одна только мама.

— Ну, конечно, Мили, как же я одна могу побороть пятерых, ясно что я должна сдаваться.

Эта реплика матери заставила невольно улыбнуться мальчика.

— А если я — русский, то зачем меня зовут Милорадом, ведь этого имени у русских нет? — и он вопросительно взглянул на Елизавету Васильевну.

Неподготовленная к столь неожиданному вопросу, Елизавета Васильевна ответила не сразу. Помолчав немного, она, наконец, сказала:

— У русских этого имени нет, но так как сербы — православные, то их имена признаются нашей церковью.

— Нет, я хочу переменить мое имя на русское, и хочу называться Михаил, как дядя Миша. — Это было сказано таким твердым и решительным тоном, что Елизавета Васильевна была поражена.

— Я, право, не знаю, возможно ли это, — ответила она нерешительно. — Но, во всяком случае, я спрошу отца Иоанна, и как он скажет, так мы и сделаем.

При первой же встрече с отцом Иоанном Елизавета Васильевна передала ему о странном желании внука и была приятно удовлетворена, услыхав от него, что это практикуется и отнюдь не идет вразрез с догматами нашей церкви. Надо было видеть радость мальчика, когда Елизавета Васильевна сообщила ему эту радостную весть.

— Когда же мы пойдем в церковь для этого? — спрашивал Мили нетерпеливо.

— В среду на следующей неделе, — ответила Никитина.

— Знаешь, что я тебе скажу, црвена баба, — закричал Мили, врываясь вихрем в прачешную, когда Роза пришла стирать белье, два дня спустя. Итальянка, вооруженная двумя деревянными лопатками, мешала в этот момент белье в большом котле, из которого валил пар и расстилался по всей прачешной.

— Сладко мойе дете, говори скорей свою новость и убегай; тебе вредно дышать этим паром, и если бабушка тебя поймает здесь, то достанется нам обоим.

— В следующую среду отец Иоанн меня перекрестит, и я сделаюсь русским, вот что! — торжествующе заявил он, насмешливо при этом взглянув на Розу.

Баба бросила лопатки от неожиданности на пол и уперлась руками в бока. Она несколько секунд молчала, как бы потеряв дар речи.

— Иезус Мария, какие ты глупости плетешь, что ты — жид, что ли? Ты крещен в православной вере и два раза никого не крестят.

— Спроси бабушку, если не веришь, — хохотал Мили при виде ее сердитого лица.

— И спрошу, конечно, — проворчала итальянка, насупив брови.

Когда Анна позвала ее обедать, она молча заняла свое место. Затем, выпив, как обычно, свою рюмочку ракии, она, как бы в шутку, обратилась к Елизавете Васильевне:

— Знаете, госпожа, как меня сегодня насмешил Мили? Он заявил, что его будут вторично крестить, как Вам это нравится?

Елизавета Васильевна улыбнулась.

— Мили неправильно выразился. Он назвал крестинами перемену имени. Дело в том, что ему, как русскому мальчику, хочется носить русское имя Михаила. Я спросила священника, и он сказал, что он ни-

чего не может против этого возразить. В его метрическом свидетельстве будут обозначены оба имени.

По мере того, как говорила Елизавета Васильевна, лицо итальянки принимало мрачное выражение, даже недружелюбное.

— Конечно, ребенок — ваш внук, и в вашей власти переменить его имя, — сказала она сухо. — Но я так полагаю, что куме, крестившей его, будет этим самым нанесена кровная обида. Имя, которое она выбрала, отбрасывается теперь, как негодное.

Вся прежняя горечь обиды закипела теперь снова в сердце Елизаветы Васильевны.

— Вы прекрасно знаете, Роза, что на крестинах Мили никто из нас не присутствовал, даже отец. И никто нашего согласия на имя Милорад не спрашивал. Вы-то лучше, чем кто-либо другой, об этом осведомлены и знаете, что все делалось тайно от нас, — а потому и мы не обязаны считаться с желаниями людей, которых мы не только никогда не видели, но об их существовании не имели понятия.

Все это было сказано резким тоном, после чего воцарилось неловкое молчание.

Николай и Анна тщетно искали слов, чтобы смягчить впечатление, произведенное на Розу словами Елизаветы Васильевны, но, как всегда бывает в таких случаях, не находили их и только смущенно переглядывались.

Совершенно неожиданно, спасителем положения явился Андрюша. Он быстро вошел и, не замечая напряженной атмосферы, царившей в комнате, подбежал к Мили.

— Если бы ты знал, как я устал от сокольских упражнений, — обратился он к мальчику. — Ну, вот ты, философ, скажи нам какую надо в этом случае применить пословицу? — Все взоры обратились к мальчику.

— Сейчас подумаю, — серьезно ответил тот. Через несколько минут лицо его просияло. — Взялся за гуж, не говори, что не дюж!

Громкий хохот покрыл слова мальчика.

— Ну, Мили, к тебе можно применить меткую пословицу «ты в карман за словом не полезешь» —

— Ну и пословица!.. — расхохотался Мили: — надо быть совсем глупым мальчиком, чтобы искать слова в кармане, — там их никто не носит!..

— Ой-ой-ой... — простонал Андрюша, откидываясь на спинку стула.

Наступил, наконец, ожидаемый Мили с таким нетерпением назначенный день. Рано выскочил он из постели и быстро начал одеваться и чистить свои новенькие ботиночки.

— Не спеши, Мили, ведь мы должны быть в церкви к девяти часам, а сейчас нет и восьми, — заметив его волнение, старалась успокоить его Елизавета Васильевна.

Но Мили, всецело поглощенный мыслью о предстоящей церемонии, не обратил даже внимания на слова бабушки.

— Ты сегодня не будешь завтракать, так как будешь причащаться, — продолжала Елизавета Васильевна.

— Знаю, знаю, но я и есть совсем не хочу, — отозвался Мили.

Вот они, наконец, в церкви. На клиросе читают часы; народу почти нет, так как это — рабочий день. Елизавета Васильевна шепнула прислуживающему мальчику, чтобы он доложил отцу Иоанну, что она здесь, и через несколько минут из боковых дверей алтаря показался священник с располагающей к себе улыбкой, от которой делалось легко на душе, по словам прихожан. Его проповеди производили всегда сильное впечатление на слушателей и его называли белградским Иоанном Златоустом. Тем сильнее было их огорчение, когда в минуту величайшей опасности, грозившей им вторично со стороны большевиков, их любимого пастыря не оказалось с ними: он перешел открыто на сторону врагов и соблазнял других следовать его примеру.

О. Иоанн подошел к мальчику, благословил его и спросил:

— Я слыхал, что ты хочешь носить имя Михаила. Да будет же по твоему желанию, — и он стал читать положенные для этого случая молитвы. Затем он дал Мили поцеловать крест, поздравил его и, положив руку на голову мальчика, сказал: — Отныне твоим небесным покровителем будет Архистратиг Михаил. Вот тебе его изображение на этой иконке и книжечка, из которой ты о нем узнаешь. Попроси бабушку прочесть ее и объяснить то, что ты не поймешь.

В продолжение всей литургии Мили не шевельнулся и лицо его выражало необычайную радость. На неоднократные предложения Елизаветы Васильевны посидеть на скамеечке, он отрицательно качал головой, только несколько раз тихо спросил: «Скоро ли я буду причащаться?»

Как только отец Иоанн вышел с чашей в руке, Елизавета Васильевна подвела его, шепнув, чтобы он скрестил руки на груди.

— Причащается отрок Михаил, — отчетливо сказал священник и бережно поднес к устам мальчика лжицу.

С благоговением проглотил мальчик святую частичку и спустился по ступенькам к улыбающейся ему бабушке.

— Теперь скорей домой, воображаю, как ты устал и голоден, — с тревогой в голосе сказала Елизавета Васильевна, всматриваясь в побледневшее лицо мальчика. Но Мили был в приподнятом настроении и утверждал, что он не чувствует ни голода, ни усталости, и всю обратную дорогу не переставал щебетать, как птичка. Вбежав в квартиру, он радостно крикнул:

— Теперь я — Миша! — и с этими словами бросился целовать всех по очереди. — Как я рад, что мой день Ангела теперь вместе с дядей Мишей, — добавил он.

— А вот, кстати, — подхватила Елизавета Васильевна. — Этот день не за горами, надо приготовить поздравительное письмо ему. Маленький Миша поздравит большого и это ему будет очень приятно. Так как в этих случаях делают подарки, то и мы должны написать заранее, чтобы дядя Миша успел что-нибудь прислать. Конечно, мы его об этом просить не будем, а только осторожно намекнем, что тебе будет приятно иметь что-либо от него на память.

Сказано — сделано, и за две недели до дня Архистратига Михаила полетело письмо во Францию. Вот что написал Миша:

«Дорогой дядя Миша! Я — маленький Миша, бабушкин внук, пишу тебе это письмо, чтобы поздравить тебя с днем Ангела и сказать тебе,

что я — тоже именинник. Посылаю тебе мою фотографию, чтобы ты знал, как я выгляжу. Бабушка решила праздновать этот день и позовет гостей, которые принесут мне подарки. Как жаль, что ты живешь так далеко и не можешь притти к нам и принести мне что-нибудь на память о себе. Целую. Твой Миша.»

Бедный мальчик покрылся весь испариной, стараясь навести буквы, которые написала карандашем Никитина.

Миша от письма остался в восторге и кричал, что это — настоящее хитренькое письмо. Дядя Миша подумает: «Миша вероятно не знает, что можно посылать подарки по почте, и очень удивится, когда получит. А я ведь знаю, что добрые почтальоны носят в сумках письма и посылки,» — закончил Миша, щуря глазки.

С этого дня Миша потерял покой. Каждый день он на календаре вычеркивал день и шопотом считал, сколько еще дней осталось до дня его Ангела.

IV

Незаметно подкрался ноябрь месяц. Вынужденное отчуждение от ее хорового кружка в течение четырех месяцев явно начинало тяготить Елизавету Васильевну, и на семейном совете было решено положить конец их одиночеству и ввести семью сына в круг близких им людей. К этому и удобный случай представился: день Ангела Миши, который решено было отпраздновать по-настоящему. Конечно, устроить большой прием было невозможно за недостатком места, кроме того, шумное общество произвело бы слишком сильное впечатление на нервного мальчика, а потому было решено пригласить самых близких друзей, каковыми являлись Малышевские, Ростовцевы, Макаренко и Борщенко. Все охотно приняли приглашение и обещали быть к шести часам вечера.

Елизавета Васильевна и Анна начали уже с утра хлопотать над приготовлением ужина, и к назначенному часу на столе были расставлены аппетитные закуски среди бутылок вина и водки. Посреди стола помещалось блюдо с большим именинным пирогом, на верхней корочке которого было начертано из палочек теста: Михаил. Мастерски зажаренная телячья ножка, обложенная румяным картофелем, находилась еще в духовке.

— Анна, а мой любимый салат ты, надеюсь, не забыла приготовить? — бросая взгляд на стол, воскликнул Николай. Анна рассмеялась — Его-то я никогда не забуду, — и, обращаясь к Елизавете Васильевне, добавила:

— Николай больше всего любит свеже нашинкованную капусту, приготовленную по-сербски.

Роза раскладывала по вазочкам мелкие печения, которые приготовлять она была большая мастерица.

— Как будто ничего не забыто, начиная с русской селедки, — окидывая опытным оком сервированный стол сказал Сергей Константинович.

Миша, в голубенькой фланелевой рубашке и серых штанишках, которые ему сшила к этому дню Екатерина Петровна, выглядел настоя-

щим именинником и, расхаживая по комнатам, прислушивался к малейшему шороху за дверьми.

Гости появились, как бы сговорившись, одновременно, и маленькая квартира наполнилась шумом веселых мужских и женских голосов. Первым ворвался в комнату Борщенко. Опираясь на свою суковатую палку, он делал невероятные гримасы и, подмигивая своим единственным здоровым глазом, закричал во все горло:

— А кто тут жыве?

— Не паясничай, рожа-то твоя испугать ребенка может, — раздался голос Малышевского, а Миша уже заливался веселым хохотом и шептал Розе: «Какой смешной дядя!»

Склонив головку грациозно на бок, с слегка насмешливой улыбкой на устах, плавно выступала Машенька Ростовцева под руку с Малышевской. Бросившись в объятия Елизаветы Васильевны, она затараторила:

— Наконец-то я тебя вижу вне церкви, уж так-то скучно без тебя было, что ты и представить себе не можешь!

— Да, да, нехорошо забывать друзей, — перебил жену Володя Ростовцев. — Но зато сегодня мы уж наверстаем потерянное время, будем петь, пока не охрипнем, и.. конечно, пить.

Пыхтя и переваливаясь на своих выгнутых ногах, ввалился в комнату Макаренко.

— Привет новоиспеченным дедушке и бабушке, — загремел он с порога. — Ха-ха-ха, резвушка и хохотушка Лизочка — в роли бабушки! Убей меня Бог, не могу себе этого представить, — и с этими словами он подошел к ручке хозяйки.

— Петр Иванович, причем же тут я, ведь не я же себя делала бабушкой, а меня сделали, — защищалась Елизавета Васильевна.

— Ладно, ладно, забудем, поэтому, ваше почтенное звание и будем по-прежнему любоваться лукавыми глазками хохлушечки. Видит Бог, — скучал безмерно, — добавил он тихо.

— Верю, верю, но только не уверена, по ком: по мне или по борщу с коленцем. Но теперь уж не унывайте, в следующее воскресенье будет вам и борщ, и рюмашка. Приходите, как и прежде.

— Да неужели? — и Макаренко прищелкнул языком.

Во время этих шумных приветствий только Анна и Миша стояли неподвижно, любуясь общим оживлением и рассматривая с любопытством гостей. Елизавета Васильевна взяла Мишу за руку и подвела его к дамам. Тут все взоры обратились к мальчику, все бросились его целовать и поздравлять. В один миг руки его были полны пакетов, которые тут же вываливались на пол, и это привело в полное смущение мальчика.

— Не робей, Миша, собирай подарки и тащи в свое гнездо, а то еще кто-нибудь утащит, — ободрял его Макаренко.

Этот совет успокоил мальчика, и он, собрав не спеша пакеты, понес их к себе в спальню.

— Позвольте вам представить, господа, нашу невестку, Анну Ивановну, — раздался голос Сергея Константиновича.

Ростовцев взглянул на стоящую у стола улыбающуюся молодую женщину, открыл рот и не мог произнести ни слова от удивления. Такое же выражение лица было и у Малышевского. Что же касается Макаренко, то он всплеснул руками и завопил:

— Ну и красавица, теперь для меня становится все ясно: поэтому Николай запрятал свою жемчужину и никому не показывает! Опасно, опасно, что и говорить.

Это восклицание вырвалось у него так искренне от души, что вызвало дружный хохот присутствующих. Неловкость сразу исчезла, все почувствовали себя уютно, как будто век были знакомы с новыми членами семьи Никитиных, и на предложение хозяйки занять места и закусить, чем Бог послал, ответили громким одобрением и поспешили к столу. Макаренко, конечно, устроился рядом с Анной и, продолжая рассыпать комплименты, усердно начал угощать и подливать вино.

— Хоть один вечер, да мой, — говорил он, чокаясь с Анной, — а вы, Николай, пожалуйста не обращайте внимания на нас.

— Хорошо, хорошо, я сегодня занят и ничего не вижу, — раскладывая пирог по тарелкам ответил Николай, в то время как Сергей Константинович стал разливать по рюмкам живительную влагу.

— За здоровье именинника! — закричал Макаренко, подымая бокал. Елизавета Васильевна налила мальчику сироп в зельтерскую воду, и он важно чокался со всеми.

— Мы ему споем чарочку, — предложил Ростовцев.

— А что такое чарочка? — спросил Миша сидящую возле него Малышевскую.

— А вот ты сейчас увидишь, — шепнула ему та.

Машенька Ростовцева подошла к мальчику с блюдечком, на котором стояла рюмочка, и хор грянул:

«Чарочка моя серебряная, на золотом блюде поставленная, кому чару пить, кому пьяну быть — свет Михаилу Николаевичу! Пей до дна, пей до дна,» — кричали со всех сторон гости, и Миша важно выпил все содержимое залпом.

Эта церемония ему так понравилась, что он просил дать ему поднос со стаканом, и теперь он подносил всем гостям по очереди и кричал, громче всех: «Пей до дна, пей до дна!»

— Андрей, — кричал захмелевший Макаренко, — ты — вылитый портрет Андрия, сына Тараса Бульбы, так выпьем же, брат, за нашу Украину, которую ты, кстати, совершенно не знаешь.

— Выпьем, Петр Иванович, но вы напрасно думаете, что я не помню Украины, все хорошо помню. — Но Макаренко только сомнительно качал головой.

Людмила Георгиевна не сводила глаз с сидящего рядом с ней мальчика. По-временам она с нежностью поглаживала его по головке и шептала что-то на ушко, от чего у Миши появлялась кроткая улыбка на устах. И от этой улыбки, и от взгляда его задумчивых глаз, не гармонировавшего с его приподнятым настроением, сердце Людмилы Георгиевны сжималось от какой-то необъяснимой тоски и даже страха.

— Что со мной? — с досадой думала она, стараясь отделаться от странного ощущения, и она крепче прижимала мальчика к себе. Собственных детей у нее не было, и эта неудовлетворенная жажда материнства сказывалась в обращении ее с детьми. Она их как-то болезненно любила, умела к ним подойти, успокоить, утешить и развлечь и этим всегда привлекала сердца детей. Так случилось и с Мишей. Чутким сердечком он почувствовал в ее лице друга, которому можно довериться. Раскрасневшись, с загоревшимися глазками, он с увлечением рассказывал своей новой знакомой, как он сделался русским

мальчиком, переменив имя, и чему научился от своей бабушки. Рассказал ей об ученом котике и об Иванушке-дурачке из сказки «Конек-Горбунок», а уж пословицы сыпал, как из мешка.

Любуясь его оживлением, Людмила Георгиевна прижалась к лобику мальчика и вздрогнула: ей показалось, что у него повышенная температура и она быстро обернулась, чтобы выразить свои опасения Елизавете Васильевне. Но в это время раздался громкий голос Макаренко, который не хотел согласиться с доводами хозяйки относительно того, что пора уж водочку отставить в сторону.

— Сережа, — жаловался он, — горе нам с бабами, о це як бы мы самы зибралыся б до купы и цупко, цупко напылися б».

Увы, протесты его остались безуспешными — водка исчезла со стола энергичным вмешательством дам и Володя Ростовцев грянул: «На солнце оружьем сверкая» и полилась песня, подхваченная дружно хором.

— Как хорошо поют русские! — вырвалось у Миши, когда песня оборвалась, и, сконфузившись, он спрятался за спиной Малышевской.

— Браво, Миша, — закричал Макаренко, — видно сразу, что ты будешь военным, и мы вместе еще повоюем с большевиками, ведь повоюем, а?

— Повоюем! — закричал расхрабрившийся Миша, выглядывая из-за спины Малышевской.

— Отлично, и ты ни в коем случае не соглашайся, если тебе предложат быть агрономом, как папа. Пусть они там копают землю, лопатами, а мы будем взрывать ее артиллерийскими снарядами, это куда веселее.

— Петь, петь! — кричал Борщенко. — Что мечтать о войне, в которой вы, Петр Иванович, не сможете принять участия. К тому времени, когда Миша станет солдатом, г-н полковник будет таким — сорвавшись с места он очень удачно изобразил старика с согнутой спиной и дрожащими ногами и руками, за что и был вознагражден бурными аплодисментами.

И снова полились песни, в которых отражался простор необъятных русских степей и молодецкая бесшабашная удаль...

Несмотря на оживление ребенка, Малышевская с явным беспокойством следила за ним и, наконец, улучшив минутку, подозвала Никитину.

— Лизочка, у тебя есть под рукой термометр? — спросила она тихо.

— Зачем он тебе? — с удивлением спросила та.

— Надо смерить температуру Мише, он мне кажется слишком горячим.

Никитина обняла подругу. — Людочка, ты всегда создаешь какие-то страхи, ты же сама подумай: народу много, а квартира маленькая, и, следовательно, у нас у всех жар, — рассмеялась Елизавета Васильевна. Но видя, что подруга не удовлетворена ее объяснением, продолжала: — Впрочем, для твоего успокоения сделаем опыт, — и с этими словами она подошла к шкафчику, который служил ей маленькой аптечкой, и извлекла оттуда термометр.

— Что это за трубочка? — спросил Миша и тут же добавил: — мне такую ставила под руку сестра, когда я был в больнице.

— Вот, вот, мы тоже хотим смерить твою температуру, — поясни-

ла Малышевская, просовывая трубочку под руку мальчика. — Теперь посиди спокойно.

Через пять минут ртуть поднялась до 37,2 и Малышевская, многозначительно взглянув на термометр, передала его Никитиной.

— У детей, Людочка, эта температура считается нормальной, — стараясь заглушить тревогу тихо ответила она.

— Дай Бог, а ты все-таки следи за температурой и измеряй утром и вечером.

— Конечно, обязательно, и большое тебе спасибо, что ты обратила мое внимание на это.

Вся эта манипуляция оставалась незамеченной гостями, которые продолжали пить вино, чокаться и петь русские и украинские песни.

— Ну, пора и честь знать, надо дать отдых виновнику торжества, — объявил Макаренко и тут же, наклоняясь к уху Анны, тихо произнес: я, конечно, сидел бы целую ночь и любовался моей прелестной соседкой, — и он окинул влюбленным взором смутившуюся Анну.

С шумом поднялись гости и стали благодарить хозяев, которые вышли провожать их до калитки.

— Когда же мы увидимся снова? — спросил Макаренко, целуя руку Анны.

— Кад хочете, ми смо увек кучи,*) — ответила та.

Макаренко удивленно поднял брови.

— Ми, кто это ми? В императорской России только государь имел право говорить о себе «мы».

— Но я не говорю о себе, — в свою очередь удивилась Анна, мы все, дома — и папа, и мама, и. . .

— Довольно, довольно, я не знал, что вы еще в таком возрасте, когда при свиданиях нужны папы и мамы, — и он безнадежно махнул рукой, делая огорченное лицо.

— Богами, овай йе прави мангуп,**) — засмеялась Анна, выталкивая Макаренко за калитку.

— Скорей, Миша, в постельку, — торопила Елизавета Васильевна мальчика, когда веселые голоса гостей замерли вдали. — Ты, вероятно, очень устал и тебе необходимо скорее заснуть.

— Хорошо, — покорно согласился мальчик, у которого после сильного возбуждения наступила реакция.

— А как же с пакетиками, я их и не рассмотрел, — совсем сонным голосом спросил Миша.

— Завтра, завтра все рассмотрим, — укрывая его одеялом ответила Елизавета Васильевна. — Надо будет следить за его температурой, — как бы вскользь заметила она, — сегодня вечером она почему-то поднялась до 37,2.

— Но Миша ведь ни на что не жалуется, — удивился Николай.

— Так-то оно так, а все-же мне это не нравится.

— Нечего создавать себе заранее ни на чем не основанные страхи, — отозвался Сергей Константинович, — лучше отправляйтесь спать. Утро вечера мудренее.

---

*) Когда хотите, мы всегда дома.

**) Ей-Богу, это настоящий повеса.

С широко открытыми глазами следила Анна за разговором, но не проронила ни слова...

Миша проснулся бодрым и веселым и температура была совершенно нормальной.

— Слава Богу, значит, ничего серьезного нет, — подумала с облегчением Елизавета Васильевна.

Пакеты были принесены ему в кровать, и радости мальчика не было границ при виде подарков.

— Мама, смотри только, чего здесь нет: и автомобили, и паровозы с вагонами, и чудные книжечки для раскрашивания цветными карандашами, — захлебывался он от восторга. Среди игрушек были и носильные вещи — теплые перчатки, чулки и шарфик.

— Конфетки, бабушка, спрячь у себя, — деловито заметил он. Но больше всего его тронул подарок Малышевской. Это была художественно нарисованная икона Архистратига Михаила. Поцеловав ее, он передал ее Елизавете Васильевне со словами: «Прикрепи ее к кровати, чтобы я мог ее всегда поцеловать».

Все уже разложено на полочках, и Миша, улыбаясь, любуется своим богатством, как вдруг, вспомнив что-то, бросается к Елизавете Васильевне.

— Бабушка, а самого-то главного нет! Из хитренького письма ничего не получилось.

— Напрасно ты беспокоишься, почтальона еще не было.

Никитина хотела что-то пояснить, но в эту минуту раздался знакомый стук в дверь, и на пороге появился симпатичный толстый почтальон, которого все во дворе любили.

— Ко има ту Михайло Никитин? — спросил он, оглядывая присутствующих. — Новчано, препоручено писмо,*) вынимая письмо из сумки, объявил он.

— Иа сам, — выступая вперед крикнул Миша.

— Онда пиши овамо име и презиме,**) — и он показал ему толстым пальцем, где он должен был расписаться. Растерянно смотрел Миша на бабушку.

— Я за него распишусь, — и, взяв карандаш из руки почтальона, Елизавета Васильевна написала свою фамилию.

— С Богом, — и почтальон исчез за дверью.

Когда письмо было вскрыто, из него выпала стофранковая бумажка.

— Вот тебе и хитренькое письмо! Это, брат, целый капитал, — смеялся Сергей Константинович, — мы пойдем с тобой в менялку и получим динары, а затем решим, как лучше использовать эти деньги.

Миша стоял совсем ошеломленный и взволнованно сказал:

— Дядя Миша меня совсем не знает и прислал столько денег. Какой он добрый! — и слезки заблестели на его глазах.

Вернувшись из города, Миша подробно рассказал матери и бабушке, как дедушка подал в окошко одну бумажку и получил за нее кучу денег.

— Если вы не верите, спросите дедушку, — для большей убедительности добавил он.

— Верим, верим, — смеялись те.

---

*) Кто здесь Михаил Никитин? Денежное, заказное письмо.
**) Тогда пиши здесь имя и фамилию.

— Знаешь, дедушка, что я придумал относительно денег. У меня все есть — и игрушки, и конфеты, а у бедного папочки часто не бывает и динара, чтобы купить папироски, а ведь он без них не может жить. Вот я и подумал, не отдать ли ему деньги, мне кажется, он обрадуется, как ты думаешь? — И он вопросительно посмотрел на Сергея Константиновича.

Тот был совершенно расстроган бескорыстным предложением внука и, крепко его поцеловав, сказал:

— У тебя золотое сердце, Миша, делай как хочешь, деньги твои.

Узнав об этом, Николай, чтобы не обидеть мальчика, весело хлопнул в ладоши: — Вот, теперь я обеспечен папиросами, — и тот весь просиял при этих словах.

V

— Бабушка, посмотри только, какая прелесть, когда это успел выпасть снег, весь двор белый, а вчера ничего не было, — кричал Миша, подбегая в ночной рубашке к окну.

— Пока ты спал, Боженька постелил дорожку для деда-мороза, ведь ты же знаешь, что он приезжает на саночках. Сегодня большой праздник — Св. Николая Чудотворца, который всегда должен быть на снегу, ведь до Рождества-то осталось немного, — рассказывала Елизавета Васильевна, одевая мальчика.

— И как это замечательно вышло, — продолжал рассуждать Миша. — Как только я переселился к русским дедушке и бабушке, так и снег выпал, а у белой бабы были дождь и грязь во дворе, и, конечно, дед-мороз не мог ехать на санях.

— Бедная баба, ничего-то она не умела, даже зимы устроить для Миши, — отозвалась Анна из кухни, где она приготовляла завтрак.

Весь поглощенный вопросом о приезде деда-мороза, Миша, торопливо глотая молоко, не переставал говорить на эту тему.

— Знаешь, чего я боюсь, бабушка? Дед-мороз ведь не знает, что в этом доме живет русский мальчик, кроме меня другого нет, и он легко может проехать мимо!

— А мы вот что сделаем, — вмешался в разговор Николай, — мы напишем деду записку и повесим ее на входной двери в дом.

При первых словах отца Миша сорвался с места и бросился в свой уголок. Положив листочек бумаги и карандаш перед отцом, он с живостью сказал:

— Пиши, папочка, ты прекрасно придумал.

Не заставляя себя долго просить, Николай стал выводить большими печатными буквами:

«Дорогой дед-мороз! В этом доме, в мансарде, живет русский мальчик. Он очень хочет тебя видеть и поговорить с тобой, пожалуйста, не пропусти его».

— Готово, — заявил удовлетворенный Миша.

Николай взял кнопки и пошел повесить записку на выходной двери.

— Теперь все в порядке, и мы можем пойти подышать свежим воздухом, — предложил Николай, на что и получил разрешение от Елизаветы Васильевны.

По вечерам, когда Миша засыпал, взрослые обсуждали вопрос об устройстве елки. Дерево взялся достать Сергей Константинович, причем надо пронести его незаметно в подвал и спрятать в кладовке для дров, что и было проделано так ловко, что Миша ничего не заметил. Теперь оставалась еще одна трудная задача: кого пригласить разыграть роль деда-мороза? Перебрали всех знакомых, но ни на ком не могли остановиться, все это были семейные люди, которые проводили Святой вечер в кругу своих.

— Вот кого пригласим, — воскликнула Елизавета Васильевна. — Инженера Петрусенко. Он — человек холостой и пойдет нам в этом навстречу. Чтобы не чувствовать в этот вечер одиночества, он, несомненно, с готовностью разыграет нам роль деда-мороза.

Предложение было одобрено и на другой же день приведено в исполнение. Сергей Константинович, разыскав его на службе, изложил ему свою просьбу.

— С удовольствием изображу вам деда-мороза, это для меня будет большим развлечением, — охотно согласился Петрусенко. Костюм он обещал соорудить самостоятельно, а мешок с игрушками должен был быть ему доставлен заблаговременно. Елочные украшения, свечи, пушистая вата — все это незаметно приносилось и складывалось в один из ящиков комода.

Приближался тот день, о котором Миша слышал от своего папочки, и что казалось ему настоящей сказкой — теперь все это будет наяву.

— Неужели я увижу живого деда-мороза? — спрашивал он Андрюшу каждый день и только тогда успокаивался, когда тот отвечал утвердительно.

— О чем ты так задумался? — спросила однажды Никитина, заметив, что он рассеянно переставляет автомобильчики, но не проявляет к ним никакого интереса.

— Да, я задумался, и ты никогда не догадаешься, о чем, — и Миша улыбнулся, как всегда, своей кроткой улыбкой. — Я не могу себе представить, как ты спрячешься за горой и будешь оттуда выглядывать.

— За какой горой, я ничего не понимаю, о чем ты говоришь? — с недоумением спросила Елизавета Васильевна.

Громкий взрыв хохота Николая покрыл ее слова.

— Это я ему рассказывал, что встарину в сочельник полагалось печь такое количество пирожков, что когда их укладывали горкой на столе, то хозяйку не видно было за этой горой.

— Ах, вот в чем дело! — улыбнулась Никитина. — Да, это, действительно, было так на нашей богатой родине встарину, всего было вдоволь, и хозяйки пекли такую массу не для себя только, а чтобы раздавать бедным, больным и даже заключенным в тюрьмах. Мне же, миленький, не удастся спрятаться за пирожками — муки не хватит, и все же и из того количества, которое нам посылает Боженька, мы можем наделить хоть одного бедняка, и за это доброе дело ангелы будут радоваться на небе.

— Я уже знаю, кому я понесу пирожки — моему другу, — вспыхнул от радости Миша.

— Какому другу? — опять не поняла Елизавета Васильевна.

Теперь Сергей Константинович и Миша переглянулись с видом заговорщиков, и мальчик, кивнув в сторону Никитина, сказал:

— Дедушка знает.

— Да, знаю, о ком говорит Миша, — подтвердил Никитин. — Гуляя со мной по кладбищу, Миша заметил калеку, сидящего недалеко от ворот. Он ничего не просил, только грустно на всех смотрел. Миша подбежал к нему и заговорил с ним. К нашему большому удивлению он оказался русским. С тех пор Миша дает ему монетку, усаживается рядом и щебечет, и надо только видеть, какое удовольствие он доставляет этому бедному человеку, лишенному всяких радостей.

— Ну, вот и отлично, мы будем печь завтра, накануне сочельника, иначе нам не справиться со всей работой, неправда ли, Анна? — обратилась Елизавета Васильевна к невестке.

— Где уж там, ведь надо же еще елку украшать, — добавила она, понижая голос и выразительно кивнув в сторону Миши.

— Значит, завтра после обеда ты можешь пойти с Розой на кладбище и отнести пакетик, который мы приготовим для твоего друга, хорошо? — спросила Елизавета Васильевна.

— Спасибо, бабушка, как я рад, что могу порадовать моего друга! — с чувством ответил Миша и бросился целовать бабушку.

Время летело. В квартире с утра началась суета, и никто не заметил, что короткий зимний день уже на исходе и стали надвигаться сумерки. Розы все еще не было.

— Почему она не идет? — в сильном волнении задавал Миша всем этот вопрос, но никто, конечно, не мог объяснить причины ее опоздания.

— Не беспокойся, Миша, она вероятно пошла за покупками, — старалась успокоить его Елизавета Васильевна.

— Ах, бабушка, но ведь мой друг не сидит на кладбище до ночи, он же может замерзнуть. А где он живет, мы не знаем, — прерывающимся от слез голосом ответил Миша.

Никитина хотела что-то возразить, но в этот момент хлопнула кухонная дверь, и на пороге появилась итальянка, закутанная в теплый платок, и, тяжело дыша, опустилась на скамейку.

— Где ты была до сих пор, видишь, что уже темнеет, и мы можем опоздать, — кричал вне себя Миша. — Мама, скорей давай калоши и пальто, а ты сиди и ожидай, я вмиг оденусь, — и Миша, как вихрь, исчез за дверью.

— Бедное дитя, ты своего друга уже не увидишь, — прошептала скорбно Роза.

— Что случилось? — воскликнули обе женщины.

— Повесился, бедняга... от хорошей жизни, — добавила она.

Побледнев, смотрели на Розу Елизавета Васильевна и Анна, не будучи в состоянии произнести ни слова.

— Что же мы скажем Мише? — в отчаянии воскликнула Елизавета Васильевна.

Скажите, что он простудился и умер, так как не имел денег на лечение, а о самоубийстве ни слова, детям знать об этом не полагается, — посоветовала Роза.

Но обе женщины только беспомощно озирались на дверь, из которой вот-вот должен был показаться мальчик. Сергея Константиновича не было дома, он ушел за покупками, а Николай и Андрей изготовляли в подвале подставку для елки.

— Ну что, баба отдохнула? Идем скорей, а то, вероятно, мой друг

уже замерз, — зазвенел голосок Миши, который уже успел натянуть пальто и берет. В руках у него была корзинка, в которой лежали пирожки, ветчина и колбаса. Роза молчала, а Анна с такой мольбой взглянула на Елизавету Васильевну, что та поняла, что вся тяжесть миссии возлагается на нее.

— Миша, — дрогнувшим голосом сказала Никитина. — Ты не пойдешь с бабой к твоему другу, с ним случилось несчастье. Он сильно простудился, кашлял и все же ходил на кладбище, пока окончательно не слег. Ты ведь знаешь, что он был плохо одет и обут. — Она на минутку запнулась. — Вчера, Мишенька, он умер.

Миша пошатнулся и побледнел. Широко открытыми глазами он смотрел на бабушку и еле прошептал: — умер.. — И вдруг, громко зарыдав, он выбежал из кухни.

— Это я виноват, потому что не пошел к нему раньше, — и, зарывшись головой в подушку, он продолжал себя обвинять в смерти несчастного калеки.

Никитина подошла к кровати и молча гладила мальчика по голове, чтобы дать ему время немного успокоиться.

— Не упрекай себя, Мишенька, ты ни в чем не виноват, — говорила она, приподнимая его заплаканное личико. — Боженька знал, что ему жилось тяжело, ведь без ноги работать нельзя, значит, приходилось просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. Мы ведь не знаем, а ведь он, верно, молился Богу, чтобы Он его взял к себе.

Слушая Елизавету Васильевну, Анна и Роза тоже заливались слезами.

— Ему теперь гораздо лучше там, он не голоден и не дрожит от холода. Он видит тебя и молится, чтобы ты был здоровеньким, а ты обязательно должен каждый день молиться о нем, и его душе будет легко, легко.

Мальчик перестал плакать и внимательно слушал бабушку. Выражение лица его было сосредоточенное, казалось, что он силится понять какую-то тайну.

— Это правда, бабушка, иногда лучше умереть, чем жить. И почему только люди боятся смерти? Заснешь — и проснешься уже у Боженьки. А там.. там, конечно, лучше, чем на земле. Хорошо, я не буду больше плакать, но и вы обещайте не плакать, когда я умру, — закончил он неожиданно твердым голосом.

— Что ты глупости говоришь? — рассердилась Роза, чем вызвала улыбку у мальчика.

С пакетами в руках, показался на пороге кухни Сергей Константинович.

— Дедушка, ты не знаешь, что случилось с моим другом? Он умер, — и с этими словами Миша бросился к нему на шею.

— Знаю, детка, знаю, я заходил на кладбище и видел его могилку. Мы завтра же пойдем с тобой, и ты поставишь свечку за упокой души раба Божьего Владимира. — Все это было сказано ровным голосом, что подействовало на мальчика успокоительно. Чтобы дать другое направление мыслям Миши, Сергей Константинович тут же обратился к нему:

— Бери скорее, Миша, пакеты, надо все распаковать и разложить, ведь здесь все вкусные вещи: вот халва, вот шоколад, а вот апельсины и яблоки, — и Сергей Константинович стал вынимать пакеты из

мешка и подавать их Мише, а тот, в свою очередь, передавал их Анне и Розе. Так незаметно пролетел вечер за предпраздничной работой.

Утром Сергей Константинович с Мишей отправились на кладбище. Мальчик был задумчив и молчалив и не заметил, что Сергей Константинович не шел по главной дороге, а свернул влево и вышел на ровную площадку, почти незаселенную, без памятников и крестов. Это место отведено было для самоубийц. По просьбе Сергея Конетантиновича, сторож успел сколотить грубый крест, на котором было начертано: «Здесь покоится раб Божий Владимир».

— Вот и могилка твоего друга, — шепнул Никитин.

Миша вставил в землю зажженную свечку, положил у изголовья скромный букетик цветов и перекрестился, повторив за дедушкой молитву.

— Теперь идем быстро домой, — торопил мальчика Сергей Константинович, заметив, что Миша все еще не двигается с места. — Нам надо пойти в кладовку и посмотреть, не принес ли дед-мороз елку. Он ее обыкновенно приносит накануне, чтобы мы могли ее сегодня украсить.

Эти слова окончательно вернули Мишу к приятной действительности и он, схватив дедушку за руку, быстро зашагал по направлению к дому.

Спустившись по ступенькам вниз, они очутились в полутемном подвале и стали осторожно пробираться к своей кладовке. Миша сразу насторожился и потянул носиком воздух.

— Ну, конечно, принес, я чувствую запах елочки, — заявил он категорически.

— Ты думаешь? Сейчас посмотрим, — и Сергей Константинович открыл ключиком замок. Глазам мальчика представилась чудная елочка, ветки которой расправились и показались из дверей.

— Беги скорей наверх и скажи папе, чтобы ее вынесли из подвала, — сказал Сергей Константинович.

Миша не заставил себя просить и, задыхаясь от счастья, в несколько прыжков поднялся по лестнице.

— Елка здесь, дед-мороз прочел записку, значит придет к нам, — кричал он.

— Как мало надо ребенку, чтобы он чувствовал себя счастливым, — подумала Елизавета Васильевна.

Раздеваясь, Миша спросил бабушку, кому же отдать пакет, который был приготовлен для его друга.

— Отдай его Екатерине Петровне, она тоже бедная.

— Хорошо, бабушка, я так и сделаю, — согласился Миша.

VI

Освободившись от пальто и калош, Миша сел за стол в ожидании завтрака. Анна поставила перед ним тарелку сладкой манной каши со вбитыми в нее желтками и серьезно сказала:

— Сегодня пост, мяса есть нельзя, и до первой звезды ты больше ничего не получишь. Помнишь, как тебе о сочельнике рассказывал папа?

— Еще бы, конечно помню, и я тоже должен есть постное, как

взрослые, — с этими словами он принялся за кашу, не замечая лукавой улыбки матери.

Во дворе послышалась возня и затем сильный стук в дверь.

— Эй, вы, сонные тетери, отворяйте брату двери, — раздался голос Андрюши, вызывающий Мишу на ответ. И, действительно, тотчас же зазвенел задорно голосок мальчика:

— Кто стучится сильно так?

— Это я, Иван-дурак, — и с этими словами Андрюша ввалился в кухню, поддерживая верхнюю часть елки, в то время, как Николай силился протащить ее внутрь, держась за деревянную перекладину, в которую была вставлена елка. Общими усилиями она была поставлена на заранее приготовленный столик и на верхушку ее прикрепили блестящую звезду.

— Ну, теперь нам надо приниматься за работу, — объявил Сергей Константинович. — А так как здесь места мало, то лишний элемент, каковым являются бабушка и внук, должен отсюда уходить, тем более, что вдвоем вы скучать не будете, а нам — только мешать работать. — Миша с тревогой взглянул на Елизавету Васильевну.

— Ах, вот как, вы нас, значит, прогоняете? Отлично, мы найдем себе развлечение, — и, моргнув Мише, Никитина прошептала ему на ушко: — я успею рассказать рождественскую сказку.

— Я согласен, бабушка, — и Миша опрометью бросился в соседнюю комнату.

— Вы, конечно, знаете, где лежат елочные украшения? — на ходу бросила мужу Елизавета Васильевна.

— Все найдем, не беспокойся, — и Сергей Константинович захлопнул за женой дверь.

Одним прыжком Миша очутился в большом кресле, приглашая жестом руки бабушку занять место возле него.

— Они думают, что я недоволен тем, что они запрещают мне смотреть, как они будут украшать елку, а я, напротив, очень рад этому, так как мне хочется провести этот вечер так, как проводили его папа и Андрюша. Помнишь, бабушка, как они сидели с няней в игрушечной комнате и няня им рассказывала о рождении маленького Иисуса, как он лежал в пещере на сене, а ангелы на небесах пели чудную песню?

— Помню, помню, — улыбнулась Елизавета Васильевна.

— А о чем же ты хочешь мне рассказывать? — спросил Миша, прижимаясь к бабушке.

Елизавета Васильевна помолчала несколько минут, прежде, чем ответить внуку, и, наконец, сказала:

— Я не знаю, поймешь ли ты мою сказочку-быль. Это будет только отчасти сказка, но в ней — истинные происшествия. Я расскажу тебе о той звезде, которую видели пастухи и волхвы в ту ночь, когда родился маленький Иисус, а именно — что она видела на нашей родине прежде, когда жив был царь, когда церкви были полны молящимися, когда народ был сыт, обут и одет, и что она увидала позже, когда злые люди убили царя, разрушили церкви и отобрали у народа все.

— Ну, как же не понять, бабушка, я ведь знаю, это вы от этих разбойников убежали и приехали сюда.

— Ну, так слушай.

«Солнце только, только, как скрылось за далеким горизонтом, и потому было еще совсем светло. Мороз трещал и снег искрился и хрустел под ногами прохожих. Звездочки знали, что как только совсем стемнеет, они заблестят, как зажженные свечечки, и весело переговаривались между собой.

— Вечером мы будем сиять особенно ярко — ведь сегодня рождается младенец Иисус. Но ярче всех будет наша сестричка, которая возвещает людям это великое событие.

Молча слушала звездочка рассуждения подруг. Да, действительно, она может гордиться тем счастьем, которое выпало ей на долю: возвестить миру о рождении Спасителя. — Ведь это я привела пастухов к пещере, где лежало Святое дитя, — вспоминала она, — также и волхвы, увидав меня, необычайно блестящую звезду, пошли поклониться Тому, Кто пришел на землю, чтобы пролить кровь свою за грехи людей. Много веков прошло с тех пор, а христиане всего мира празднуют этот великий день, и я с высоты небес разделяю их радость. Однако, не знаю почему, но я больше всего люблю, как прославляют этот день на Святой Руси, — продолжала она вспоминать. — Там, действительно, стар и млад ждут меня с нетерпением. «Звездочка, звездочка уже загорелась на небе», кричат детишки, и все радостно меня приветствуют. И тогда начинается веселый перезвон колоколов многочисленных соборов и церквей. В широко открытые двери храмов вливаются потоки людей и, кажется, что и конца этому не будет. Все блестит от массы зажженных перед иконами свечей.

«Рождество Твое, Христе Боже наш» — несется могучий гимн, исполняемый хорами, и разносится в вечернем воздухе... А что творится на улицах! Магазины ярко освещены и в них еще толпятся запоздавшие покупатели. В окнах виднеются нарядные елки, залитые светом многочисленных свечей, везде шум, смех и веселый говор. Вот из-за угла появляются ребятишки и несут на древке большую звезду, в которой горит фонарик. Они останавливаются перед окнами и звонкими голосами поют рождественские колядки. Вдруг из подворотни выскакивает парень в полушубке на заячьем меху с гармошкой в руках и тут же пускается в пляс, к большому удовольствию стоящих возле девушек, которые грызут подсолнухи, орешки или дешевенькие карамели. Кучера на несущихся стрелой санках громкими возгласами, а иногда и кнутами, заставляют веселящуюся молодежь разбегаться во все стороны, а рысак под зеленой сеткой мчится уже дальше, взрывая копытами снег и обсыпая прохожих снежной пылью.

Заглядываю в дома. Везде чистота и уют. Перед иконами, убранными красиво вышитыми полотенцами, мерцают лампадки, освещая мягким светом лики святых. Посреди комнаты — елка, вокруг которой пляшут дети, и тут же их счастливые родители. И везде одно и то же: богатые и бедные прославляют приход Христа на землю...

А что это за необычайное движение на улице? В толпе детишек, которые окружили его тесным кольцом, подвигается медленно дед-мороз с мешком за плечами, улыбаясь во весь рот и хлопая рукавицами. Он направляется к подъезду ярко освещенного дома.

— Дедушка, дедушка, дай нам конфеток! — кричат дети, хватая его за рукава.

— А розог не хотите? — спрашивает дед.

— Нет, дедушка, ради праздничка Христова дай нам чего-нибудь вкусного!

Дед шарит по карманам и вытаскивает горсть орехов, за ней — другую, третью, и разбрасывает их в разные стороны. Когда детишки бросаются собирать лакомства, он быстро исчезает за дверью, которую перед ним открывает кокетливая горничная в белом нарядном переднике. Писк, крик, хохот и лай собаченок, которые участвуют в общей свалке, хватая детей за ноги.

— А ты что же, воробей, не ищешь себе орешка в снегу? — спрашивает мальчика старушка, наблюдающая эту сцену. На краю тротуара стоял в нерешительности маленький мальчик, закутанный в кофту с материнского плеча и в рваных ботинках, в которые набрался снег; он с завистью следил за борьбой, не решаясь принять в ней участия.

— Впрочем, ты совершенно прав. Они наставят тебе синяков, да и вряд ли каждому посчастливится найти лакомство. Пойдем лучше ко мне, у меня найдется для тебя что-нибудь получше и без драки, — и, взяв мальчика за руку, старушка поспешила к себе в теплую комнатку, где она накормила ребенка, усадив его рядом со своим внуком, а затем одела его в теплое пальтишко и сапожки внука.

— Так-то будет теплее, — говорила добрая старушка, ласково поглаживая мальчика по головке.»

— А видала ли звездочка, когда мальчик вернулся домой, и как удивилась его мама? — допытывался Миша.

— Нет, этого она не видала, а вот теперь слушай, как огорчилась звездочка, когда увидела другую картину на нашей родине.

«Стемнело. — Что же это я размечталась, давно пора возвещать людям о наступлении праздника, — звездочка вздрогнула, быстро поднялась вверх, и серебристый свет залил землю. Под ней расстилалась великая Россия. — Странно, что за зловещая тишина и мрак, — подумала звездочка, — я не вижу зажженных елок и, что удивительнее всего, не слышу моих любимых колоколов.

Она стала всматриваться в темноту и то, что она увидела, повергло ее в печаль и в недоумение. Из открытых дверей церкви какие-то люди в кожаных куртках с револьверами за поясами тащат старенького священника; ряса его разорвана в клочья, седые волосы его развеваются по ветру, лицо его в крови. Перепуганный народ толпится вокруг церкви, но защищать своего пастыря не решается.

— Рождество задумал праздновать, старая каналья! — гремел чей-то страшный голос. — Настал конец вашему царству, довольно вы уж высосали из народа трудовых копеечек, спасая их души. Советская же власть даст ему насущный хлеб и без помощи Бога.

— Пейте, люди, и веселитесь, никакого греха нет, все это — поповский обман. Эта церковь подлежит закрытию, — продолжал тот же голос, — выносите иконы и церковную утварь, все это должно быть сожжено, как ненужный хлам.

Старики не двигались с места, но несколько парней с папиросками в зубах с диким гиком бросились исполнять приказание начальства, в то время как другие поволокли несчастного старика в неизвестном направлении.»

— Как страшно там жить, — прошептал Миша, прижимаясь к Елизавете Васильевне.

— Да, деточка, там, действительно, ужасно, и мы вечно должны благодарить Бога, что Он нас вывел оттуда и привел в православную страну, где люди Бога не забывают.

«С недоумением смотрит звездочка на расстилающийся под ней город. На улицах никакого движения. Изредка появляются пешеходы, но трудно отличить мужчин от женщин, так как все замотаны в тряпье. Они боязливо озираются и жмутся к заборам, стараясь оставаться в тени.

Вдруг звездочка вздрогнула: воздух прорезал отчаянный крик: «черный ворон!» и все заметались и бросились врассыпную, куда глаза глядят. И не успела еще звездочка опомниться, как увидала быстро мчавшийся черный автомобиль, который, казалось, хотел все сокрушить на своем пути. Он резко остановился перед подъездом слабо освещенного дома, и из него выскочили несколько вооруженных людей, которые тотчас же скрылись за дверью. Спустя некоторое время они появились, окружая тесным кольцом бледных полуодетых мужчин. За ними толпились женщины с искаженными от ужаса лицами.

— Куда вы уводите наших мужей, в чем они обвиняются? — вопросы сыпались со всех сторон, но стража только презрительно пожимала плечами и, криво ухмыляясь, нагло ответила:

— Они являются врагами народа, а советская власть таких по головке не гладит, — при этих словах она разразилась громким смехом и стала бесцеремонно толкать арестованных к автомобилю.

— Папочка, — закричала отчаянно девочка, вырываясь из рук матери и бросаясь на шею к отцу, — почему ты от нас уходишь, как же мы с мамочкой будем без тебя жить? — и она старалась своими маленькими ручонками оттащить отца в сторону.

— Прочь, щенок! — крикнул солдат, отрывая ребенка от отца и швыряя его на землю. И пока несчастная мать поднимала бедную девочку, которая казалась мертвой, автомобиль поглотил арестованных, дверцы захлопнулись, и он покатил дальше, за новыми жертвами.»

— Ну, Мишенька, если ты будешь плакать, то я перестану рассказывать, — сказала Елизавета Васильевна, заметив, что мальчик всхлипывает.

— Не буду, бабушка, не буду, — вытирая глазки прошептал Миша. — Рассказывай дальше, что еще увидала звездочка, но мне так жалко бедную девочку, у которой страшные люди взяли папочку, ведь он был, наверное, хороший.

— Конечно, хороший, но ведь эти ужасные люди уничтожают только хороших людей.

«Опечаленная звездочка подумала: неужели же я не увижу ни одного веселого лица, не услышу ни одной колядки? Куда же делись мои нарядные дети-куколки? — и, всматриваясь в темноту, она заметила под мостом детские фигурки, сбившиеся в кучу. — Что они там делают? — ужаснулась звездочка. Бедные дети, прижавшись друг к дружке, чтобы как-нибудь согреть продрогшие тельца, с жадностью обгладывали какие-то кости, а также грызли сырую свеклу и картошку. Некоторые жалобно стонали и, повидимому в жару, бредили. Это были беспризорные дети, родители которых были или расстреляны или сосланы в концлагеря, и об этих детях никто не заботился.

— Растоптанные цветы жизни, — с горечью подумала звездочка.

— А теперь посмотри, как живут родители этих несчастных детей, — услыхала звездочка откуда-то голос. Перед ее взором расстилались огромные леса, занесенные снегом. По узкой тропинке еле двигались нестройными рядами мужчины и женщины, возвращающиеся с тяжелой лесной работы. Казалось, что это движутся скелеты, покрытые саванами. Зачастую, не доходя до барака, они падали в снег, но их жестокие погонщики не обращали на это никакого внимания и не подымали их. Вот упала женщина и больше не встала.

— Прощай, Марусенька, теперь мне хорошо, — прошептала она посиневшими губами и умолкла навсегда.»

— Бабушка, да неужели же никто не хочет накормить и одеть этих бедных деток, у которых отняли и папу, и маму? — прерывающимся от волнения голосом сказал Миша.

— Нельзя, Мишенька, они никого в свою страну не пускают, — печально ответила Елизавета Васильевна.

«Везде слезы, стоны, нечеловеческие страдания, везде льется невинная кровь... Кто ж является виновником того, что эта, когда-то богатая и цветущая страна обратилась в пустыню? — спрашивала себя звездочка.

Вдруг ее взор упал на небольшой квадратный двор, обнесенный высокой стеной, и то, что она там увидала, окончательно сразило ее. Лицом к стене были поставлены полуголые люди, а за ними на некотором расстоянии — взвод солдат с поднятыми ружьями. — Пли! — раздалась команда, и в ту же секунду заработал сильный мотор, который своим шумом заглушил раздавшийся дружный залп. Звездочка увидала только, что люди, как подкошенные, упали на землю.

— Нет, это — не Святая Русь, а царство дьявола, — в сильнейшем волнении воскликнула звездочка, — разве я могу здесь возвещать о рождении Спасителя мира, когда людям под угрозой смерти запрещено даже имя Его произносить? — И, заметив плывущее мимо нее облачко, она обратилась к нему с мольбой:

— Закрой меня, милое облачко, я не буду сиять над этой страной до тех пор, пока Господь не смилуется над несчастным русским народом и не пошлет ему избавления от врага.

И облачко исполнило ее просьбу: оно сгустилось, звездочка начала постепенно бледнеть и, наконец, стала невидимой человеческому глазу. Все снова погрузилось в мрак...

— Бабушка, а бабушка, — жалобно заговорила девочка в изорванном платьице и с голыми ножками, кутаясь в большой платок. — Ты мне рассказывала, что когда мама была маленькая, то она садилась у окошка и ждала, когда появится первая звездочка, и тогда ты ей давала пирожок и рыбки, а я вот сколько времени сижу, а звездочки нет, значит, ты мне и пирожка не дашь, — и девочка горько заплакала.

— Бедное мое дитя, где же я возьму тебе пирожка, когда нас выгнали из дома злые люди, а твоих родителей угнали, неизвестно куда, за то только, что они работали честно, их назвали кулаками и врагами русского народа. — С этими словами она выглянула в окошко и с удивлением заметила: — да, действительно, звездочки нет, и она

от нас отступилась потому, что нам запрещено молиться Богу. — Затем, обняв девочку, она ласково сказала:

— Не горюй, ты еще увидишь лучшие дни. Загудят колокола по всей русской земле, и повалит народ в храмы Божьи благодарить Спасителя мира за свое избавление от рук сатаны. И загорится в ту ночь снова звездочка на небе и будет радоваться нашему счастью. А я вряд ли доживу до этих светлых дней...

Старушка поникла седой головой и две крупные слезы выкатились из ее выцветших глаз. Затем она встала, завернула девочку в разное тряпье, уложила ее рядом с собой на соломенный тюфяк и стала согревать ее своим дыханием, пока та не заснула спокойным сном...»

Елизавета Васильевна замолчала и взглянула на мальчика. Потрясенный нарисованной бабушкой картиной, Миша, волнуясь, спросил:

— Разве нельзя сделать большую армию из всех солдат мира, пойти в Россию и уничтожить разбойников?

Никитина грустно улыбнулась. Что могла она ответить на столь наивный вопрос? Мог ли ребенок чистым сердцем постигнуть всю глубину морального падения Западного мира, который равнодушно смотрит на гибель страны, только потому, что ему страшна национальная Россия.

— Ты не можешь еще понять этого, Мишенька, — ответила она и громко крикнула: — Можно ли нам уже входить, наша сказочка окончена.

— Можно, можно, — послышались голоса из-за запертой двери, и, наконец, она широко распахнулась.

Ослепленный ярким светом горящих свечей, Миша заморгал глазами, а затем, в восторге, захлопал в ладоши. Дедушка, взяв его за руку, подвел к окну.

— Видишь эту звездочку, Миша? Она загорелась первая на небе, и это служит нам знаком, что мы можем праздновать Рождество Христово.

— Да, я знаю, она засияла, потому что услыхала звон колоколов. Она рада, что здесь нет разбойников, и она видит, как люди идут в церкви, как детки радуются при виде елок; ее здесь никто не огорчает, вот она и горит ярко. А в России — полный мрак, — и Миша с увлечением стал передавать дедушке то, о чем рассказывала ему Никитина.

— Ну, мне пора на всенощную, если опоздаю, достанется мне от Малышевского. А вы приходите с Мишей позже, — и Елизавета Васильевна поспешно выбежала на улицу.

Екатерина Петровна и Роза остались дома. К тому времени, когда Никитины вернулись от всенощной, стол был уставлен традиционными блюдами и Андрюша, в нетерпении, торопил занимать места. Спели стройно тропарь и не успели еще разлить постный борщ по тарелкам, как послышался стук в дверь.

— Дед-мороз, — шепнул Андрюша, — только ты смотри, не робей, Миша, отвечай храбро, — и с этими словами бросился открывать дверь.

На пороге стоял дед-мороз и, оглянув сидящих за столом, спросил:

— Это здесь живет русский мальчик, о котором я прочел на записке, проходя мимо вашего дома?

— Здесь, здесь, пожалуйте, дедушка, — ответили все в один голос.

— Здравствуй, детка, — сказал ласково дед, когда Миша храбро подошел к нему.

— Как же тебя зовут?

— Миша, — ответил тот тихо.

— Прекрасное имя, и я думаю, что ты умеешь молиться Боженьке, — продолжал дед.

Не отвечая на вопрос, Миша без запинки прочел Отче Наш, а затем, расхрабрившись, свое любимое стихотворение: «Вечер был...»

— О, да ты — ученый, как я погляжу, и заслужил награду, — дед опустил мешок на пол и стал извлекать из него игрушки: сперва косолапого Мишку, затем зайчика-попрыгунчика, потом лисичку-сестричку и, наконец, большой автомобиль, при громких возгласах радости Миши.

— Спасибо, дедушка, какой ты добрый! — говорил растроганный мальчик, и когда тот, подняв мешок, направился к выходу, Миша побежал за ним. — Скажи мне, дедушка, можешь ли ты пойти в Россию к деткам, у которых нет ни папы, ни мамы и которым нечего есть? Очень прошу тебя, пойди к ним!

— У тебя доброе сердце, Миша, и я рад бы исполнить твою просьбу, но нас туда не пускают.

— Правду, значит, сказала звездочка — она ни одного деда-мороза там не видела, — сказал опечаленный Миша.

Инженер Петрусенко, сбросив свой костюм у соседки, вошел уже как гость, которого тепло приветствовали Никитины. Миша сел рядом с гостем и начал ему с оживлением рассказывать о деде-морозе и как он сперва его испугался.

Ужин прошел очень оживленно, а когда Екатерина Петровна подошла, чтобы попрощаться с милыми хозяевами, Миша застенчиво протянул ей свой пакет.

— Это тебе, тетя Катя, чтобы и дома у тебя было угощение.

Расстроенная до слез Зорина крепко поцеловала мальчика.

Растянувшись в постельке, Миша, блаженно улыбаясь, но уже полусонный, шепнул на ухо отцу:

— Папочка, спасибо, что ты исполнил свое обещание и устроил все, как было у тебя и у Андрюши. Чудный дед-мороз... Но что меня больше всего радует, это то, что звездочка сияла на небе... Он умолк. Отец, наклонившись, убедился, что мальчик спит, и тихо отошел от кровати.

VII

Промчалась зима, в течение которой жизнь Никитиных вошла в свою колею и протекала теперь тихо и мирно, без всяких потрясений. Хоровые спевки были посвящены подготовке к празднику Воскресения Христова, который уже был не за горами. Мишенька с нетерпением ожидал, когда будет помогать бабушке красить яйца, чистить орехи и резать цукаты для сырной пасхи.

— Наконец-то я увижу настоящую Пасху, не то, что у белой бабы было — праздник, не праздник — и он, говоря это, так презрительно складывал губки, что все разражались хохотом. Но больше всего его интересовала заутреня, на которую он собирался итти с бабушкой.

— Андрюша, — кричал он, — в этом году у тебя будет помощник, чтобы итти святить куличи, а моего сонливого папочку мы оставим дома, помнишь, как это было, когда он был еще мальчиком? Когда мы вернемся из церкви, он уже будет сидеть за столом и ожидать нас. — При этом воспоминании он весело хохотал. — И как только можно спать в такую чудную ночь? — продолжал он удивляться, — ведь это бывает только раз в году, можно же потерпеть и не спать! — говорил он с важностью.

В середине поста Никитины переселились на новую квартиру. Она состояла из двух небольших комнат и кухни, так как после праздников Николай и Анна должны были уезжать в провинцию, куда Николай получил назначение от министерства земледелия. Решено было, что пока родители не устроятся на новом месте, Миша будет жить с дедушкой и бабушкой.

Двери квартир выходили в небольшой круглый двор, на котором протягивались веревки для сушки белья. Здесь же находилась общая прачешная, которой пользовались все жильцы. Елизавета Васильевна была очень довольна, что квартира находилась в нижнем этаже и Мише не надо было бегать по лестнице. Она имела еще и то преимущество, что находилась вблизи кладбища, и Сергей Константинович мог ходить на службу, не пользуясь трамваем.

Кроме квартиры, занимаемой Никитиными, были еще две. В соседней жила простая женщина-работница с двумя детьми. Младший, которого все называли «Сава — бела глава» из-за его белых, как лен, волос, был любимцем Никитиной, которая его всегда защищала от жестокой матери, колотившей его с утра до вечера.

Квартиру напротив занимала вдова с сыном. Это была женщина средних лет, в высшей степени интеллигентная, кроткая, отзывчивая к человеческому горю и глубоко религиозная. Госпожа Наталья особенно любила детей и обращалась с ними, как с нежными цветками, которые она старалась защитить от прикосновения суровой жизненной действительности.

Вскоре после переезда Никитиных, Миша, с порога кухни, увидел госпожу Наталью. Стоя у своих дверей, она разбрасывала курам, которые сбегались к ней со всех сторон, кукурузные зерна. Увидев мальчика, наблюдающего за ней, она кротко ему улыбнулась и Миша, под влиянием душевного влечения, бросился стремительно к ней и повис у нее на шее. Не выразив удивления и не сказав ни слова, госпожа Наталья обняла его за плечи и ввела его в свою комнату. С этого момента возникла трогательная дружба между этими двумя существами, которая продолжалась до тех пор, пока их души не отлетели в лучший мир.

Миша по несколько раз в день забегал навестить тетю Нату и та его всегда встречала с распростертыми объятиями. Если она пекла «колачи», то, наполнив ими глубокую тарелку, она спешила к своему маленькому другу и, вручая ее мальчику, говорила:

— Кушай, Мишенька, на здоровье, тебе нужно питаться, ты такой

худенький, — и она с беспокойством окидывала взглядом его хрупкую фигурку.

Но вот, не прошло и двух недель со дня переезда, как грянул гром из ясного неба. Утром, как всегда, Сергей Константинович ушел на службу, Андрюша — в университет, а Елизавета Васильевна с Анной занимались домашней работой в кухне; тут же у стола сидел Николай и делал какие-то записи по своей специальности. Вдруг из комнаты, где Миша спокойно играл своими игрушками, раздался болезненный стон, который тотчас же повторился еще сильнее. Все бросились туда. Миша лежал на диване и громко стонал, прижимая рукой правую сторону живота. Николай все понял: это был острый припадок апендицита, о чем его предупреждал доктор. Нельзя было терять ни минуты. Николай, не говоря ни слова, бросился из квартиры, чтобы найти такси, и не успели еще Елизавета Васильевна и Анна сообразить, в чем дело, как Николай уже вернулся, укутал Мишу в одеяло и вынес его из комнаты. Уже с порога он бросил перепуганным женщинам:

— Я останусь в больнице, пока не будет сделана операция, — и с этими словами он исчез за дверью. Только тогда Елизавета Васильевна и Анна поняли, в чем дело, и с ужасом переглянулись.

Все это произошло так быстро, что соседи даже не заметили суеты в квартире Никитиных, и только госпожа Наталья, как бы предчувствуя, что произошло что-то неладное, появилась на пороге в ту минуту, когда Николай исчез, а во дворе стояли онемевшая от горя Елизавета Васильевна и Анна.

— Что случилось у вас? — воскликнула она при виде заплаканных соседок.

— О, госпожа! У Миши острый припадок апендицита, и Николай повез его в больницу, — прерывающимся от слез голосом ответила Анна.

Наталья перекрестилась. — Не отчаивайтесь, — кротко заметила она. — Бог поможет оправиться мальчику, это операция совсем не сложная, и он навсегда избавится от опасности.

Не сказав больше ни слова, она повернулась и ушла к себе. Там она зажгла лампаду перед иконой Божьей Матери и, опустившись на колени, погрузилась в молитву...

Минуты казались вечностью. Елизавета Васильевна и Анна сидели в кухне, каждая погруженная в печальные думы, прислушиваясь к малейшему движению во дворе. Ничего не подозревавший Сергей Константинович бодро шагал, напевая песенку, уверенный, что при его приближении к дверям кухни Миша вылетит навстречу и повиснет на шее своего любимого дедушки. Велико же было его удивление, когда его встретила мертвая тишина.

— Повидимому, ушли все в город, — решил Сергей Константинович, приоткрывая тихо дверь, и в ту же минуту к нему бросились взволнованные жена и невестка. Перебивая друг друга, они сбивчиво поведали ему о случившемся. Неприятно пораженный, но стараясь не выдать своего волнения, он спокойно ответил:

— Это, конечно, грустно, но нет никакого основания, чтобы приходить в отчаяние. Дети переносят эту операцию очень легко и навсегда освобождаются от опасности — это может быть только к лучшему. Вот если бы здесь был Миша, то он вам сказал бы подходящую пословицу, вроде этой: не было бы счастья, да несчастье помогло.

При воспоминании о Мишиных пословицах обе женщины невольно улыбнулись.

— А вы, конечно, еще не обедали? — спросил Сергей Константинович.

— Какая там еда! — в один голос ответили обе женщины.

— Очень нехорошо, давайте будем обедать, — и Сергей Константинович энергично отодвинул стул и сел у стола, на котором Анна стала спешно расставлять тарелки.

Через несколько часов Николай вернулся и, уже с порога, крикнул веселым голосом:

— Не волнуйтесь, все в порядке!

— Что значит — в порядке? — вырвался вопрос у сидящих у стола.

— Это значит, что операция прошла вполне благополучно и меня даже пустили на несколько минут к Мише, — ответил спокойно Николай, улыбаясь при виде взволнованных лиц.

— Да неужели же все кончено? — не веря своим ушам, воскликнули Елизавета Васильевна и Анна.

— Да, это произошло так быстро, что я не успел опомниться, как уже стоял перед кроваткой, на которой лежал Миша. Он еще был под действием хлороформа, и его начало мутить, но это, конечно, скоро пройдет, — продолжал рассказывать Николай.

Все вздохнули с облегчением, и после обеда известили госпожу Наталью о прошедшей с успехом операции.

Через семь дней швы были сняты, и Миша был отпущен домой. Николай внес сияющего мальчика и опустил на кровать. Его раздели, и теперь, обхватив свою любимую подушечку руками, он выглядывал из-под одеяла, перебегая глазами с одного лица на другое, как бы не веря, что он опять в родной обстановке.

— Бабушка, почему мне так хорошо в моей постельке, мне совершенно не хочется бегать, вот так и лежал бы все время и смотрел на всех. А в больнице было так скучно, — и он, обняв шею Елизаветы Васильевны, шепнул ей на ухо: особенно без тебя, бабушка.

— Не думай больше о больнице, ты совершенно здоров, а бегать не хочется только потому, что ты еще слабенький, — целуя мальчика ответила Елизавета Васильевна.

— Как хорошо, что это произошло до Пасхи, — ведь я не слыхал бы, как вы будете петь «Христос Воскресе», это было бы ужасно, — и на лице мальчика отразилось огорчение.

Дверь кухни открылась, и госпожа Наталья вошла с тарелкой в руке, на которой лежали теплые аппетитные блинчики, которые сербы называют «палачинки».

— Это, Мишенька, я испекла специально для тебя, — кушай и запивай молоком, тебе надо поправляться.

При звуке ее шагов Миша приподнялся, глазки его заблестели и он весь потянулся к ней с приветливой улыбкой.

— Спасибо, госпожа Наталья, может быть ваши палачинки покажутся Мише вкуснее наших, а то просто беда — вернулся домой, а кушать отказывается, — обратилась Анна к вошедшей с жалобой.

— Ничего, ничего, аппетит вернется постепенно. — Она села на край кровати и обратилась к мальчику. — Ты обещал мне, Мишенька, хорошо кушать, ведь неприятно быть слабым, какой же из тебя получится солдат — помнишь, ты мне как-то рассказывал, что какой-то

русский дядя обещал взять тебя с собой на войну с большевиками?

— Это дядя Петя, — засмеялся тихо Миша, и вдруг выражение его лица стало не по-детски сосредоточенным, и он глубоко задумался.

Эта перемена в настроении мальчика не ускользнула от проницательного взгляда госпожи Натальи, и, чтобы его развеселить, она продолжала:

—Знаешь, когда ты уехал в больницу, мне время казалось таким длинным, что я заглядывала в каждый уголок и кричала: «Ну, довольно прятаться, Миша, я не могу тебя найти, выходи из твоего убежища!»

Снова еле заметная улыбка заиграла на бледном личике мальчика.

— Тетя Ната, тебе стало грустно, когда я уехал на неделю, а что, если я уеду навсегда? — спросил он вдруг и пристально посмотрел на свою собеседницу.

— То-есть, как это навсегда? — растерянно переспросила госпожа Наталья, так больно поразил ее этот неожиданный вопрос и странное выражение глаз мальчика.

— Так... навсегда. — не поясняя своей мысли повторил Миша.

— Ах, понимаю, — неестественно громко рассмеялась вдова. — Ты имеешь в виду отъезд в Россию, когда там восстановится порядок. Но я надеюсь, что ты и меня пригласишь с собой, я с удовольствием поеду посмотреть твою прекрасную родину. Ты ведь об этом путешествии мечтаешь, неправда ли?

— Раньше мечтал, а теперь нет...

В этот момент у Анны, с напряжением вслушивавшейся в этот разговор, выскользнул из рук стакан и с жалобным звоном покатился по каменным плиткам кухонного пола, разбившись на мелкие куски... Быстро нагнувшись, она стала собирать осколки, и крупные слезы полились из ее глаз.

Госпожа Наталья ничего не ответила, только глубокие складки залегли вокруг ее губ. Она встала, перекрестила мальчика и спокойно заметила:

— Как только тебе разрешат подняться на ножки, приходи ко мне, я приготовила для тебя новые книжки для раскрашивания.

Анна вышла проводить ее.

— Госпожа Наталья, мне не нравится вид Миши, несмотря на то, что он, как будто, здоров, и давит камень сердце мое и не дает покоя. А вы какого мнения о нем? — и Анна вопросительно взглянула на вдову.

— Возьмите себя в руки и не допускайте в сердце своем сомнения в милосердии Божьем. — С этими словами она исчезла за своей дверью.

Наступила страстная неделя. Миша уже поднялся с кровати, входил во дворик, подышать свежим воздухом, и навещал каждый день свою любимую тетю Нату. Роза, Екатерина Петровна и хористы, — все выражали трогательное участие к выздоравливающему мальчику и старались доставить ему удовольствие. Всех их встречал Миша приветливо, но, тем не менее, всем бросался в глаза его грустный вид и даже апатичность.

В среду Елизавета Васильевна была разбужена громким болезненным криком Миши. Натянув впопыхах капотик, она бросилась в комнату, откуда раздался Мишин голос, и нашла перепуганных Ни-

колая и Анну, которые метались по комнате, не зная, чем помочь ребенку.

— Что случилось? — вырвалось восклицание у Елизаветы Васильевны.

— Не знаем, жалуется опять на страшные боли в животе.

— Но разве могут повторяться боли, когда причина их устранена? — с недоумением спросил Сергей Константинович, вошедший вслед за женой в комнату.

— Значит, это что-нибудь другое, а, следовательно, если боли не прекратятся, надо снова ехать в больницу, — шепотом ответил Николай. Несмотря на то, что эти слова были сказаны тихо, они долетели до ушей мальчика.

— Не хочу в больницу, — протестовал он, — они мне не помогут, я это знаю, — и глаза его с мольбой обратились к бабушке. Та стояла, как в оцепенении, и не находила слов утешения.

— Подождем немного, может быть боли прекратятся сами по себе, — робко предложила Анна. Увы, время шло, а страдания мальчика только усиливались. Сергей Константинович решительно подошел к Николаю и шепнул: «Нет смысла медлить, зови такси.» Николай молча вышел из комнаты.

— Одевай его, Анна, — шепнул Сергей Константинович, и та, как автомат, подошла к постели в то время, как Елизавета Васильевна шептала ему на ушко:

— Ты не бойся, Миша, теперь ведь никакой операции не будет. Положат компресс на животик и все пройдет.

Отчаяние Миши было безгранично. Он громко рыдал, повторяя: «Не хочу в больницу!»

Николай поднял его на руки и быстро пересек двор. Из окна квартиры госпожи Натальи смотрели ему вслед два скорбных глаза, из которых медленно по щекам текли слезы, а дрожащая рука быстро крестила уходящих.

Как бы предчувствуя беду, прибежала впопыхах Роза и, услыхав о новой болезни Миши, горестно всплеснула руками: «Иезус Мария, до сих пор ребенок был всегда здоров, что же это теперь за напасть?»

— Ну, что? — так и бросились все к Николаю. Тот пожал плечами.

— Эти боли не имеют никакого отношения к операции апендицита. Доктор нашел воспалительное состояние лимфатических железок на животе. Прямой опасности нет. Доктор выразил уверенность, что это все пройдет через несколько дней. Ему положили грелки и дают какое-то лекарство. Но что эти железки у него не в порядке, это, конечно, грустно, — закончил задумчиво Николай.

И, действительно, мальчику стало легче: острые боли прекратились, но выпустили его из больницы на Пасхальной неделе. Таким образом, горячая мечта мальчика попасть на заутреню не осуществилась... И, глядя на красные яички, он горестно повторял:

— Я их не красил, бабушке не помогал и не слышал, как она пела «Христос Воскресе!»

— Ничего Мишенька, — утешала его Елизавета Васильевна, — будешь здоров, так на будущий год будешь сеять со мной пшеницу на тарелках для красных яичек. — И Миша, слушая бабушку, успокаивался.

Решено было, что Миша уедет в деревню с родителями, чтобы он мог окрепнуть на свежем воздухе. Да и Елизавете Васильевне необходим был отдых после таких переживаний. В конце Пасхальной недели молодые Никитины уехали в деревню.

VIII

После весенней суеты и волнений в связи с Мишиными заболеваниями, в квартире Никитиных наступила полная тишина и покой, точь в точь, как в прежнее время. Теперь Елизавета Васильевна просыпалась в веселом настроении, и, пока Сергей Константинович и Андрюша завтракали, она делилась с ними своими планами, которые она собиралась привести в исполнение в течение дня, будучи заранее уверена, что никто и ничто не помешает ей в этом. Она навещала своих подруг и делилась с ними своей радостью.

— Веришь ли, — говорила она Аничке Колосовской, — я как будто вторично на свет родилась, такая тяжесть с плеч свалилась. Мишенька совсем поправился и отдыхает на воздухе, а я здесь чувствую себя свободной, как птица.

По воскресеньям, по установившейся издавна традиции, Елизавета Васильевна возвращалась после литургии с Макаренко, которого ждало его любимое блюдо — малороссийский борщ с «коленцем», как называли сербы среднюю часть свиной ноги. Пропустив несколько рюмок водки и от удовольствия щелкнув громко языком, он начинал болтать.

Сперва разговор вращался в области церковного пения. Критиковали свое исполнение, но, конечно, больше всего доставалось регенту. По мнению Макаренко, Малышевский к нему был несправедлив, и что если он не взял чисто диэза или бемоля, то в этом были виноваты тенора, которые его сбили. Все это он говорил с таким апломбом, что Никитины хохотали от души. Под конец обеда он переходил к своей излюбленной теме о военных воспоминаниях и мог говорить без перерыва несколько часов подряд.

Николай был тепло принят своим начальством и, как говорится, сразу пришелся ко двору. О крестьянах и говорить нечего: они почувствовали к нему доверие, относились с уважением, и его советы в области улучшения обработки полей охотно ими принимались. Приходилось выезжать на места и там давать соответствующие указания, когда же выездов не было, он работал в канцелярии. Квартирка у него была очень уютная, и рядом тянулся большой огород с разнообразными овощами.

— На всю зиму запасов хватит и вам привезу, — писал он Елизавете Васильевне, на что та, шутя, ответила: «Ко всем овощам я совершенно равнодушна, а вот не забудьте посушить мне укропу, вы знаете ведь, что без укропа я ничего не умею приготовить.»

Николай и Анна очень смеялись этой приписке — они прекрасно знали исключительную любовь Елизаветы Васильевны к укропу.

Сведения о Мише были самые благоприятные: он загорел, потол-

стел, и аппетит его улучшился. Эти письма доставляли Никитиным большую радость.

Незаметно подкралась золотая осень — любимое время года Елизаветы Васильевны. Стояли теплые, ясные и безветренные дни. Деревья уже оделись в свои пышные одежды, столь богатые разноцветными красками. Листья, сорвавшись с веток покружившись в воздухе наподобие пестрых бабочек, медленно падали на землю, устилая ее шуршащим ковром.

— Что может быть лучше осени! — мысленно восклицала Елизавета Васильевна, окидывая взором расстилавшуюся перед ней картину и подбрасывая разноцветные сухие листья, которые с шуршанием разлетались во все стороны. Елизавета Васильевна направлялась к Людочке Малышевской, чтобы пригласить ее на прогулку в Калемегдан.*)

Вот они стоят, опершись на перила, и любуются чудным видом на Дунай и Саву. Жизнь кипит ключем. По реке, по всем направлениям, плывут медленно плоты и баржи, в то время как маленькие пароходики, курсирующие между Белградом, Земуном и Панчевым, шныряют взад и вперед, сигнализируя друг другу.

На берегу суета. В чистом воздухе отчетливо раздаются возгласы грузчиков, смех, брань. Как муравьи копошатся люди, стараясь закончить работу до захода солнца.

— Приятно смотреть на это мирное строительство, неправда ли, Людочка? — обратилась Елизавета Васильевна к своей подруге.

— Да, жизнь, несомненно, величайшее благо, дарованное нам Творцом, — продолжала она задумчиво. — И, казалось бы, чего проще? Наслаждайся всеми доступными тебе радостями бытия и не посягай на право ближнего твоего пользоваться теми же благами. А что мы видим в действительности? Человек человеку является большим врагом, чем зверь. Убивать уничтожать и разрушать стало обычным явлением нашего века. Я хотела бы знать: во имя чего это делается, какая цель преследуется, и кто является вдохновителем всех этих ужасов? — И Елизавета Васильевна вопросительно взглянула на подругу.

— Ты права, Лизочка, что задумываешься над этим вопросом, он и меня мучил, пока я не нашла ответа... в Апокалипсисе. Там определенно сказано: «Низвержен был великий дракон с небес на землю, и громкий голос сказал: веселитесь небеса и обитающие на них, горе же живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного уже остается ему времени.»

— Мы видели, — продолжала она, — что диавол обрушился сейчас на Россию, как на оплот христианского мира. Церкви разрушаются, и верные ее сыны уничтожаются, всеми способами искореняется само имя Божье из сердец молодежи, но диавол этим не удовлетворится, он расставит свои сети по всему миру, и много ужасов придется пережить человечеству, пока, наконец, он окончательно не будет побежден. Церковь восторжествует, как сказано в Писании: «врата ада не одолеют ее».

---

*) Калемегдан — древняя, еще римлянами построенная, а затем Византией, турками и сербами расширенная крепость на высоком берегу, при впадении Савы в Дунай, в которой, после создания Югославии, был устроен прекрасный парк и народное гуляние.

— Как это ты, Людочка, хорошо разобралась в Апокалипсисе, а я несколько раз пыталась это сделать, но мне это было не под силу, — с удивлением сказала Елизавета Васильевна.

Молча они возвращались домой. Рассуждая о падении человеческой морали, они были далеки от мысли, что всего через несколько дней после их разговора должно совершиться величайшее злодеяние во имя низверженного дракона.

По Белграду упорно циркулировали слухи о предстоящем свидании короля Александра с президентом французской республики, которое должно было состояться в Париже. Верные друзья короля считали эту поездку не только несвоевременной, но просто опасной, и всячески старались его удержать от этого намерения. Но, по необъяснимым причинам, король отклонил приводимые ими доводы и остался непоколебим даже перед настойчивой просьбой королевы отложить поездку. — Так надо, — повторял он, и в этих словах звучал фатализм. В смысле охраны особы короля, опять-таки по его распоряжению, была проявлена полная беспечность и небрежность: полагаясь на французскую охрану, король отказался взять югославскую!

Почему-то путешествие решено было сделать морем и высадиться в Марселе. С королем поехал министр иностранных дел Евтич. Эта поездка не держалась в секрете, и каждый шаг короля был всем известен.

Крейсер «Дубровник» медленно подходил к марсельской пристани... Стоя на палубе, министр Евтич окинул с нескрываемым волнением движущееся море голов, заливщее пристань и ближайшие улицы.

— Сам чорт сломит ногу в этом водовороте, — сердито проворчал он сквозь зубы, в то-же время бросая украдкой взгляд в сторону стоящего рядом с ним короля. Но король, казалось, не разделял тревоги своего министра. Его взгляд скользил с удовлетворением по расстилавшейся перед ним панораме и в нем светилась душевная теплота: ведь перед ним был его любимый французский народ, всегда приветливый, гостеприимный, всегда порывистый и экспансивный... Он улыбался, и тем не менее в уголках его губ уже дрожала улыбка обреченного.

Это был роковой день 9 октября 1934 года, когда на набережной Марселя совершилось величайшее злодеяние: был убит югославский король Александр, приехавший как гость в дружественную страну, Францию.

Одетый в морскую форму, он спокойно покинул корабль в сопровождении своего министра и, вместе с французским министром иностранных дел Барту, сел доверчиво в автомобиль, отвечая на шумные приветствия французского народа своей, как всегда, чарующей улыбкой и не подозревая, что минуты его жизни уже сочтены. Разве можно было допустить мысль, что со стороны французского правительства будет допущена такая преступная небрежность и что движение народа, который со всех сторон надавливал на автомобиль, никем не будет регулироваться, вследствие чего машина сможет едва продвигаться, что охрана будет лишь декоративная, а не такая, какая тре-

буется, обычно, при приемах Глав государств. Прямо,как будто какая-то злая воля была замешана во всей этой небрежности!

Раздался неожиданно выстрел купленного убийцы, который пресек жизнь этого великого государственного деятеля. Будучи главой маленькой страны, он, в то же время, был единственным правителем, который не шел на поводу у большевиков и упорно уклонялся от настойчивых советов и предложений заключить с ними хотя бы торговый договор. Темным силам не удалось сделать его покорным их воле, значит, решено было его уничтожить руками покорных им рабов.

Французское правительство выразило королеве и югославскому правительству свое соболезнование и предложило. денежную компенсацию.

Преступные мировые заговорщики без всякой войны, простым трусливым, вероломным убийством, одержали блестящую победу

В историю человечества была вписана позорнейшая страница...

Вряд ли в то время кто-либо из политических деятелей мог предвидеть те роковые последствия, которые явились результатом этого убийства, а именно, что в самом недалеком будущем начнется коммунистическое наступление по всему фронту, и слабые, беззащитные государства, одно за другим, падут жертвой интернационализма.

Содержание роковой телеграммы с молниеносной быстротой облетело страну и больно отозвалось в сердце народа. Люди были буквально потрясены — убит был их обожаемый монарх, их отец, брат, сын, — ведь он был кость от кости народа и плоть от плоти его. Кто был свидетелем этих скорбных дней, тот не забудет их до гробовой доски, и, конечно, в первую очередь, русские эмигранты, потерявшие в лице короля человека, который своими заботами о них облегчал их положение и способствовал их стремлению поддерживать свою национально-религиозную культуру. И в эти тяжелые для сербского народа дни, русские сердца бились в унисон с его сердцем и слезы старшей сестры смешивались со слезами младшей.

На пограничной станции гроб с телом короля был погружен в вагон, затянутый черным сукном. Народ густыми шеренгами стоял по обе стороны железно-дорожного полотна и громко рыдал. На каждой станции, вплоть до Белграда, повторялась та же потрясающая картина, те же вопли, те же причитания, сопровождающиеся рыданиями. В самой же столице народное горе достигло своего апогея, когда тело было привезено и гроб поставлен в соборе, куда народ устремился дать последнее целование трагически погибшему королю.

Отпевание было назначено на восемь часов утра, так как тело надо было вести к месту вечного упокоения на «Опленац», который был в расстоянии нескольких часов пути от Белграда. Русский хор, который всегда пел в королевской капелле, был туда отправлен с раннего утра, в собор же был назначен патриархом Варнавой хор Малышевского. Несмотря на то, что он числился регентом Успенского собора в Земуне, патриарх требовал его всегда на торжественные церковные службы, как то: на всенощную под Рождество, на новогодний молебен в двенадцать часов ночи и на пасхальную заутреню. Эти службы были всегда обставлены торжественно и передавались по радио. И как счастлива была однажды Елизавета Васильевна, когда она получила письмо от матери из Франции, которая ей сообщила, что, не имея

вблизи русской церкви, она слушала по радио передачу из Белграда и наслаждалась пением хора, в котором, она знала, поет ее дорогая дочка.

Малышевский очень ценил и уважал патриарха Варнаву и, конечно, всегда с готовностью отзывался на его зов, и надо было видеть его волнение, когда ему сообщили о распоряжении патриарха прибыть с хором к собору к восьми часам утра, чтобы участвовать в заупокойном богослужении. Не менее были взволнованы и хористы, когда он им сказал с дрожью в голосе:

— Его Святейшество, патриарх Варнава, распорядился, чтобы мы отпевали короля Александра; эту великую честь он оказывает нам, русским беженцам. — Он замолчал, чтобы подавить волнение, и затем строгим голосом резко отчеканил: Надеюсь, что вы оправдаете оказываемое нам доверие, все должны быть у собора к семи часам утра.

Темно, сыро и холодно... Со всех сторон стекается народ к собору. Хористы, как испуганное стадо, жмутся друг к другу. Дрожь пробегает с ног до головы и зубы стучат, но сдержать ее нет возможности. Жандармский офицер держит в руке список хористов и громко вызывает по фамилиям, пропуская каждого мимо себя и окидывая испытующим взглядом. Принятые предосторожности были необходимы, так как в Белград съехались многие коронованные особы, чтобы отдать последний долг усопшему.

Вот, наконец, певчие на хорах. Какая жуткая картина! Глазами, полными слез, смотрят они на гроб, в котором покоится бездыханное тело того, кто своей энергией создал королевство Югославии. Мерцают лампадки и свечи. Весь собор затянут черным сукном. Тишина...

У изголовья стоит королева в глубоком трауре, а возле нее престолонаследник Петр. Блестящие мундиры высокопоставленных гостей резко выделяются яркими пятнами на черном фоне. Горы венков с различными надписями на траурных лентах. Фигура Геринга приковывает к себе взоры, когда он склоняется перед гробом, возлагая венок от имени германского правительства.

Но вот, наконец, из алтаря выходит в полном облачении патриарх Варнава и начинает совершать каждение вокруг гроба. Полные скорби глаза его останавливаются на спокойном лице усопшего и, как будто, спрашивают: почему ты нас оставил? Вся его фигура — воплощение горя. С трудом отрывает он взор от любимого лица и, весь сгорбившись, как под тяжелым бременем, поднимается на возвышение. Заупокойная литургия начинается.

В полной готовности стоят хористы и, как загипнотизированные, не сводят глаз с регента. Малышевский ударяет по пюпитру камертоном, который издает какой-то жалобный звук.. Рука Малышевского дрожит, лицо бледное, как полотно, и на нем только горят лихорадочно глаза. Задыхаясь, но стараясь преодолеть волнение, начинают хористы отвечать на возгласы диакона, но так тихо, что их еле слышно.

— Надо взять себя в руки, иначе мне не справиться с этой тяжелой задачей, — довольно взглянуть на эти несчастные лица, — проносится в голове Малышевского и, подавляя в своем сердце жалость к своим сотрудникам, он строго цедит сквозь зубы:

— Это что за писк? Петь полным голосом!

И полились с хор рыдающие звуки наших заупокойных песнопений, которые вызывают слезы даже у самого черствого человека.

При первом же звуке маленький Петр с удивлением поднимает глаза к хорам: он узнал русское церковное пение, которое всегда слышит во дворцовой капелле. Этот взгляд перехватила Никитина, и материнское ее сердце сжалось от боли. — Бедный ты наш сиротка, да, это нам, русским, выпала несчастная доля хоронить твоего отца, которого мы так любили. — Она с трудом отрывает взор от детского личика и заставляет себя обратиться в хористку, исполняющую свою обязанность, в то время, как сердце ее истекает кровью. .

Процессия выходит из собора . . . Хоругви . Хор с пением «Святый Боже» Бесчисленное количество духовенства с патриархом во главе. . . За гробом медленно шествует королева с престолонаследником, а за ними коронованные особы, дипломатический корпус, министры, общественные деятели и, наконец, народ, который наводнил все улицы. Процессия проходит мимо дворца. У окна стоят младшие сыновья короля: Томислав и Андрей, которые совершенно не понимают, какое несчастие обрушилось на них, и, увидав брата, машут ему ручками. Они не понимают, что в гробу лежит их отец, идеальный семьянин, горячо любивший своих трех мальчиков, символизирующих три славянских ветви: Сербию, Хорватию и Словению. Могли ли они предвидеть, что их, бедных птенчиков, скоро выбросят из гнезда и обрекут на скитальческую жизнь?

Елизавета Васильевна, подвигаясь по инерции со своими товарищами по несчастью, встретилась взглядом с Людой Малышевской. Ее красноречивый взгляд спрашивал: помнишь ли ты наш последний разговор?

— Помнит ли она? Еще бы. Теперь пелена окончательно спала с ее глаз, и перед ее духовным взором выплывает рука невидимого дирижера, который дает сигнал к началу первого акта мировой трагедии. . . Да, в те минуты величайшей скорби только русские отдавали себе ясный отчет в случившемся и предвидели, что гибель короля будет началом бедствий, обрушившихся на эту маленькую героическую страну, которая уже сейчас стояла на краю разверзшейся у ее ног пропасти. . . Однако, темным силам понадобилось целое десятилетие, чтобы окончательно овладеть страной.

Само собой разумеется, что в дни, последовавшие за погребением короля, люди, находясь еще под тяжестью горя, не отдавали себе ясного отчета в том, что смерть короля явится поворотным пунктом в истории страны. Жизнь приняла свой обычный повседневный вид, и только траурные флаги, развевающиеся на общественных зданиях, напоминали о свежей ране на сердце народа. . .

Но враг человеческий не дремал: он задался целью подточить и второй столп, поддерживающий государство и православную церковь. Таким столпом являлся патриарх Варнава, верный помощник короля, защитник народа и блюститель чистоты православной веры. Это был человек железной воли, не признающий никаких компромиссов, если он был убежден в правоте своего дела. Такую твердость он проявил по отношению к Папскому престолу, когда ему было предложено подписать конкордат, явно противоречащий интересам православной церкви. По отношению к Москве он также занял непримиримую позицию и в своих вдохновенных проповедях беспощадно громил совет-

ское правительство, погубившее величайшую славянскую страну, «майку Руссию» и лучших сынов ее и обратившее народ в безгласных рабов. Он, не страшась гнева московских властителей, называл их слугами сатаны, которые ведут борьбу с церковью, воспитывая детей безбожниками. Обращаясь к своей любимой пастве, он предупреждал о грозящей опасности со стороны надвигавшейся мировой язвы, заклинал всех оставаться непоколебимо верными сынами православной церкви и не поддаваться пропаганде и лживым обещаниям со стороны врага. Эти проповеди передавались по радио из Собора в ночь под новый год и, конечно, доходили до ушей тех, к которым эти бесстрашные слова относились, и. принимались к сведению. Такого человека надо было убрать с пути, что и было сделано.

Патриарх Варнава заболел какой-то таинственной болезнью, о которой в народе ходили самые разноречивые слухи, так как светила медицинской науки не давали ей официального названия. Повидимому, больного нельзя было спасти, несмотря на все усилия медицинских светил. Патриарх скончался в страшных мучениях. .

Когда проходила похоронная процессия, всем бросался в глаза венок, который священники несли перед катафалком. Он был из белых роз, в форме буквы О, и народ сумел расшифровать значение этой буквы. . .

Ведь в народе все знали, что патриарх, как и король Александр, был устранен темными силами мирового заговора, что он был отравлен, но говорить об этом открыто нельзя было. И вот, венок в форме буквы «О» означал, что патриарха Варнаву именно отравили. .

Сербский народ осиротел вторично и остался беззащитным, не подозревая того, что темные силы куют уже для него цепи рабства за пределами их любимой родины.

IX

После пережитых волнений, Елизавета Васильевна чувствовала себя совершенно разбитой. Одна неотвязная мысль не давала ей покоя: изменится ли положение русских беженцев после смерти короля и что будет с ними, если над страной протянется красная рука Москвы. — Неужели же придется уходить и искать нового убежища? — думала она с тоской. Но, помимо этого, были и волнения личного характера. Письма Николая, в которых он делал какие-то намеки на появившиеся неблагоприятные симптомы в здоровьи Миши, сильно тревожили Никитиных. Еще спустя некоторое время пришло определенное извещение о их приезде в Белград, чтобы посоветоваться относительно Миши.

— Что бы это могло быть? — ломала себе голову Елизавета Васильевна, и с этим же вопросом она обратилась к сидящей с ней рядом Екатерине Петровне. Та задумчиво мешала ложечкой сахар в чашке и, наконец, заговорила с неприсущим ей раздражением:

— Удивляться нечему, может ли быть ребенок крепкого сложения, когда отец женился, будучи сам неокрепшим ребенком! В этом вся и беда.

Елизавета Васильевна взглянула на нее с удивлением: она не предполагала, чтобы это тихое, забитое существо могло иметь свое опре-

деленное мнение относительно того, что и ей часто приходило в голову, но эти мысли она всегда старалась отогнать.

— Может быть вы и правы, Екатерина Петровна, но тогда это очень грустно, так как мы бессильны помочь ребенку. Чем же ребенок-то виноват, и неужели же он обречен на вечные страдания? — волнуясь спрашивала Елизавета Васильевна.

— Душа болит, когда я на вас погляжу, все-то вы близко принимаете к сердцу, страдаете за ребенка, о котором столько лет и понятия не имели. А что думали родители его, когда поженились тайно от вас? Уверяю вас, что меньше всего думали о том, какой родится ребенок. — Заметив огорчение на лице своей собеседницы, она добавила: — Нечего заранее волноваться, возможно, что это — сущий пустяк, а потому будем ждать их приезда.

Но Елизавету Васильевну не так-то легко было успокоить, и она надоедала своей тревогой и мужу, и Малышевской, и даже Макаренко, который беспомощно разводил руками, не находя нужных слов, чтобы успокоить встревоженную Никитину.

— Прощайте счастливые, беззаботные дни, как скоро они пролетели! Чувствую, что нас ждут снова заботы и волнения, — жаловалась Елизавета Васильевна Аничке Колосовской, рассказывая ей о письме Николая. — Помнишь, как я любила бегать по гадалкам, а теперь совсем не тянет, так и кажется, что она скажет что-нибудь страшное.

— Чему ты, конечно, сразу и поверишь. Эх, ты, можно ли быть такой легковерной, — с укоризной заметила Аничка.

Молодые Никитины явились неожиданно, не предупредив о часе своего приезда. Мишенька так и бросился на шею бабушке, дедушке и Андрюше. После бурных поцелуев и перекрестных вопросов и ответов, все, наконец успокоившись, расселись вокруг обеденного стола. Елизавета Васильевна, держа Мишу на коленях, который крепко прижался щечкой к лицу бабушки, собравшись с духом, наконец спросила о том, что не давало ей покоя.

— Ну, расскажи мне теперь, Мишенька, как ты себя чувствуешь, нагулялся ли вдоволь на свежем воздухе и хорошо ли кушаешь?

При первом же вопросе бабушки Миша бросил испуганный взгляд на отца и прошептал:

— Тебе папа скажет.

— Ничего нет страшного, — отозвался Николай. — Мишенька тебе покажет, что случилось, и что совершенно легко исправить. — Он расстегнул пояс штанишек мальчика, и каково было удивление присутствующих, когда они увидели на месте шва выпячивание кишки — повидимому, шов разошелся. Почему он разошелся, для всех являлось загадкой, но факт был налицо и надо было принимать меры.

С тоской в глазах перебегал Миша взглядом с одного лица на другое, ожидая приговора. Первый заговорил Сергей Константинович.

— Я переговорю по телефону с Панчевским госпиталем и попрошу доктора Левитского уведомить меня, когда у него откроется свободная койка, оплачиваемая Державной Комиссией. Это, несомненно, — последствие небрежно сделанной операции в городской больнице.

Глаза Миши наполнились слезами. — Значит, опять больница, — простонал он и зарыдал, зарывшись в подушку. Никто не находил слов утешения, до того все были потрясены горем ребенка.

— Мишенька, — заговорил наконец Сергей Константинович. — Больница, о которой я говорю, ничего общего не имеет с той, в которой ты был. Там очень добрый доктор, а что касается сестер, то они все такие милые, что ты будешь чувствовать себя там, как дома. Кроме того, путешествие очень интересное — на большом пароходе, — продолжал рассказывать с увлечением Никитин, и Миша, слушая дедушку, постепенно успокоился. Бедный мальчик примирился, повидимому, со своей печальной участью, и каждый день спрашивал, скоро ли он поедет на пароходе.

Бегать ему не разрешалось, и он, сидя на низеньком стульчике во дворе, внимательно следил за игрой детей и веселыми возгласами поощрял их, но желания присоединиться к ним не выражал, и, понаблюдав некоторое время, шел к своей любимой тете Нате. По утрам он прилежно занимался с бабушкой. Читал по слогам и старательно выводил буквы, состоящие из палочек, причем никогда не жаловался на усталость, и, если Елизавета Васильевна предлагала полежать, он неизменно отвечал:

— Некогда, бабушка, я и так за лето много пропустил. Вот и теперь. — он запнулся и грустно продолжал: — наши занятия прекратятся, неизвестно на сколько времени, и я все снова забуду, — и он виновато улыбнулся.

— Никакой беды в этом нет, спешить нам некуда, лучше окрепнуть и тогда и в школе будет легче учиться, — с убеждением отвечала ему Елизавета Васильевна. — Кроме того, у тебя же будет помощница, как у папы и у Андрюши, помнишь?

И Миша радостно кивал головой.

— Мы всех перегоним, а учителя будут удивляться, откуда этот мальчик так все хорошо знает.

Эти слова доставляли громадное удовольствие ребенку, и он с еще большим рвением принимался выводить буквы. Однажды он попросил бабушку написать хоть одну большую букву, и, уступая его желанию, Елизавета Васильевна начертила каллиграфически букву Г.

— Какая красивая, — прошептал мальчик и тут же, схватив перо, старался ее изобразить, но верхняя часть буквы ему не удавалась, и он стал приходить в отчаяние.

Вдруг Елизавета Васильевна заметила, что он порывисто дышит, и с беспокойством спросила: — Ты устал, Миша?

— Я не знаю, что со мной, буква прыгает перед глазами, — усталым голосом ответил мальчик.

— Брось, брось, — со страхом воскликнула Елизавета Васильевна, отодвигая тетрадку. — Отдохни, — суетилась она, укладывая мальчика в постель и подкладывая под голову подушку. Мальчик был весь в испарине.

— Слабый, слабый, — в отчаянии повторяла Елизавета Васильевна, отходя на цыпочках от кровати, заметив, что ребенок погрузился в глубокий сон. Она села у стола и задумалась. Не с кем было поделиться своими горькими мыслями. Муж был на службе, а Николай и Анна, оставив мальчика на попечении родителей, уехали в провинцию.

— Нужен уход, дорогие, укрепляющие организм средства, а где их взять? Они не для нас, бедняков, об этом нечего и мечтать, — и она протянула руку к рабочей шкатулке, чтобы приняться за штопку чулок.

Через час Миша проснулся бодрый и веселый и никак не мог припомнить, как это он заснул среди бела дня, когда ему и спать не хотелось.

По той особой торопливости, с какой вошел в комнату Сергей Константинович, Елизавета Васильевна и Мишенька поняли, в чем дело, и в смятении переглянулись, но ничего не спросили его, ожидая, что он скажет.

— Ну, Мишенька, собирайся, мы поедем с тобой на большом пароходе, а бабушка останется одна и сядет у окошка, чтобы увидеть тебя, когда ты вернешься, — заговорил в шутливом тоне Сергей Константинович, как будто речь шла об увеселительной прогулке. — Одевай его, Лиза, — обратился он к жене и видя, что мальчик молчит и не проявляет интереса к предстоящему путешествию, добавил: — Ты только посмотри, Мишенька, как опечалена бабушка, что мы не берем ее с собой — ей тоже хотелось бы прокатиться.

Беспечный тон дедушки окончательно подействовал успокаивающе на мальчика, и он сам стал торопить бабушку, чтобы она скорее его одевала.

— Пойду только попрощаться с тетей Натой.

Вот он уже стоит, одетый в свое старенькое пальто, с синим беретиком на голове.

Нервы Елизаветы Васильевны не выдержали. Она бросилась к ребенку, как бы желая удержать его, и слезы хлынули из ее глаз. Что-то дрогнуло в личике мальчика, и глазки его с любовью остановились на ее лице.

— Бабушка, бабушка, какая ты стала плаксивая!

— А главное, было бы о чем, не правда ли, Миша? — укоризненно взглянув на жену, сказал Сергей Константинович.

Молча прижался Миша к бабушке и затем ручкой похлопал ее по щеке, как утешает взрослый ребенка.

— Не плачь, бабушка, мне тоже грустно, но я стараюсь быть храбрым, как дедушка, и ведь ты же знаешь, что я очень скоро вернусь к тебе, — и с этими словами он крепко поцеловал Елизавету Васильевну. Та только молча прижала его к своей груди, так как говорить она не могла.

Доверчиво подал мальчик руку дедушке и вышел с ним из комнаты. Как только за ними захлопнулась дверь, Елизавета Васильевна прильнула к стеклу окна и, не сдерживая больше слез, которые текли вдоль ее щек, смотрела, как муж, держа Мишу за ручку, быстро прошел через двор. Миша, как бы чувствуя на себе пристальный взгляд бабушки, обернулся и махнул ручкой. Это было все...

Доктор Левитский констатировал, что шов почему-то разошелся и что необходима маленькая операция. Мишу окружили добрые, сердечные сестрицы, которые ему так понравились, что страх перед предстоящей ему операцией окончательно прошел. Сестры Панчевского госпиталя были настоящие русские женщины, которые отдавали свои силы на служение ближнему, и образ их никогда не изгладится из сердец многочисленных больных, подвергшихся всевозможным операциям, которые производил гениальный хирург В. А. Левитский.

Миша сразу почувствовал, что между этими сестрами и бессердечными, холодными католическими монахинями большая разница. На

вопрос Сергея Константиновича, можно ли ему ехать домой, чтобы успокоить бабушку, Миша ответил совершенно спокойно:

— Конечно, дедушка, поезжай скорей, но непременно вернись через неделю, как сказал доктор.

Сергей Константинович каждый день справлялся по телефону о состоянии здоровья Миши, и ему сообщили, что операция сделана и мальчик на пути к выздоровлению.

На седьмой день Сергей Константинович поехал в Панчево. С радостным криком бросился Миша к нему на шею.

— Скорей к бабушке, как она обрадуется, когда увидит, что я совсем здоров, — говорил он, торопливо одеваясь. В радужном настроении возвращался мальчик домой и без умолку щебетал, рассказывая о чудном докторе и милых сестрах.

— Ты только подумай, дедушка, я лежал в большой палате, где только были дяди, а ни одного мальчика. Они меня очень жалели и любили, особенно один был такой веселый.. Как только сестра выйдет из палаты, он быстро натягивает халат и туфли и убегает. Через некоторое время возвращается и сует мне в руку конфетки и говорит: «Кушай, Миша, эти конфеты не вредные».. А он, дедушка, был такой бедный, что не мог иногда и папирос купить.

— Вот видишь, что я был прав, когда говорил, что в Панчеве тебе будет хорошо, — довольный видом мальчика ответил Никитин.

В оживленном разговоре путешественники не заметили, как пароход причалил к пристани. В кухне за столом сидели все, жаждавшие увидеть поскорее своего любимца. Рядом с Елизаветой Васильевной сидела госпожа Наталья, а напротив — Роза и Екатерина Петровна. Приятно потрескивали дрова в плитке, которые Роза то и дело подбрасывала.

— Надо хорошо протопить, сегодня погода очень неприятная, только бы Мишенька не продрог. Госпожо, вы не забыли передать перчаточки и шарфик, которые я связала? — обратилась она к Елизавете Васильевне.

— Не забыла, Роза, не забыла, — улыбалась ее тревоге Никитина, расставляя чашечки с черным ароматным кофе перед своими собеседницами.

— Я очень довольна, что вы все пришли, чтобы встретить нашего дорогого больного, он это очень ценит и сердечно радуется при виде тех, которые его любят.

Не успела Никитина закончить свою речь, как послышался сильный стук в дверь, которая тотчас же распахнулась, и на пороге появился улыбающийся Миша.

— Что же вы не спросили: кто стучится сильно так? и я не мог ответить: это я, Иван-дурак, — и с этими словами он бросился всех по очереди целовать.

Он окинул всех внимательным взглядом и вдруг строгим голосом спросил, обращаясь к Розе:

— А твой дед где? Разве он меня не хочет видеть?

— Хочет, конечно хочет, но он не успел закончить работу на кладбище, а завтра утром придет непременно.

— Всех-то он помнит, — шепнула Роза Наталье.

— Ну, соловья баснями не кормят, — вмешался в разговор Сергей

Константинович. — Давайте нам.есть, мы оба голодные, не правда ли, Миша?

— Правда, дедушка, — отозвался тот.

С этого дня силы ребенка стали восстанавливаться. Он ходил гулять с большим удовольствием, а в воскресенье в церкви внимательно слушал, как поют его любимые тети. Особенное же удовольствие испытывали Никитины при виде его жизнерадостности. Казалось, что он хочет наверстать время, проведенное в больнице, и веселится, как все здоровые дети. Он уже никого не стеснялся, охотно принимал приглашения и ходил с бабушкой в гости, где много болтал, смеялся и шутил. Если там был Борщенко, то они подымали такую возню, что все уходили в другую комнату.

Как-то, вернувшись от подруги, Елизавета Васильевна заметила:

— Я с тобой согласна, Миша, что пословицы — удивительно правильные, и мы можем смело сказать: в гостях хорошо, а дома лучше, не так ли, Миша?

Но тот отрицательно покачал головой:

— Я бы этого не сказал, эта пословица мне не нравится.

— Ай да Миша, молодец! — закричал Андрюша. — Я с тобой вполне согласен — куда веселее в гостях, чем киснуть дома.

X

Ранняя весна; небо хмуро; дует пронизывающий до костей северный ветер и гонит облака, которые, разрываясь на самое короткое время, то там, то сям, открывают уголок бледно-голубого неба. Затем все снова заволакивается еще более густыми тучами. Редкие пешеходы невольно ускоряют шаг, подняв воротник и спрятав руки в карманы; они спешат укрыться в теплую квартиру, где в маленькой печурке так приветливо краснеют угольки.

Глядя на эту печальную картину, Никитина вспомнила начало стихотворения: «Как январь ни злися, как февраль ни хмурься, все весною пахнет...»

И, действительно, как бы наперекор зиме, на лужайках из-под снега стала пробиваться травка, а на кустах сирени уже появились маленькие почки.

— Да, весна вступает в свои права, и нет той силы, которая могла бы удержать ее ликующее наступление. Под живительными лучами солнца все оживет, встрепенется, запоет. Все ли? — Никитина боялась ответить на этот вопрос, который она задавала себе неоднократно и который не давал ей покоя.

В конце зимы Миша начал заметно хиреть и терять свою жизнерадостность. Теперь он опять был апатичен и избегал играть с детьми. Единственным его развлечением были рассказы о России, которые так мастерски передавала ему бабушка. Он их слушал всегда с неослабевающим интересом, как бы желая, хотя бы мысленно, проникнуть в ту страну, которую он никогда не видел, но хотел бы узнать.

Однажды, когда погода стала мягче и солнышко нерешительно заглянуло в окно кухни, Елизавета Васильевна одела мальчика и выпустила его во двор побегать с детьми. Вернувшись в кухню, она занялась приготовлением обеда и не заметила, как пролетело время.

— Уже больше сорока минут, как Миша во дворе, — неприятно пораженная подумала Елизавета Васильевна, бросая взгляд на часы. — Надо его позвать в комнату.

Детей во дворе не было. Елизавета Васильевна вышла на улицу, и ее глазам представилась странная картина: дети, взявшись за руки, водили хоровод и распевали на всю улицу. Миша, сидя на корточках на краю тротуара, внимательно наблюдал за движением детей и кротко улыбался. Это была снисходительная улыбка взрослого, который наблюдает игру детей.

— Миша, почему ты не двигаешься, ведь земля еще холодная, и ты можешь простудиться, приседая к ней, — с упреком в голосе сказала Елизавета Васильевна.

Медленно поднялся мальчик, бросил последний взгляд на детей и, подав руку Никитиной, направился молча к дверям кухни.

— Я люблю смотреть, как они играют, — сказал он наконец.

— Это прекрасно, Мишенька, но я думаю, что тебе было бы веселее принимать участие в детских играх, — удивилась Елизавета Васильевна.

— Нет, бабушка, если я стану бегать, я очень скоро устану, — это было сказано таким грустным тоном, что вопрос замер на устах Никитиной, и она перевела разговор на другую тему.

Однажды вечером Миша был необычайно оживленным, глазки его горели лихорадочным блеском, щечки пылали, и он щебетал без умолку. Главной темой его разговора был праздник Пасхи, который он будет праздновать в этом году так, как ему хочется. Елизавета Васильевна, пристально всматриваясь в личико ребенка, молча встала и вынула из аптечки термометр.

— Давай, Мишенька, измерим температуру, — сказала она ласково. — Мне кажется, что ты горячее обыкновенного.

Он с удивлением покорился желанию бабушки и просидел спокойно пять минут.

— 37,5... — прошептала она. — Болит что-нибудь, Мишенька? — спросила Никитина, гладя мальчика по головке.

— Нет, бабушка, ничего, — раздался тихий ответ.

Утром температура была нормальная, но вечером ртутная палочка неизменно переходила роковую красную черту. В томительном ожидании прошли несколько дней. По утрам, чтобы доказать, что он здоров, Мишенька резвился по комнате и расставлял игрушки. Но от внимательного взора Елизаветы Васильевны не ускользало то обстоятельство, что Миша нет-нет да и приляжет на кроватку. Но хуже всего обстоял вопрос питания. Он буквально отказывался от всего, и только после усиленных просьб заставлял себя проглотить с отвращением несколько ложек предлагаемого блюда.

Что с ним? недоумевали Никитины, и, наконец, не будучи в состоянии выдерживать неизвестность, они решили пригласить врача, которого настойчиво им рекомендовали Малышевские.

К сожалению, врач надежд их не оправдал. Он долго и внимательно выслушивал мальчика, но диагноз поставил неопределенный, сказав только, что улавливает шум в области плевры и посоветовал поставить горчичник. Несмотря на все меры, принятые по совету врача, температура стала подыматься каждый вечер на несколько десятых больше и теперь достигала уже 39 градусов.

Мальчик не плакал, не стонал и ни на что не жаловался. Взгляд его блуждал по знакомым предметам и подолгу останавливался на бабушке, которая не находила себе места, суетилась без толку, не зная, чем помочь ребенку. Она чувствовала, что нервы ее не выдержат долго такого напряжения, ведь она ночью забывалась только на несколько минут и затем вскакивала с сильнейшим сердцебиением при малейшем шорохе. Она подбегала к кроватке мальчика, долго всматривалась в его исхудавшее личико, казавшееся совершенно восковым при слабом мерцании лампадки, горевшей перед иконой Божьей Матери, и устремляла к Ней взор, полный мольбы. Она не плакала и не шептала слов молитвы, она глазами умоляла и смотрела на Святой лик, как может смотреть только мать, чающая чуда.

Как в калейдоскопе сменялись кошмарные ночи дневными часами отдыха, когда ребенок, изнуренный ночным жаром, обессиленный, приходил в себя и тянулся невольно к маленьким детским радостям. Всякое его желание немедленно исполнялось, и Сергей Константинович или Андрюша отправлялись в город, чтобы найти в магазине просимую Мишей игрушку. Елизавета Васильевна не отходила от больного, соблазняя его разными вкусными вещами, и, если мальчик проглатывал что-нибудь, она была вне себя от радости.

Решено было вызвать Анну, так как Николая призвали на военную службу, правда, всего на несколько месяцев, ибо он получил высшее образование и был на государственной службе. По истечении этого срока он должен был быть отпущен в чине поручика запаса.

Получив телеграмму, Анна быстро собралась и, попросив соседку присматривать за ее птицей, отправилась на станцию, чтобы с первым же отходящим поездом лететь в Белград, где опять случилось несчастие с ее первенцем.

Накануне приезда Анны, когда ребенку стало особенно тяжело, и температура поднялась почти до 40, Никитин вызвал старого врача, работавшего прежде в Панчевском госпитале, а теперь занимавшегося частной практикой. Он выслушал ребенка и решительным тоном сказал:

— Не может быть двух мнений — у ребенка гнойный плеврит, ему немедленно надо делать операцию. В городской больнице имеется прекрасный хирург, который выпустит гной — другого способа при подобных заболеваниях нет.

На вопрос Никитина, не лучше ли поехать в Панчево, доктор ответил, что операцию надо делать немедленно, а поездка в Панчево связана с риском: если там не будет вакантной койки, то мальчика могут не принять.

Совершенно подавленные диагнозом врача, сидели Никитины у постели больного. Миша горько рыдал и по временам у него вырывался отчаянный вопль: опять в больницу! Я не хочу, бабушка, ехать туда.

Никогда не могла себе простить Елизавета Васильевна, что послушалась совета врача, а не отвезла мальчика сразу в Панчево.

В таком ужасном состоянии духа застала их Анна, которая, тихо войдя в кухню, по обращенному на них беглому взгляду, поняла, что случилось несчастие. Не показывая, однако, вида, что она это заметила, она подошла к кровати, обняла мальчика и веселым голосом начала рассказывать ему о происшествиях в деревне в течение зимы.

Сообщила ему о том, как дети сделали ледяную гору и спускались с нее на салазках. Уже при первых ее словах мальчик перестал всхлипывать и стал прислушиваться к ее рассказу. Заметив это, Анна с удвоенной энергией продолжала ткать фантастические рассказы о том, как дети провалились в снег, вместе с санками, и их пришлось откапывать лопатами.

— Ты ведь знаешь, какие они шалуны, и вероятно не забыл, как они влезли в наш огород, чтобы нарвать сладкого горошка, а на них напали гуси, пощипали им ноги и порвали штанишки, а за это их мама высекла розгой.

Это воспоминание заставило Мишу слабо улыбнуться. Затем, под тихий голос Анны, он забылся тревожным сном.

Тогда только, стараясь не шуметь, взрослые перешли в кухню, прикрыв за собою дверь. Сергей Константинович сообщил Анне, какой диагноз поставил врач, и та, в отчаянии всплеснув руками, как осужденная на смерть, широко открытыми глазами смотрела на говорившего, не прерывая его. Решено было вести Мишу утром в больницу, а Николая известить телеграммой, чтобы он взял отпуск, хотя бы на несколько часов, в виду критического положения сына.

Елизавета Васильевна и Анна не сомкнули глаз всю ночь, поочередно отзываясь на слабый зов ребенка, который жалобно просил пить. Сидели они на низеньких табуретках перед плиткой, изредка обмениваясь шепотом несколькими словами, а затем погружались в полудремоту.

В окно забрезжил свет Совершенно разбитые, с тяжелой головой, они стараясь не шуметь, поставили на плитку кофейник и кастрюльку с молоком и стали со страхом ждать пробуждения ребенка. Сергей Константинович, совершено готовый, вошел к ним в кухню и пытался ободрить бедных женщин, но это ему плохо удавалось. По молчаливому соглашению, везти Мишу должны были Сергей Константинович и Анна, так как для Елизаветы Васильевны это было бы нестерпимой мукой. Как только Миша открыл глазки, Анна подошла к кровати:

— Миша, угадай только, кто к нам сегодня приедет? — и она загадочно на него взглянула.

Мальчик апатично смотрел на нее.

— Папа, да еще в военной форме! Интересно, как он выглядит в ней, мы, может быть, его и не узнаем, как ты думаешь? — Анна говорила быстро, в сильном возбуждении, в то время, как она незаметно натягивала чулочки на его ножки.

— Папа, — как вздох вырвалось из уст мальчика, и все личико его озарилось каким-то внутренним светом. — Да, я хочу его видеть, но как ему будет грустно, когда он найдет меня больным.

— Ну, когда он приедет, то у тебя все будет в порядке, — вмешался в разговор Сергей Константинович, — и мы, может быть, успеем вернуться домой до его приезда.

Слова дедушки вернули мальчика к печальной действительности и он, прерывающимся от слез голосом, воскликнул:

— Как мне не хочется ехать в больницу, дедушка, ведь я знаю, что мне там не помогут выздороветь, — и слезы обильно потекли из его глаз.

— Успокойся, детка, доктор лучше нашего знает, чем тебе по-

мочь, и мы должны выполнить его предписание, — утешал мальчика, как мог, совершенно расстроенный Сергей Константинович.

Не теряя времени, Анна стала одевать мальчика, в то время, как Елизавета Васильевна стояла неподвижно у изголовья, опустив в бессилии руки и не будучи в состоянии произнести ни единого слова; спазма сдавливала ей горло.

К счастью, подошла во-время Роза. Она сразу пришла на помощь Анне, одевавшей мальчика, который вырвался из рук и громко рыдал.

Молча прижала Никитина мальчика к груди, когда Анна стояла уже на пороге с Мишей, закутанным в одеяло.

Елизавета Васильевна и Роза, оставшись вдвоем, дали волю слезам. Тем не менее, Роза, при виде отчаяния Никитиной, старалась ее утешить, как могла.

— Надо итти на телеграф, дать знать Николаю, — промолвила, утирая слезы, Елизавета Васильевна и тяжело поднялась со стула. Молча вышли женщины из квартиры и разошлись в разные стороны...

— Никитин, телеграмма! — крикнул зычным голосом дежурный офицер. Николай, перескакивая через несколько ступенек, бросился на зов.

— Миша в больнице. Пневмония. Предстоит операция. Приезжай немедленно. Мама.

Буквы прыгали перед глазами молодого человека.

— Пневмония.. это что-то очень серьезное. бедный ты мой зайчик... — прошептел Николай и бросился опрометью в канцелярию.

Задыхаясь от слез и забывая всякую дисциплину, он положил телеграмму на стол и прерывающимся голосом сказал:

— Господин полковник, прошу отпустить меня в Белград, хотя бы на самое короткое время. У меня сын при смерти, предстоит серьезная операция.

— Я понимаю ваши переживания, — сказал тот с видимым огорчением, — но, к сожалению, не могу вас немедленно отпустить, так как в настоящий момент несколько человек в отпуску и должны вернуться завтра. Тогда вы можете проехать на сутки в Белград.

Отдав машинально честь, Никитин покинул канцелярию. Все предметы вертелись у него перед глазами. В воспаленном мозгу проносились обрывки мыслей без всякой связи. Он старался высчитать, когда он может попасть в Белград, но запутался в вычислениях и, безнадежно махнув рукой, подумал в смятении: Как же ответить на телеграмму, ведь я же ничего определенного сказать не могу? Тем не менее, он быстро зашагал по направлению к телеграфу.

Взяв нерешительно в руки бланк, он после минутного раздумья написал: Приеду при первой возможности.

— Приеду при первой возможности, — прочла огорченная Елизавета Васильевна. — Как же это понимать, ведь положение ребенка настолько серьезно, что Николай может не застать его в живых, — подавая мужу бланк, сказала она.

Тот с усталым видом опустился на стул и перечел текст телеграммы.

— Нам ничего не остается, как терпеливо ждать. Николай, несомненно, не может сказать точно, с каким поездом приедет, и потому так неопределенно выразился. — Сергей Константинович поднялся и направился к выходу. — Я пойду, Лизочка, в канцелярию, там, вероятно, удивляются моему отсутствию, а вы бодритесь и старайтесь отогнать печальные мысли. Никто — как Бог. А чтобы время прошло скорее, приготовьте что-нибудь вкусное мне и Андрюше на обед, — попробовал он пошутить, берясь за ручку двери.

Елизавета Васильевна и Анна глубоко вздохнули и, стараясь взять себя в руки, принялись молча за приготовление обеда, к которому не прикоснулись, ожидая с нетерпением время, когда можно будет отправиться в больницу. Им было сказано, что можно навещать больного каждый день от двух до трех часов.

Когда они пришли туда на другой день, они были неприятно поражены, что операция еще не сделана, а ребенок еле дышал.

— Как? Еще ничего не сделано? Но ведь доктор написал, что мальчика надо немедленно оперировать, — эти слова произнесла Елизавета Васильевна, обращаясь к стоявшей рядом католической монахине-сиделке, с холодным любопытством рассматривавшей ее.

— Предписания приватных врачей нас не касаются. С того момента, когда ребенок поступает в больницу, о его лечении заботится больничный врач, — ответила та холодно.

— Значит, вашь врач находит вполне нормальным, чтобы ребенок так мучился, и не находит нужным облегчить его страдания? — окончательно теряя самообладание закричала вне себя Елизавета Васильевна.

Прислушиваясь к возбужденному разговору в палате, любопытные столпились на пороге, заглядывая внутрь и стараясь понять причину.

Сестра еще раз окинула холодным взглядом Никитину и Анну и спокойно ответила:

— Когда его очередь придет, ему будет сделана операция, — с этими словами она вышла из палаты, не обращая больше никакого внимания на посетительниц.

Миша лежал в постели, совершенно не реагируя на происходящее вокруг него. Он стал неузнаваем. Лицо и руки были восковые, глаза ввалились, губки от жара потрескались. Он тяжело дышал и когда начинал задыхаться, его поднимали выше.

— Кошмар, — в ужасе прошептала Елизавета Васильевна, беспомощно бросая взор вокруг себя. И она увидела ряды кроваток, из которых выглядывали детские страдальческие личики. Одни метались и стонали, другие по временам пронзительно вскрикивали, третьи пытались приподняться и просили жалобно воды. Никто к ним не подходил, никто не пытался облегчить хотя бы немного их страдания. У женщин, обслуживающих этих маленьких страдальцев, вместо горячего человеческого сердца, в груди лежал кусок льда.

— Это не больница, а камера пыток, — прошептала, как в бреду, Елизавета Васильевна, поцеловав Мишу, перекрестила и, схватив Анну за руку, шатаясь вышла с ней из палаты.

Вернулись они домой в таком ужасном виде, что Сергей Константинович не решился их расспрашивать. Подкарауливавшая их госпожа Наталья, заметив их растерянный вид, не задала им тоже ни единого вопроса и с глубоким вздохом исчезла за своей дверью.

— Неужели же операция не сделана? — спросил пораженный Сергей Константинович.

— Нет... Его надо забрать из этого ада, — вырвался вопль у Елизаветы Васильевны.

— Беда в том, что до операции его не выпустят, это — больничное правило, я уже об этом спрашивала, — отозвалась Анна.

Еще прошли сутки в мучительном ожидании. С операцией медлили, а Миша угасал на глазах. Теперь он уже не проявлял никакой радости при виде бабушки и мамы, и те, постояв у кроватки, уходили домой совершенно подавленные, ожидая с минуты на минуту роковую развязку. Дома же они сидели неподвижно, прислушиваясь к шагам во дворе, ожидая Николая.

Он появился на пороге в ту минуту, когда они его не ожидали. Глаза его со страхом остановились на сидящих за столом, и только теперь они поняли, что перед ними — Николай в военной форме, которую они еще не видали. С громким рыданием бросились они к нему.

— Плохо? — тихо спросил Николай, целуя мать и жену, а затем вошедших в комнату отца и Андрюшу.

— Да, — печально отозвался Сергей Константинович, — мы не можем скрыть от тебя, что положение Миши — критическое, и, что хуже всего, это то, что по непонятный для нас причине с операцией медлят. Может быть тебе скажут что-либо более определенное, мы же не можем добиться толку.

Анна взглянула на часы; было 11 часов утра.

— Нас раньше двух часов не впустят в больницу, а потому садись и позавтракай, — обратилась она к Николаю. Тот, на предложение жены, молча присел к столу и, опустив устало голову на руку, следил за движениями Анны, расставлявшей тарелки, но мысли его витали далеко отсюда.

— Не хочется есть, Анна, я выпью только чашку кофе, — и он отодвинул в сторону сковородку с яичницей.

— Не попытаться ли нам поехать раньше, может быть для меня сделают исключение, ведь я сегодня ночным поездом должен возвращаться.

— Неужели? — с болью вырвалось у Елизаветы Васильевны.

— Ничего не поделаешь, мама, другие ждут моего возвращения, чтобы ехать в отпуск.

— Ну, так идем. Когда находишься в движении, становится легче, сидение же в квартире невыносимо, — и Елизавета Васильевна стала надевать шляпу.

В трамвае сидели молча, каждый погруженный в тяжелые думы, но как только кондуктор громко выкрикнул — «Городская больница» — все четверо, как по команде, сорвались со своих мест и устремились к выходу, как будто, их кто-нибудь преследовал. Еле переводя дыхание, они вошли в палату и направились к кроватке больного. Не обращая внимания на протесты монашки, пытавшейся загородить им дорогу, так как час свидания с больными еще не наступил, они решительно подошли к Мише и окружили кроватку.

— Мишенька, — первая заговорила Елизавета Васильевна, — ты только посмотри, кто к тебе приехал, ведь это папа, да еще в военной форме.

Николай так и впился в личико мальчика. Он был буквально по-

трясен его видом. Миша не выразил никакой радости при виде отца.

— Неужели же это — Миша? — с дрожью в голосе прошептал Николай. — Я его не узнаю, это ужасно.

Прошло минут десять тягостного молчания.

— Скажите, пожалуйста, сестра, почему до сих пор не сделана операция моему сыну? — обратился Николай к сестре.

— Операция назначена на завтра, — ответила та спокойно, как бы не замечая волнения вопрошающего, и продолжала: — кроме того, я должна довести до вашего сведения, что сегодня — день неприемный, а вы, вообще, пришли раньше установленного часа посещений больных, а потому я вас попрошу покинуть палату.

Николай в отчаянии взглянул на мать.

— Как, уже? Ведь я должен сегодня возвращаться, и может случиться, что я его никогда больше не увижу...

Кровь бросилась в голову Елизавете Васильевне. Красные круги поплыли перед глазами.

— Бессердечная вы женщина, — крикнула она с запальчивостью, — вы не имеете никакого права запрещать отцу побыть лишнюю минуту с умирающим ребенком. Вы видите, что он в военной форме и не может распоряжаться временем по своему усмотрению. А потому он останется здесь, сколько захочет, и разрешения у вас спрашивать не будет! — Глаза Никитиной искрились, лицо побледнело, как полотно, и, произнося последние слова, она сделала повелительный жест в сторону Николая, как бы приказывая сыну оставаться.

Монашка растерялась и молча направилась к двери, за которой и исчезла...

Никитины остались одни. Теперь они бросились опять к мальчику, пытаясь вызвать его к жизни, услыхать хоть одно словечко, увидеть хоть слабую улыбку на исхудавшем личике... Все было напрасно. Миша тяжело дышал, грустно перебегал глазенками с одного лица на другое, и в его взгляде читалась немая мольба о прощении, что он не в состоянии откликнуться на их ласку.

— Пойдем, я не в состоянии выдержать этой пытки, — прошептал Николай. — Помочь мы ничем не можем. Как только пройдет операция, известите меня.

Поцеловав ребенка, они покинули палату.

В тот же вечер Николай уехал в полк.

Задыхаясь от быстрого бега, в комнату влетела Анна.

— Операция сделана, — крикнула она с порога.

— Как ты это узнала? — так и впилась в нее глазами Елизавета Васильевна.

Анна в изнеможении опустилась на скамейку.

— Купив продукты на базаре, — начала она рассказывать, — я забежала к Розе, которая посоветовала мне съездить в больницу и разузнать относительно операции. Без всякой надежды на успех я, тем не менее, решила попытать счастье. Со страхом вошла я в приемную и на вопрос дежурного врача — что мне надо, ответила, что хотела бы знать, сделана ли операция мальчику Никитину, который вот уже трое суток как страдает в ожидании операции.

Доктор молча стал перелистывать записную книжечку.

— Никитин Михаил... — прочитал он. — Операция сделана час тому назад.

— У меня все закружилось перед глазами, и я ухватилась за спинку стула, боясь упасть. Мне хотелось задать вопрос, как прошла операция, но слова замирали на устах, и я только с мольбой смотрела на него. Он, повидимому, понял мое душевное состояние и добавил:

— Операция прошла успешно, ему лучше.

— Хвала вам, — тихо ответила я и, быстро повернувшись, исчезла за дверью. Всю дорогу, от остановки трамвая я бежала, чтобы скорее принести вам эту весть.

В продолжение всего рассказа Анны Елизавета Васильевна не проронила ни слова и, не мигая, не спускала с нее глаз. Только когда та замолчала, Никитина встрепенулась. — Который час? — спросила она поспешно.

— Поздно, поздно, мы только завтра увидим нашего дорогого мальчика.

Не обращая внимания на реплику Анны, Елизавета Васильевна бросилась в свою комнату, схватила сумочку со стола и, не переменив домашнего платья и туфель, без шляпы вихрем промчалась мимо Анны и исчезла за дверью. Та с недоумением выскочила вслед за ней во двор, но Никитина исчезла, как будто растворилась в воздухе.

— Куда она побежала? — громко спросила стоящую на пороге госпожу Наталью изумленная Анна.

— Не мешайте ей, ее Бог несет к ребенку.. — тихо ответила та.

— Как хорошо, что я осталась в этих легких туфлях, в них так удобно бежать, — пронеслось в голове Елизаветы Васильевны.

Ее бег был так стремителен и от всей ее фигуры веяло такой решимостью, что прохожие сторонились, уступая ей дорогу, и с сочувствием смотрели ей вслед.

На несколько минут она задержалась у фруктовой лавки, чтобы купить апельсин. Вот она у дверей больницы. Не останавливаясь, она буквально взлетает по лестнице и устремляется в знакомый коридор. На пути никого. Дальше... дальше... стучат в висках молоточки.

Вдруг неожиданно с другой стороны появляется девушка с ведром воды в одной руке и щеткой в другой. Встреча была так неожиданна, что обе вздрогнули и испуганно посмотрели друг на друга, а затем девушка нерешительно сказала:

— В этот час вход посторонним воспрещается, — но Елизавета Васильевна, задержавшись на секунду, летела уже дальше, так как слова девушки не произвели на нее никакого впечатления.

Вот она, наконец, у желанной цели. Она бросается к Мише, покрывает его лицо горячими поцелуями в то время, как слезы счастья струятся по ее щекам.

— Мишенька, да неужели же ты здоров и все наши волнения кончились? — говорит она, прижимая к груди дорогую головку. Миша сидит прямо, не задыхается, и на его личике светится, как всегда, кроткая улыбка.

— Как ты попала ко мне, бабушка? — спрашивает он с удивлением.

— Очень просто, мой дорогой, неужели же ты не догадаешься? Я надела шапку-невидимку при входе в больницу, и меня никто не ви-

дел, вот почему я свободно стою возле моего Мишеньки и любуюсь его личиком, — ответила сияющая от счастья Елизавета Васильевна.

Мишенька смотрел на дорогую бабушку и не верил своим глазам.

— Бабушка, — вырвалось у него с неподдельным восхищением, — как ты сумела раздобыть шапку-невидимку, ведь это как в сказке, а вот мама этого не сумела.

Елизавета Васильевна рассмеялась.

— Если бы мы все понадевали шапки-невидимки и стали здесь топтаться вокруг кроватки, то твоя баба-яга наверное услыхала бы и нас поймала.

Это замечание очень развеселило мальчика, и он рассмеялся, но так тихо по причине слабости, что Елизавета Васильевна скорей догадалась, чем услыхала его смех.

— Баба-яга... Баба-яга... — повторял он, качая головкой.

— А теперь, Мишенька, скушай апельсинчик, который я купила по дороге, посмотри, какой он красненький внутри.

Миша высосал несколько ломтиков.

— Не хочется больше, бабушка...

Елизавета Васильевна не настаивала и стала внимательно осматривать больного. Наклонившись совсем низко над кроваткой, Елизавета Васильевна почувствовала острый запах гноя, и только теперь заметила, что от спины мальчика тянется гутаперчевая трубка, противоположный конец которой вставлен в стеклянный сосуд, находящийся на полу, возле спинки кровати.

— Что это за трубка? — с удивлением спросила Никитина.

— Доктор прорезал мне отверстие в спине, когда я спал, и поставил эту трубочку, чтобы через нее вылился гной, — так мне сказала... — он запнулся и затем, улыбнувшись, добавил, — баба-яга. А когда все выйдет, ранка заживет.

Это объяснение не удовлетворило Елизавету Васильевну, и она решила спросить доктора завтра же, как долго будет тянуться этот процесс.

— Мишенька, я должна сейчас бежать домой, а я приду завтра с мамой и спрошу доктора, как долго тебе еще придется сидеть в больнице.

Этот план, повидимому, понравился мальчику, и он, обняв бабушку за шею, спросил:

— А ты снова наденешь шапку-невидимку?

— Нет, ведь шапка-то одна, — засмеялась Елизавета Васильевна, — кроме того, завтра нас никто прогнать не смеет.

И этот ответ бабушки очень понравился мальчику.

Совершенно удовлетворенная свиданием, Елизавета Васильевна помчалась домой.

На другой день обе Никитиных в самом радужном настроении входили в палату, обмениваясь веселыми замечаниями. Однако, достаточно было одного беглого взгляда, брошенного на больного, чтобы заметить перемену в настроении мальчика. Он казался грустным и апатичным. Не осталось и следа от вчерашнего приподнятого настроения. От всех предложенных ему вкусных вещей он наотрез отказался.

— Ел он что-нибудь сегодня? — спросила Елизавета Васильевна сиделку.

— Пил немного молока... — был короткий ответ.

— Можете ли вы мне сказать, как долго будет истекать гной? — задала второй вопрос Никитина.

— Точно этого сказать никто не может, но это — довольно длительный процесс.

Разочарованные свиданием и не получив удовлетворительного ответа на вопрос, как долго мальчику придется быть в стенах больницы, возвращались домой Никитины. С каждым новым посещением ребенка беспокойство их возрастало. Миша выглядел все хуже и хуже. Лицо его приняло землистый оттенок, губы потрескались от внутреннего жара, глазки ввалились. Он так же тяжело дышал, как и перед операцией.

На все вопросы Елизавета Васильевна получала холодный, саркастический ответ: «причины для беспокойства нет, все проходит нормально»

— Да ведь он задыхается, — протестовала Елизавета Васильевна.

Но все было напрасно — ни теплого участия, ни совета здесь искать нельзя было.

Тогда Елизавета Васильевна стала умолять Сергея Константиновича взять Мишу домой. Не надеясь на благоприятный исход своего ходатайства, Никитин, тем не менее, отправился к старшему врачу и изложил свою просьбу, мотивируя тем, что ребенка отправят в деревню, где он, может быть, скорее окрепнет на чистом воздухе. К величайшему удивлению Никитина доктор согласился выписать мальчика из больницы. Повидимому, он уже считался обреченным.

Не было потеряно ни минуты. Через два часа Миша лежал в своей постели, дома. Он ничего не говорил. Он только с благодарностью смотрел на всех.

Решено было на другой же день пригласить врача, который отправил мальчика в больницу.

XI

Выслушав предварительно подробный доклад об операции, которой подвергся мальчик в больнице, не принесшей ему никакого облегчения, доктор опустился на стул возле кровати. Он взял в руки трубочки и попросил повернуть Мишу к нему спиной. По мере того, как он передвигал трубочку, лицо его принимало все более озабоченное выражение. При виде маленького отверстия, которое было проделано хирургом, он в негодовании всплеснул руками:

— Эту операцию делал не хирург, а сапожник! Где это видано, чтобы гной мог выйти через такое отверстие? Неудивительно, что он так и клокочет, — воскликнул он возбужденно и, обращаясь к Никитину, добавил: — немедленно везите его в Панчево, там д-р Левитский это дело поправит.

Он поднялся с места и начал торопливо прощаться.

— Я очень сожалею, что направил вас по ложному пути, но кто же мог предвидеть? — и он, не закончив своей фразы, со сконфуженной улыбкой покинул квартиру.

В комнате воцарилось полное молчание. Первый прервал его Миша:

— Я поеду, бабушка, в Панчево, но об одном тебя прошу — не ос-

тавляй меня там одного, поезжай со мной, — и голубые детские глазки с мольбой взглянули на Никитину.

— Да, Мишенька, это решено. Я повезу тебя с дедушкой, он вернется домой, а я останусь в госпитале, я уверена, что мне это разрешат, ведь там — люди, а не бессердечные куклы, — твердо ответила Елизавета Васильевна.

Теперь Миша и сам стал торопить с отъездом. Сборы были недолгие. Утирая слезы, одевала снова Анна сына, посылая его на новые страдания. Заметив ее расстроенный вид, Миша ласково обнял ее за шею:

— Не плачь, мамочка, я еду к добрым сестрам, а ты будешь меня навещать, хочешь?

— Хочу... хочу... — только и могла прошептать Анна.

Во дворе, в большом волнении, ходила госпожа Наталья взад и вперед, поджидая путешественников. Как только на пороге появилась Анна с Мишей на руках, Наталья так и рванулась к нему навстречу.

— Будь молодцом, Мишенька, я уверена, что это — уже последняя поездка в больницу, и ты вернешься здоровенький и веселый, — и она крепко его поцеловала и перекрестила.

У ворот стояли обе бабы — «белая» и «црвеная» — и громко рыдали. Чтобы сократить тяжелые проводы, Сергей Константинович послал Андрюшу позвать такси. Машина подкатила. Никитины с Анной и Мишей заняли места и через минуту автомобиль исчез в облаке пыли из виду стоящих у края тротуара заплаканных женщин...

Маленький мой страдалец, — прошептала «белая», утирая слезы кончиком платка, — и за что только тебе Бог посылает такие страдания, никому-то ты не сделал зла! — Сказав это, она замолчала, как бы ожидая от двух других женщин выражения сочувствия.

— Я думаю, что этому ребенку недолго осталось жить, да если бы он и выздоровел теперь, то останется на всю жизнь хилым, как вы думаете, госпожа Наталья? — спросила Роза. Но та медлила с ответом.

— Есть дети, — заговорила она, наконец, медленно, как бы обдумывая каждое слово, — которые со дня рождения отмечены Богом, как избранные. Они не созданы для земной жизни и Господь призывает их к себе невинными младенцами. Я думаю, что наш Мишенька и является, именно, таким избранным, и против Его святой воли мы итти не можем. — Затем она строго посмотрела на своих собеседниц, которые, слушая ее, захлебывались слезами.

— Плакать нечего, Господь не любит, когда человек отчаивается и впадает в уныние, надо всегда молиться и надеяться на Его милость.

Поговорив еще немного, женщины, не дождавшись возвращения Анны с пристани, разошлись по домам...

В это время на палубе парохода, совершавшего рейс между Белградом и Панчево, сидела маленькая группа, занявшая уголок в каюте, подальше от любопытных взоров публики. Это были Никитины с Мишей. Мальчик лежал на руках бабушки и, казалось, совершенно забыл о цели их поездки. Он не только не плакал, но пытался даже шутить и успокаивать встревоженную Елизавету Васильевну, которая старалась не показывать вида, что она обеспокоена состоянием его здоровья. Удобно уложив его головку на маленькую подушку, ко-

торая лежала на ее левой руке, она сделала из теплого одеяла уютное гнездышко, в котором и покоился Миша у нее на коленях.

— Вот так бы и лежать и ехать долго, долго. У меня сейчас ничего не болит, а все потому, что ты поехала со мной, — вырвалось неожиданное заключение у Миши.

— Никому я тебя не отдам и буду с тобой, пока ты не выздоровеешь, — прижимая мальчика шепнула ему Никитина.

Пристань... Протяжно прогудел свисток парохода, заставив вздрогнуть погруженного в думы Никитина. Он встал и, взяв Мишу из рук жены, лавируя, пошел осторожно, чтобы кто-либо не задел больного.

Толпа повалила к выходу. По шатким сходням сошли с парохода на пристань.

— Свободен? — громко крикнул Никитин кучеру парного фаэтона, стоявшего у тротуара.

— Пожалуйте, куда желаете ехать? — ответил тот, подбирая вожжи

— В русский госпиталь..

Лошади, повидимому застоявшись, дружно понеслись рысью.

— Ай-ай-ай! — вырвался вопль у Миши. Лицо его побледнело, он начал задыхаться... В испуге схватила Елизавета Васильевна кучера за рукав.

— Тише, тише... поезжай шагом, ребенок болен и не может переносить быстрой езды.

Кучер с состраданием взглянул на Мишу, который лежал с закрытыми глазами и тихо стонал.

— Хорошо, госпожа, я буду ехать шагом, — ответил он с готовностью и, натянув вожжи, сразу осадил лошадей.

Но и это не помогло, и Сергею Константиновичу пришлось держать мальчика на вытянутых руках. Несколько раз пришлось останавливать экипаж, чтобы дать возможность мальчику перевести дыхание, а затем опять начинали двигаться черепашьим шагом. Каждую пядь земли положительно приходилось завоевывать и казалось, что этому тяжелому путешествию не будет конца. Как часто позже вспоминала Елизавета Васильевна, с каким она нетерпением смотрела на дорогу в надежде увидеть здание госпиталя.

— Приехали, Миша, — воскликнул Сергей Константинович, когда экипаж подъехал к воротам госпиталя. Быстро расплатившись с кучером, Никитины вошли во двор. Широкая дорожка, окаймленная кустами, вела прямо к главному входу. Наконец-то измученные путники в кабинете приветливого и сердечного д-ра Левитского.

— Ба-ба-ба! Кого я вижу? — подымаясь из-за письменного стола, воскликнул он, подвигая торопливо стул Сергею Константиновичу, который держал Мишу на руках.

— Я сразу узнал моего старого приятеля, — продолжал он, широко улыбаясь. — Что-то опять случилось с тобой. Ну, ничего, всякую беду можно поправить, — и он погладил мальчика по головке.

— Да, дорогой Владимир Александрович, мы опять к вам, и на этот раз с очень серьезной бедой, — и Никитин назвал болезнь. — Ему сделали в городской больнице операцию, но д-р В. возмущен тем, что операция сделана не так, как нужно, и в спешном порядке отправил нас к вам.

Молча выслушал доклад доктор и позвонил. — Мы это сейчас выясним, — сказал он при виде вошедшей на звонок сестры.

— Возьмите, пожалуйста, мальчика, разденьте его и приготовьте все, что нужно, для его освидетельствования, — распорядился он.

— Миша вздрогнул и прижался к Елизавете Васильевне.

— Разве ты меня не узнаешь, Мишенька, и забыл, как мы играли с тобой в карты? — ласково сказала приветливая сестрица и, подхватив его, как перышко, быстро покинула кабинет.

— Вы меня подождите здесь, — и доктор исчез вслед за сестрой.

В томительном ожидании протекали минуты, но Никитины молчали, боясь высказать свои опасения друг другу.

Дверь открылась, и на пороге появилась крупная фигура Владимира Александровича. Никитины, вскочив с мест, смотрели на него с тревогой.

— Вот что, друзья мои, — заговорил он озабоченно. — Операция необходима и должна быть сделана сейчас же. Непростительную ошибку сделал наш старичек, направив вас в городскую больницу, а теперь вот исправляй чужие промахи, — и он с досадой хлопнул крышкой какого-то ящика.

— Значит, мы можем подождать здесь, пока вы окончите операцию? — робко спросила Никитина. Доктор взглянул на часы.

— Отправляйтесь обедать в город и возвращайтесь часа через три. Все будет сделано и вы увидите Мишу до отъезда.

— Милый Владимир Александрович, — взмолилась Никитина, — разрешите мне остаться в госпитале, я никому мешать не буду, а, напротив, облегчу работу сестрам, которые и так завалены ею.

— Отлично, я ничего не имею против этого плана. Оставайтесь, и мальчику будет веселее, и вы будете в курсе дела. Но только я боюсь, что вам это не под силу, вы вот какая хрупкая, — и он окинул фигуру Никитиной опытным взглядом, — еще свалитесь.

— Не беспокойтесь, доктор, я могу очень много выдержать, — и с этими словами Елизавета Васильевна в сопровождении мужа покинула кабинет.

Вот они на улице мало знакомого города.

— Куда же нам направиться, чтобы подкрепить свои силы, ведь мы же уехали, ничего не евши! — в раздумьи, оглядываясь по сторонам, заметил Сергей Константинович.

— Ах, Сережа, до еды ли нам, когда Мишеньку снова режут, — заливаясь слезами, ответила ему Елизавета Васильевна.

— Ну, Лизочка, тебя не надолго хватит, если будешь так нервничать, ты же хочешь быть сиделкой, следовательно, перед тобой тяжелый крестный путь, — старался успокоить жену Никитин.

— Твоя правда, — согласилась та. — Надо взять себя в руки и постараться проглотить что-нибудь.

Они вошли в первую попавшуюся на пути кафану. Полутемная комната была пуста в этот час. Когда к ним подошла девушка и спросила, что им подать, они на нее с удивлением посмотрели, затрудняясь ответить на ее вопрос. Наконец, Сергей Константинович назвал первое пришедшее ему в голову блюдо.

— Дайте, пожалуйста, две порции яичницы с ветчиной и две чашки чая, — ответил он, наконец.

Елизавета Васильевна начала с усилием глотать свою порцию, ког-

да муж, положив со сковородки яйцо на ее тарелку, сказал ласково: Кушай, Лизочка, и не забывай того, что я тебе говорил.

Расплатившись, они вышли на улицу и стали бесцельно бродить. Оставалось еще 20 минут до назначенного доктором срока.

— Не могу я больше оставаться в неизвестности, идем в госпиталь, может быть операция окончена, и Мишенька, придя в себя, начнет плакать, — и с этими словами Елизавета Васильевна взяв мужа под руку, быстро зашагала.

— Как хочешь, пойдем, пожалуй, — согласился Сергей Константинович. С замиранием сердца вошли они в вестибюль и, не успели подняться на первый этаж, как навстречу им бросилась сестра.

— Где же вы? Мишенька в палате № 12, идите к нему, он уже очнулся от хлороформа.

При первых же словах сестры Елизавета Васильевна рванулась вперед, так что Сергей Константинович еле зе ней поспевал. Они остановились на пороге в нерешительности, пробегая глазами по рядам кроватей, которые тянулись вдоль стен. Палата была большая и светлая. Широкий проход тянулся от дверей к противоположной стене между двумя рядами кроватей, разделенных ночными столиками. Это было мужское отделение, а так как детской комнаты не было, то мальчиков помещали сюда, а девочек в женское отделение.

— Вот, он там, — указала сестра пальцем на кровать между двумя мужчинами, и Никитины увидели Мишу, который сидел прямо, обложенный со всех сторон подушками. Он смотрел спокойно, внимательно осматривая своих соседей, и, как бы недоумевая, каким образом он попал в это незнакомое ему помещение. Наконец, он заметил дедушку и бабушку, и личико его просияло.

— Как ты себя чувствуешь, Мишенька? — и Елизавета Васильевна так и прильнула к мальчику. — Температура спала, — притрагиваясь к лобику ребенка прошептала она и потянула за руку мужа, чтобы и он мог в этом удостовериться.

В этот момент к кровати подошла сестра.

— Вот видите, какой наш Мишенька молодец, — и, заметив, что внимание мальчика привлек его сосед слева, понизила голос. — Вы не поверите, что это было! Мы наполнили гноем несколько сосудов, я никогда не видела подобной операции.

— Но как же извлекли этот гной?

— Пришлось вырезать по куску из двух ребер, чтобы увеличить отверстие, сделанное в городской больнице. Ну, и ругался же наш доктор, — если бы вы только слыхали! Такие эпитеты отпускал по адресу городских врачей, что мы не знали, куда деваться. Он на это мастер! — и сестра залилась смехом. — Гной будет вытекать еще долго, запасайтесь терпением на несколько месяцев, — продолжала она. — Сейчас температура нормальная, это реакция после операции, но к ночи она, конечно, подымется, не пугайтесь, это будет в порядке вещей, — и ласково кивнув головой, она отошла от Никитиной.

— Ну, Мишенька, скажи мне, чего бы тебе хотелось? — спросила Елизавета Васильевна.

— Пить. . . — и головка Миши закачалась на худенькой шейке, как цветок на стебельке, качаемый ветром.

Елизавета Васильевна устремилась вслед за сестрой.

— Сестрица, простите за беспокойство, Миша просит пить. Что можно ему дать и в каком количестве?

— Не рекомендуется давать пить после операции, но если он очень просит, я принесу стакан чая, и давайте его понемногу. Кроме того, вот что я еще хотела вам сказать. Вы ведь остаетесь здесь? — Елизавета Васильевна кивнула головой. — Так вот в чем заключается ваша задача. Вы должны следить, чтобы он был всегда в сидячем положении, ни в коем случае он не может лежать на спине, иначе гной не будет свободно вытекать. Для этого мы и обложили его подушками. Он должен так и спать. Я должна вам откровенно сказать, что у нас столько работы, что эта задача нам не под силу, мы не имеем для этого достаточно персонала.

— Ну, конечно, я это прекрасно понимаю, потому-то и просила Владимира Александровича позволить мне остаться в госпитале, — и, взяв стакан из рук сестры, она поспешила в палату, где Сергей Константинович тихо разговаривал с Мишей. Миша сделал несколько глотков чая с видимым удовольствием и снова принялся разглядывать больных. Два его соседа смотрели на него с видимым участием. Это были простые русские солдаты добровольческой армии. У одного была астма, а другой подвергся недавно операции в области печени.

— Дитятко малое и то страдает, а за что? — он еще не успел и на солнышко порадоваться! — заметил один из них.

— Твоя правда, ну пусть мы, грешные, страдали бы, это нам в наказание посылается, а чем же дите неразумное виновато? — отозвался сосед.

— Дядя, — раздался вдруг тоненький голосок Миши, который явился резким контрастом хриплым голосам мужчин и заставил всех обернуться в его сторону. — Дядя, твой платок упал на пол, — и он указал пальчиком, где именно он лежал. Это было так серьезно сказано, что все с удивлением взглянули на ребенка, который только-что перенес серьезную операцию и держал себя таким героем.

— Спасибо, деточка, — и больной нагнулся, чтобы поднять платок, но Елизавета Васильевна предупредила его движение и, быстро наклонившись, подала ему его.

— Лиза, мне пора итти, иначе я опоздаю на пароход, — шепнул Никитин жене.

— Я провожу тебя.

Никитин, поцеловав Мишу, направился в сопровождении жены к выходу из палаты. Уже стоя у калитки, Сергей Константинович задушевно сказал:

— Береги себя, Лиза, знаю и скорблю, что нелегко тебе будет, почему и прошу тебя очень — береги свои силы, ведь ты же не только Мишеньке нужна, но и нам с Андрюшей, не так ли? — целуя жену, сказал Никитин.

— Знаю, знаю, дорогой, нелегко будет и вам, и, тем не менее, я не могу пребывать в неизвестности дома, вдали от несчастного мальчика. Отныне весь мир сосредоточился у меня в госпитале, я не существую ни для себя, ни для других здоровых людей, мое место здесь, чтобы по силе возможности облегчить тяжелую участь маленького страдальца. Сестра сказала, что понадобится несколько месяцев, чтобы поставить его на ноги, и мы должны установить регулярные дежурства между мной, Анной и Розой, чтобы он никогда не оставался один.

— Значит, я так и скажу Анне, чтобы через два дня она сменила тебя, — и, перекрестив жену, Никитин пошел по дороге, ведущей к пристани.

Елизавета Васильевна вернулась в палату и села у ног Миши. Теперь мальчик уже не сидел, а в изнеможении повалился на подушку. Это тотчас же было замечено сестрой и она решительно приподняла его, несмотря на его жалобный стон, и снова обложила подушками. Вечер был очень теплый и окна в палате были еще открыты. Последние лучи заходящего солнца, поиграв на стеклах, скоро потухли, и ночные тени потянулись в палату. Лампадка у иконы слабо мерцала. Но вот служитель зажег электричество, закрыл окна и стал разносить ужин. Мишенька глотнул чаю и закрыл глазки.

— Мадам Никитина, — услыхала Елизавета Васильевна голос сестры. — Вам сейчас поставят «шез-лонг», и на нем вы можете растянуться, как в постели. Надо же и вам отдыхать. Лежать на свободных кроватях доктором строго воспрещается, чтобы не была занесена какая-нибудь инфекция.

— Спасибо, дорогая, я охотно подчинюсь всем госпитальным правилам, — ответила Никитина. Служитель внес кресло и поставил его между двумя кроватями. Елизавета Васильевна опустилась на него с наслаждением — только теперь она почувствовала, что каждая косточка у нее ноет. Она откинула голову и закрыла глаза, но заснуть не могла, слишком напряжены были ее нервы.

В 9 часов лампы были потушены и шум в палатах постепенно замер.

Миша начал стонать и просить пить. Приходилось вставать с кресла, и тут только Елизавета Васильевна убедилась, что кресло стесняет ее движения. Оно загораживало проход и, чтобы выйти в корридор, ей приходилось его вытягивать, что ей было не под силу, так как оно было очень громоздким. Кроме того, шумом она могла обеспокоить больных. Она вставала чуть ли не каждые пять минут и с ужасом заметила, что Миша снова пылает. В изнеможении она опустилась в кресло и закрыла глаза. Резкий свет фонарика, направленный прямо на нее, заставил ее вздрогнуть и быстро вскочить на ноги. — Неужели же я заснула? — подумала она, чувствуя сильнейшее сердцебиение.

У Мишиной кроватки стояли две фигуры в белых халатах и, всматриваясь в мальчика, тихо разговаривали. Это был доктор Левитский с дежурной сестрой, которые обходили в 12 часов ночи больных, оперированных в этот день. Ни доктор, ни сестра не обращали ни малейшего внимания на вскочившую с кресла Елизавету Васильевну, которая смотрела на них широко открытыми глазами.

Заметив, что они удаляются, Елизавета Васильевна с отчаянием в голосе воскликнула:

— Доктор, у него снова высокая температура!

При звуке ее голоса доктор обернулся и, на ходу, бросил совершенно непонятную ей фразу:

— Благодарите Бога, что температура высокая, было бы очень печально, если бы она упала.

Все погрузилось снова в мрак и Елизавета Васильевна осталась одна с брошенной ей доктором загадкой. Всю остальную часть ночи Елизавете Васильевне не удалось сомкнуть глаз, так как Миша требо-

вал поминутно воды. Она с трудом отодвигала кресло и бежала через всю палату в коридор, где находилась вода для больных. При каждом шорохе она вздрагивала и останавливалась, чтобы перевести дыхание, а затем опять ускорила шаги. Тускло освещали лампочки коридор и ни единой души она не встречала. Заметив, что туфли ее производят шум, она подумала: В следующий раз привезу с собой ночные, а пока их нет, можно бегать в чулках, — и она, сбросив туфли, бесшумно бегала в чулках до рассвета. Миша метался, стонал и поминутно падал на спину.

— Теперь я понимаю, почему сестра сказала, что удержать мальчика в сидячем положении будет для меня тяжелой задачей, — подумала Никитина, делая нечеловеческие усилия, чтобы не дать мальчику откинуться на спину.

— Будь, что будет, — решила она вдруг, и, отодвинув в сторону кресло, которое не принесло ей желанного отдыха, она села на кровать у ног Миши и, положив на колени подушку, уложила его на бок таким образом, чтобы спинка его совершенно не прикасалась к подушке. Такое положение сразу успокоило больного и он заснул. Елизавета Васильевна, боясь шевельнуться, чтобы не потревожить его сна, сидела неподвижно, пока первые лучи солнца не блеснули на оконных стеклах. Внизу хлопнули двери, госпиталь просыпался, и Елизавета Васильевна усадила снова Мишу, как то требовалось сестрой.

— Ну, как провел ночь наш больной? — спросила дежурная, подходя с термометром.

Вся разбитая, с тяжелой головой, Никитина и виду не показала, как далась ей эта кошмарная ночь, и только сказала:

— Температура была высокая, и он часто просил пить. Кроме того, очень трудно удержать его в сидячем положении.

— Тем не менее, это необходимо, — тоном, не допускающим возражения, повторила сестра.

Теперь Мишу беспокоило что-то другое, и он перекатывался с одной стороны кровати на другую. Наконец, Елизавета Васильевна поняла причину его беспокойства: вся его рубашка, подушка и простыни были пропитаны гноем. В ужасе бросилась Никитина на поиски сестры.

— Посмотрите, дорогая, что делается у Миши в кровати, он положительно плавает в гное, — сообщила она показавшейся на пороге главной сестре.

— Знаю, знаю, я это предвидела, мы сейчас дадим свежее белье. — И, действительно, не прошло четверти часа, как Миша сидел на свежей простыне, окруженный подушками в чистых наволочках и в чистой рубашке. И в то время, как сестра возилась с Мишей, быстро и ловко обкладывая его подушками, Елизавета Васильевна, преисполненная благодарности, воскликнула:

— Сам Бог послал нас к вам, милосердным сестрам по существу, а не только по названию. Если бы Миша остался еще дольше в городской больнице, он задохся бы от гноя.

— Нашей прямой обязанностью является облегчать страдания нашим больным, — просто ответила сестра и, подхватив снятое белье, удалилась.

С этого дня белье регулярно менялось утром и вечером, если же истечений было больше, — то и три раза в день.

Госпиталь пробуждался рано и жизнь закипала, как в пчелином улье. Уже в 6 часов утра являлись поставщики продуктов и начиналась уборка палат. В 8 часов утра приносили больным завтрак, а сестры измеряли температуру. Затем служители выносили на носилках больных в перевязочную и на операции, а кого и в сад, где выздоравливающие оставались до 12 часов, когда подавался обед. Между обедом и ужином было полное затишье. В 8 часов подавался ужин, измерялась снова температура и в 9 часов все погружалось в сон. И так, изо дня в день, тянулись бесконечные часы. Внешняя жизнь, которая била ключем за оградой госпиталя, не доходила до этих страдальцев. Единственным развлечением им служило поступление нового больного, а настоящим праздником — посещение родных, которые приносили им вести из внешнего мира. Впрочем, днем было все же веселее на душе. Ярко светило солнышко и свежий ветерок, врываясь в открытые окна, приносил аромат зелени и цветов. К кроватям подходили сестры, всегда такие заботливые и приветливые, и их трогательное участие к страданиям больных укрепляло их дух.

Для Елизаветы Васильевны день проходил даже слишком быстро. Она вся ушла в заботу по уходу за Мишей, не замечала, что творилось вокруг нее и потеряла всякое понятие о времени. Она ни на минуту не приседала: то надо было принести воды, то с помощью сестры менять белье, то перекладывать мальчика, старательно удерживая его в сидячем положении.

Но самой трудной задачей было кормление Миши. Никакие уговоры не помогали, он от всего отказывался, и тогда Елизавета Васильевна разрешала себе съедать те маленькие порции, которые приносились больному, так как отлучаться хотя бы на полчаса, чтобы пойти в город, она не решалась. Сестры видели, что Никитина еле держится на ногах, и поэтому, когда она садилась на край постели и укладывала на подушку Мишу, который с наслаждением растягивался на коленях у бабушки, они делали вид, что не замечают этого. Миша засыпал и Елизавета Васильевна могла, наконец, отдохнуть. Она ни о чем не думала; не спуская глаз с воскового личика мальчика, она не шевелилась, боясь даже дыханием потревожить его сон. Соседи смотрели на нее с нескрываемым состраданием, не находя слов для утешения, так как у всех было одно и то же на уме: ребенок долго не проживет.

Но вот снова наступила кошмарная ночь. Дежурная сестра, сделав последний обход палат, ушла к себе, а Елизавета Васильевна осталась одна, среди больных. Постепенно они забывались тревожным сном и палата начинала наполняться звуками.

Что это были за ужасные звуки!

Рокочут, свистят и, как будто, плачут невидимые струны в груди больного астмой, то замирая, то усиливаясь, и так в течение целой ночи...

— Точь в точь, как воет зимняя вьюга, — проносится в голове Никитиной.

Вдруг раздается резкий стон в другом конце палаты: кто-то бредит и говорит, говорит без конца... Елизавета Васильевна невольно хватается за голову. Нечем заглушить эти звуки, некуда скрыться от них.

— Это испытание мне послано Свыше и я безропотно должна не-

сти свой крест. Теперь только я познала, каким величайшим небесным даром является здоровье.

Ее взор падает на личико Миши, который мечется на кровати и стонет.

— Если бы я могла перелить в тебя хоть немножко от своего здоровья, — вырывается вопль из измученного ее сердца.

Только первую ночь она пользовалась креслом, которое утомляло ее до крайности. Теперь она сидела или на постели, или прямо на полу, положив голову на край кровати. Это она делала после последнего обхода палаты, зная, что никто сюда не появится без звонка. Состояние Миши по-прежнему было критическим. Табличка, прикреплённая у изголовья, на которой отмечалась утренняя и вечерняя температура, беспокоила доктора.

Иногда он подходил со своим коллегой, другим доктором больницы, и, указывая на табличку, говорил:

— Вы только взгляните на эту кривую линию, и вы согласитесь со мной, что такие подъемы и падения не так-то часто бывают? — и он с тревогой устремлял свой взор на товарища.

— Да... — задумчиво отзывался тот.

Елизавета Васильевна слушала с напряжением их разговор, боясь пропустить единое слово, и, в то же время, стараясь угадать их мысли по выражению их лиц. Когда же она обращалась к ним с вопросом, они ничего определенного не говорили.

Все чувства ее, казалось, притупились. Она не испытывала ни голода, ни жажды. Сколько она спала — определить было невозможно, так как не успевала она закрыть глаза, как раздавался еле слышный голосок Миши: бабушка, водички. — Она теперь со страхом прикасалась к нему: это был, в полном смысле слова, скелет, обтянутый кожей, в котором еле теплилась жизнь.

Вот принесли Мишу из перевязочной и, обессиленного, положили на кровать. У ног его села Елизавета Васильевна. Вдруг кто-то остановился за ее спиной и положил руку на плечо. За ней стояла Анна.

— Собирайтесь и уходите, на вас лица нет, — решительно заявила она.

При звуке ее голоса Миша открыл глазки. Анна бросилась к сыну.

— Вот видишь, я и приехала сменить бабушку, чтобы она отдохнула, а после меня приедет Роза. Она тоже хочет тебя видеть. Вот мы так и будем чередоваться, правда, хорошо придумали? — и она осторожно поцеловала сына.

Миша слабо улыбнулся и в то же время бросил испуганный взгляд в сторону бабушки, который так и резнул по сердцу Елизавету Васильевну.

— Я скоро вернусь, Мишенька, возьму кое-какие вещи и сейчас же и обратно. Мальчик ничего не возразил, но только глубоко вздохнул.

Когда Анна пошла проводить Никитину, Миша не протестовал и только шепнул: «возвращайся скорее.»

Стоя у ворот, Елизавета Васильевна откровенно сказала Анне, что положение Миши очень тяжелое, и объяснила ей в чем заключаются ее обязанности.

— Работа нетрудная, но тяжело сидеть прикованной к постели днем и ночью, вот увидишь сама. Нет времени ни для еды, ни для

сна, а в то же время ничего не делаешь. Я никогда не выходила за ограду госпиталя, а только спускалась на самое короткое время в садик, но не успевала сесть на скамейку, как мне уже чудился плачь Миши, и я бежала обратно в палату.

Поцеловав невестку, Никитина пошла по дороге на пристань. На пристани, а также и на пароходе, царило большое оживление. В воздухе гудели голоса, раздавалось со всех сторон пение и звуки скрипок бродячих музыкантов, которые устраивались на палубе. Тут же шныряли продавцы конфект и мелкого товара и навязывали публике гребешки, ленты, перочинные ножики. Совершенно ошеломленная шумом, Елизавета Васильевна последовала за публикой, которая спешила занять места на палубе, так как в каюте было душно.

Она заняла место на носу парохода и устремила усталый взор на воду. Волны искрились и лениво ударялись о борт парохода и этот монотонный, тихий плеск немного ее успокоил. Она не обращала внимания на окружающую ее обстановку, она видела себя в госпитале, у кровати Миши. Так неподвижно она и просидела до тех пор, пока пароход не стал замедлять хода.

Вот она, наконец, на улице. Только садясь в трамвай, она почувствовала всем своим существом, что скоро будет дома. Тихо, никем не замеченная, она вошла во двор и взялась за ручку двери.

— Мне кажется, что я отсутствовала целую вечность, а ведь прошло всего три дня, — подумала она.

С рыданием бросается она на шею мужу, а потом крепко обнимает Андрюшу.

— На кого ты похожа? Краше в гроб кладут! — всплеснул руками Сергей Константинович.

— Ничего.. ничего. дорогие мои.. мне только надо... немного заснуть. — с трудом произнесла Елизавета Васильевна и, к великому удивлению мужа и сына, она быстро сбросила шляпку и, как подкошенная, упала на постель в жакете и туфлях. Через секунду она уже погрузилась в глубокий сон...

Стараясь не шуметь, Сергей Константинович и Андрюша вышли из комнаты.

XII

На другой день, проснувшись очень поздно, Елизавета Васильевна почувствовала, что к ней возвращаются силы, и с аппетитом съела приготовленный мужем завтрак. Затем, усевшись в уголок своего любимого диванчика, она начала рассказывать о том, что ей пришлось пережить в госпитале в течение этих трех дней.

— Да, ребенок тает с каждым днем, несмотря на удачно сделанную операцию, — продолжала она печально повествовать. — От нашего Миши остался только скелет; страшно к нему притронуться, одни кости. Доктор упорно отмалчивается; может быть, он не хочет меня огорчать, а, может быть. он еще надеется, — совсем тихо добавила она. Помолчав, она снова заговорила. — Удивительнее всего это то, что высокая температура не так тревожит доктора, как ее резкое падение. Я этого понять не могу.

— А для меня это ясно, Лизочка, если температура высокая, значит, сердечко его еще борется, — пояснил Сергей Константинович.

— Во всяком случае, при самом благоприятном исходе, этот процесс будет тянуться несколько месяцев, так что вы должны быть готовы к тому, что я к вам вернусь не скоро, — все лето проживу на «курорте», — улыбнулась она. — Это была прекрасная идея установить дежурства. Два-три дня выдержать можно, а больше — никак. Конечно, все зависит от характера. Лично я так страдаю душой, что физических сил не хватило бы на более продолжительное время, а, впрочем... если понадобится, просижу и больше. Бедные сестры перегружены работой. Они и на перевязках присутствуют, и на операциях. При обходе больных они сопровождают доктора и дают исчерпывающие объяснения относительно их самочувствия и температуры. Вот почему они, конечно, благодарны, когда возле детей находятся родные. Взрослые такого ухода не требуют, а ребенка надо и утешить, и развлекать, а то и на руки брать и носить его по палате.

— Итак, мамочка, — перебил мать Андрюша, — ты можешь отдохнуть теперь до следующей недели и поедешь после Розы, не так ли?

— Да, милые мои заброшенные, надо и о вас позаботиться. Я жажду движения и физической работы, до того я засиделась. Надо и квартиру убрать, и белье помыть, и погладить, и сделать кое-какие запасы продуктов, чтобы у вас все было под рукой... На всякий случай, если бы мне пришлось просидеть дольше положенного срока. Надо быть ко всему готовым... даже к самому худшему, — с запинкой добавила она. И, тряхнув головой, как бы отгоняя мрачные мысли, она спросила:

— А как насчет Николая, вы его информируете о ходе болезни?

— Ну, конечно, он в курсе дела; скорбит душой, что не может быть возле нас в такую тяжелую минуту. Писал, что надеется, что его отпустят в июле.

— Повидимому, он застанет нас еще в госпитале, — вздохнула Елизавета Васильевна.

— Ну, а как хоровые дела, как прошли праздники?

При этом вопросе Сергей Константинович и Андрюша рассмеялись.

— Мальшевский рвал и метал. Говорит, что ты за все годы не пропустила ни одного богослужения, ни одной спевки, а тут вдруг — все пасхальные службы!

— Да, он прав, и мне это было тяжело, но что же поделаешь? — с сокрушением заметила Елизавета Васильевна. — Страстная неделя была и для нас с Мишенькой страдной порой, и как он, бедный, огорчался, что вот уже вторую Пасху, как он встречает в госпитале.

— Что касается хористов, то они приходят нас проведать и получить сведения насчет Миши, — добавил Сергей Константинович.

— Милые они все, сердечные, — с чувством заметила Елизавета Васильевна.

Последующие дни пролетели, как сон, для Елизаветы Васильевны, которая с радостью принялась за домашнюю работу, отвлекавшую ее от тяжелых дум.

За несколько часов до возвращения Анны, Роза, совершенно готовая к отъезду, сидела у Никитиных и с нетерпением поглядывала на дверь. В ее узелке лежали «папучи» — легкие туфли — и кое-что из домашних продуктов, чтобы не тратить денег на кафану. Поверх лет-

него платья без рукавов была надета вязаная кофточка, а на голове — неизменный красный платок. Уже по выражению лица вошедшей в кухню Анны присутствующие поняли, что она несет печальные вести.

— Ну, как? — бросилась к ней Роза.

— Никак... ничего не ест, гной продолжает вытекать. А уж худой! Никто не узнал бы в нем полненького Мишу, — и Анна разрыдалась. Роза решительно встала.

— Ну, разговорами мы не поможем, мне пора ехать.

— Да, да, кума, поезжайте скорее, я сказала Мише, что до заката солнца вы будете в госпитале. Сестры обещали за ним присмотреть, а ночью надо непременно быть возле него.

Схватив узелок, Роза выбежала из кухни.

На другой день, сидя за обеденным столом, Елизавета Васильевна и Анна, рассказывая Сергею Константиновичу о Мише со всеми подробностями, пришли к одному и тому же заключению, что как ни мучительно в госпитале, но дома, в неизвестности, много тяжелее.

— Что только не мерещится, каких только страхов не рисует воображение, а когда собственными глазами видишь Мишеньку, слышишь его голосок, тогда куда легче. Все же ты убеждаешься, что перед тобой живой ребенок, не так ли Анна? — спросила Никитина невестку.

— Совершенно верно, — подтвердила та. — Вот я только-что вернулась, а не могу спокойно сидеть на месте.

— Да, вот вам еще наглядный пример, — продолжала Елизавета Васильевна. — Вчера я пошла навестить Машеньку Ростовцеву и думала, что это свидание доставит мне облегчение. К сожалению, мне стало еще тяжелее и это так понятно. У каждого человека свои заботы и свои огорчения и разве можно требовать от людей, чтобы они всецело прониклись твоим несчастьем? И для меня теперь стало ясно, что если тебя угнетает что-нибудь, иди в церковь, стань перед иконой Божьей Матери и горячо помолись. Поверьте мне, что на душе станет легче.

Елизавета Васильевна решила не ожидать возвращения Розы, а выехать с таким расчетом, чтобы ее застать еще в госпитале. Долго колебалась она, что бы ей взять для Миши, и, наконец, решила взять несколько книжек со сказками.

— Может быть, он будет в состоянии слушать чтение, как ты думаешь, Сережа?

— Трудно сказать, Лизочка, но мне кажется, что лучше его не утомлять, пока-что... Да, пожалуй...

С тяжелым сердцем, глотая слезы, простилась Елизавета Васильевна со своими домочадцами и, как приговоренная к смерти, побрела на пристань. Предчувствие ее не обмануло. Мишеньке было очень плохо. Появилось острое желудочное заболевание, которое убивало слабенькие силы ребенка.

Как это могло случиться? — недоумевала Никитина, а также и сестры, так как все знали, что Миша почти ничего не ест. Роза имела довольно смущенный вид, но, тем не менее, упорно отрицала и клялась, что ничего запрещенного не давала ему есть.

При виде бабушки Миша оживился и стал сразу просить ее не покидать его больше.

— Так и придется сделать, —и, обращаясь к Розе, Никитина сухо

сказала: Передайте, пожалуйста, Анне, чтобы она не приезжала сюда до моего возвращения, я останусь дольше — сколько выдержу, конечно. — Сконфуженная Роза, подобрав узелок, торопливо покинула палату.

— Эх, барынька, — сказал сосед Миши, — никто не умеет так ухаживать за мальчиком, как вы. Ведь вы же его ни на минуту не оставляете одного, бьетесь вы над ним, как птичка над своим птенчиком, а чужие — что.. — он не договорил своей мысли и только махнул рукой.

— Да, я решила остаться здесь, сколько выдержу. Но вот я вижу, что мальчику ничуть не лучше, напротив, случилась новая беда — он заболел желудком.

Собеседник смущенно молчал.

— Оно, конечно, мальчику сейчас тяжело, но никто, как Бог, — добавил он.

Потянулись снова кошмарные дни и ночи... Резкие боли в кишечнике вызывали болезненные потуги, а в результате выходил комочек слизи, окруженный кровью. Несколько сортов порошков лежало на ночном столике, которые, по указанию сестры, Елизавета Васильевна давала мальчику в определенные часы. Мишенька покорно их глотал, пища же его состояла из нескольких ложек рисового отвара, которые должны были быть съедены, во что бы то ни стало, по требованию доктора.

С нескрываемым сожалением смотрели сестры на бледную, как смерть, Никитину, и она поняла, что дело ее дорогого мальчика скверно. Иногда Миша открывал глазки и молча смотрел на бабушку.

— Ты проснулся, Мишенька, вот и отлично. Ну, поговори со мной немножко, мне так скучно без тебя, — говорила с мольбой Елизавета Васильевна. — Вот я и сказочки привезла, может быть почитать?

— Почитай... — еле доносится до ее слуха слабый голосок.

И она читала, не останавливаясь, сказку за сказкой. В висках стучало, язык еле выговаривал слова, а в голове была только одна мысль:

— Одолеет ли Мишенька свою болезнь? — Вскоре она убеждалась, что ребенок впал в дремоту, и тогда она умолкала.

К концу недели Никитина еле держалась на ногах. Днем она не имела ни минуты покоя, а когда наступала ночь, спать не было возможности. Она сидит у ног Миши, который лежит неподвижно и нервно дышит. Окно было открыто, и косые лучи заходящего солнца последний раз заглянули в палату и заиграли на стене. Это была суббота. В госпитальной церкви началось всенощное бдение и выздоравливающие направились туда. Елизавета Васильевна поцеловала осторожно мальчика в лобик и последовала за ними. Горячо молилась она у иконы Св. Пантелеймона. На душе стало легко, колебаний, как не бывало.

— Я должна ехать домой немедленно, — произнесла она вслух и вздрогнула: ей показалось, что это решение ей кем-то продиктовано.

Увидав сестру, она объявила ей о своем желании ехать немедленно домой и попросила присмотреть за Мишей до приезда Анны; затем она направилась в палату. Мишенька уже проснулся и искал ее глазами.

— Мишенька, — с дрожью в голосе обратилась она к мальчику. — Отпусти меня в Белград, а я сейчас же пришлю маму.

— Хорошо, бабушка, поезжай, я подожду... — немедленно охотно согласился мальчик, и Елизавета Васильевна, как на крыльях, полетела на пристань.

Дома ее ожидала неприятная неожиданность: Анна была совершенно больна и лежала с сильной головной болью в постели. При виде невестки с компрессом на голове, Елизавета Васильевна всплеснула руками. — Что же мы будем делать? Значит, придется прибегнуть к помощи Розы, хотя я и не хотела бы ее сейчас посылать, когда Мишеньке так плохо.

Не теряя времени, она тотчас же пошла разыскивать бабу. При виде входящей Никитиной, Роза расплылась в улыбку и засуетилась, приглашая гостью занять место в кресле. В кратких словах Никитина передала ей о затруднительном положении, в котором она оказалась, застав Анну в постели. И Роза сразу сообразила, в чем дело.

— Ну, так в чем же дело? Совершенно ясно, что если Анна не может ехать, значит, должна ехать я. У меня сборы недолгие, а ребенка оставлять без сиделки нельзя.

— Я об этом и пришла вас просить, — сказала Елизавета Васильевна.

Дед пытался протестовать, но Роза сердито топнула ногой.

— Молчи, дед, и не вмешивайся не в свое дело. Я должна ехать — и никаких разговоров! — схватив свой узелок, она решительно пошла к выходу. За ней последовала Никитина.

— Плохи наши дела, очень плохи, — рассказывала Елизавета Васильевна мужу, Анне и Андрюше, сидя с ними за ужином.

— Я пришла к определенному заключению: наука, повидимому, бессильна нам помочь, у меня одна надежда на Бога. Если Он сжалится над нами и захочет оставить Мишу нам — он выздоровеет, а если Господь решил иначе... — Она, не договорив, поникла головой.

— Вот как раз я тоже хотела спросить вас — не попытаться ли нам прибегнуть к Божией помощи? — начала Анна и вдруг замолчала, как будто не решаясь выразить своей единственной надежды.

— В чем дело, что ты хотела сказать? — с живостью спросила Елизавета Васильевна.

— Завтра в церкви Косьмы и Дамьяна будет торжественная служба с литией вокруг церкви. Вынесут частички мощей этих святителей в маленьком ковчежке и народ может подходить прикладываться. Молва говорит, что если помолиться перед мощами этих святителей, которые в жизни были врачами, то больной обязательно выздоровеет.

— Как я рада, что ты мне это сообщила, завтра же отправлюсь туда, — не допуская возражений заявила Елизавета Васильевна.

Утром Никитина взяла листок бумаги и четко написала: «Святые Косьма и Дамьян, молю вас, исцелите младенца Михаила»; затем она его свернула и положила в сумочку. Надев шляпку, она всех поцеловала и твердо сказала:

— Я верю, что святители мне помогут, — и с этими словами вышла во двор, где ее поджидала госпожа Наталья.

— Ну, как дела, дорогая, как наш страдалец? Есть ли хоть маленькая надежда? — забросала она вопросами Никитину.

— Есть одна единственная надежда на помощь св. Косьмы и Дамьяна, вот я и направляюсь в церковь, чтобы помолиться перед их мощами. На человеческую помощь я уже не надеюсь, — ответила та.

Крупные слезы катились по щекам Натальи.

— Идите, идите, и да поможет вам Бог... — Крепко поцеловав Никитину, она направилась к себе.

Храм полон молящихся. Торжественное богослужение возглавляет епископ. Елизавета Васильевна, стараясь не задеть стоящих на коленях, осторожно пробирается вперед. Ее глаза обращаются к столику, на котором стоит маленький ковчег с мощами, и оторвать от него своего взгляда она не в состоянии. Там, в этом маленьком ковчеге, спасение ее Миши! Куда девались уныние и чувство обреченности, которые она испытывала последнее время? Она чувствует себя окрыленной и вся погружается в молитву. Слезы текут по щекам, но она их не замечает, как и того, что творится вокруг нее. Какие слова молитвы она мысленно произносила, Елизавета Васильевна после этой литургии никогда не могла вспомнить.

В церкви душно. Свечи от жары сгибаются и падают, но на их месте появляются новые и новые, которые горят ярким пламенем вокруг столика, на котором покоятся мощи. Литургия близится к концу и люди начинают выходить из церкви, так как святой ковчег должен быть обнесен три раза вокруг церкви. Медленно движется процессия под звук колоколов и пение хора и, наконец, возвращается в храм.

Наступает желанный момент: можно подходить прикладываться. Дрожащими руками вынимает Елизавета Васильевна из сумочки записку. В разгоряченном мозгу проносится мысль: как подсунуть записку под ковчег, чтобы никто не заметил, и она решает пропустить всех и подойти последней.

Она стоит совсем близко и дрожит мелкой дрожью, зорко вглядываясь в очередь людей. Вот она уже может их пересчитать: один, два, три, четыре, и моя очередь... Вот она у столика... низко наклоняется и в ту минуту, когда ее губы касаются крышки ковчега, она его приподнимает и ловко подсовывает записку. Секунда... и ковчег прикрыл пламенную молитву жаждущей чуда измученной женщины. Крепко прижавшись головой к крышке, она застывает в этой позе, затем, перекрестившись, медленно покидает храм.

Было около 12 часов дня. Вся преображенная, выходит она на паперть и радостными глазами окидывает расстилающуюся перед ней картину, как будто впервые увидела красоту Божьего мира. — Как чудесно светит солнышко, какое голубое небо и какие славные люди вокруг меня, — восклицает мысленно Никитина. Это приподнятое настроение не покидало ее в течение целого дня и было замечено всеми, но никто не беспокоил ее вопросами.

Прошли три дня дежурства Розы и ее возвращения ждали с минуты на минуту. В ожидании известий, Елизавета Васильевна, чтобы как-нибудь убить время, придумывала для себя все новые и новые работы и никакой усталости не чувствовала, несмотря на то, что приходилось делать все самой, так как Анна была так слаба, что еле двигалась по комнате.

Но вот долгожданный момент наступил: Роза ввалилась в кухню и тут же тяжело опустилась на скамейку. Все присутствующие так и впились в нее глазами, но ничего не спрашивали.

— Знаете, что случилось? — вскрикнула она с силой. — Мише лучше!

— Рассказывай подробно, — вырвалось у всех.

— Когда я приехала в субботу вечером и взглянула на Мишу, я подумала: все кончено, мальчик не доживет до утра. Всю ночь я не сомкнула глаз, он все время метался и стонал. Горячий был, как огонь. Уже перед рассветом я задремала и вдруг вздрогнула: в палате уже ходили служители и подметали пол. Я со страхом взглянула на Мишу и глазам не поверила: спит Мишенька спокойно, спокойно! Я притронулась к лобику — чуть-чуть покрыт испариной. Я уже и не дышу, а только со страхом озираюсь кругом, как бы его не разбудили больные.

Я доложила об этом сестре и умоляла не трогать его, пока сам не проснется. К счастью, в палате вскоре стало совсем тихо, так как все отправились в церковь. Вдруг Мишенька открывает глазки и так весело на меня смотрит, а я молчу, язык как будто прилип к небу.

— Баба, дай мне молочка с булочкой, если бы ты знала, какой я голодный!

Тут уж я окончательно пришла в себя и так и бросилась к доктору, который в ту минуту входил в палату. Все сестры сбежались к Мишиной кровати, а доктор и говорит:

— Поздравляю, Мишенька, скоро будем бегать в саду.

— В котором часу это было, Роза? — спросила каким-то странным голосом Елизавета Васильевна.

— Кончалась уже служба, значит, это было после 11 часов, когда Мишенька открыл глазки.

Ничего не сказала Никитина, только обвела всех сияющим взором.

С этого дня Миша стал поправляться.

XIII

Палата залита солнцем, и в ней, как в улье, гудят возбужденные голоса больных: у всех настроение приподнятое, ведь их любимец — Мишенька вернулся к жизни. Виновник их радости сидит, как маленький герой, и оглядывает всех своими милыми голубыми глазками. Соседи по кровати, и даже более отдаленные «квартиранты», приподнявшись на подушках, делают ему приветственные знаки рукой:

— Молодец, Миша, — взял быка за рога, болезнь-то свою, и бросил ее под откос, — заливается смехом молодой солдатик.

— Теперь, Миша, кушай побольше, а то ты выглядишь как Кащей Бессмертный, — кричит другой.

В ответ на это столь искреннее проявление участия раздается тихий, как шелест листьев, счастливый смех Миши:

— Бабушка, какие они смешные, — говорит он, прижимаясь к Елизавете Васильевне. — Один говорит, что я взял быка за рога, а я такой слабый, что и карандашика держать не могу, рука дрожит, — а другой называет меня Кащеем Бессмертным, а я на него совсем не похож. Кащей был высокий и страшный, а я маленький и никого испугать не могу.

— Это они шутят, чтобы тебя развеселить, — отвечает Никитина, а сама так и сияет от счастья. — Смотрите, — говорит она, обращаясь к Мишиным соседям. — На щечках Миши уже проступает румянец, а глазки-то как блестят! — и она с гордостью окидывает взором своего любимца.

— Ну, вот и слава Богу, довольно вы с ним намучились, мы уж думали, что вы не выдержите, — отвечают ей больные.

— Тише, тише, господа, мальчик еще слабый, и всякое возбуждение ему вредно, — старается унять не на шутку расходившихся больных дежурная сестра. Впрочем, и доктора, и сестры разделяют общую радость. Подойдя к кроватке Миши, д-р Левитский, указывая на табличку, говорит своему коллеге:

— Признаюсь откровенно, что этот почтенный джентельмен доставил мне немало тревожных минут. Его табличка выглядела так, как у того, кому осталось жить несколько часов, а теперь — взгляните только на него: чем не герой! И кому он обязан своим выздоровлением — не знаю, только не мне, — и, заливаясь громким смехом, он продолжал свой обход.

— Я-то хорошо знаю, — что Мишенька обязан своим выздоровлением св. Косьме и Дамьяну, и воспоминание об этом я буду хранить до конца моих дней, — подумала Елизавета Васильевна.

Нельзя описать ощущения той безграничной радости, которое охватило все существо Елизаветы Васильевны с того момента, когда произошел перелом в болезни Миши. Перед ней был теперь совершенно иной ребенок, который постепенно оживал. Что ни день, то новая радость, и это окончательно убеждало Никитину, что мальчик — на пути к выздоровлению. Теперь Миша просыпался веселый и с аппетитом завтракал. Конечно, Елизавета Васильевна старалась исполнить малейшее его желание и по несколько раз в день бегала в город доставать просимые им лакомства, которые, конечно, не могли входить в больничное меню. Сестру, измерявшую температуру, она встречала со спокойной улыбкой, как желанную вестницу, которая приходит, чтобы лишний раз подтвердить, что ее Мишенька — вне опасности. Когда мальчик, после обеда, засыпал, она спокойно уходила в город, тоже обедать, а затем сидела в садике, на скамейке, в тени деревьев, наслаждаясь летним воздухом. Она не спешила подыматься наверх, так как знала, что Мишенька погрозит ей пальчиком и скажет:

— Почему ты так скоро вернулась, ведь я же тебе сказал, чтобы ты отдохнула в саду, а я могу оставаться теперь и один.

— Милый мальчик, он уже заботится обо мне, — и нежное чувство к мальчику-страдальцу заливает ее душу.

Летела неделя за неделей, дежурства регулярно сменялись, и Елизавета Васильевна, с каждым своим приездом в госпиталь, находила в мальчике большую перемену. Личико начало округляться, цвет лица был свежий, чуть-чуть розоватый, и даже губки не казались такими бескровными, как прежде. Домой она привозила неистощимый запас рассказов о Мише, и муж и сын, слушая ее, радовались, что перед ними, наконец, их прежняя Лизочка-мама.

Весть о выздоровлении Миши облетела весь круг знакомых, и каждый вечер кто-либо из хористов забегал к Никитиным, узнать подробности от вернувшейся одной из трех «сестер милосердия». Что же касается Екатерины Петровны и госпожи Натальи, то они просили Никитину рассказывать по несколько раз историю чудесного исцеления Миши со всеми подробностями, начиная с момента ее прихода в церковь. Затаив дыхание и не спуская глаз с рассказчицы, слушала Наталья, и глаза ее сияли.

Наконец, Николаю был дан долгожданный отпуск.

— То-то обрадуется Мишенька, — ликовала заранее Елизавета Васильевна.

Похудевший и загоревший от пребывания на солнце, Николай произвел на всех очень хорошее впечатление. Движения его были быстры и решительны. Вбежав в комнату, он бросился к матери и закружил ее так, что она не могла перевести дыхания.

— Неужели же вы так-таки и выходили Мишу, вырвали, можно сказать, из когтей смерти? — спрашивал он, целуя всех по очереди. — Воображаю, как ты измучилась, мама, совершая свое паломничество в Панчево и живя в вечном страхе перед неизбежной катастрофой! Признаться откровенно, я был в этом убежден, когда увидел Мишу в городской больнице. Бедная мамочка, как ты выстрадала, и, конечно, вся заслуга, что Миша не умер, принадлежит тебе. — И Николай нежно поцеловал мать.

— Да, мой милый сынок, пережили мы много тяжелого и теперь мне еще не верится, что это страшное время позади.. Ты вспоминаешь, как ужасно выглядел Миша в городской больнице? А что бы ты сказал при виде его после второй операции в Панчево! Еще и теперь я не могу отделаться от этих тяжелых воспоминаний. Часто перед моими глазами всплывает страшная картина: на кровати лежит восковой скелет с закрытыми глазами, это — наш бедный Миша! Рубашечка его вся пропитана гноем, от которого разносится не поддающийся описанию острый запах, вызывающий тошноту. — Елизавета Васильевна замолчала. Затем с волнением продолжала. — Не думай, Ника, что Миша одолел свою болезнь благодаря нашему уходу за ним или даже искусству нашего талантливого и самоотверженного доктора Левитского. Нет, сынок, он этим обязан исключительно высоким небесным покровителям, св. Косьме и Дамьяну, — и она рассказала удивленному Николаю о том, что случилось после того, как она помолилась у мощей этих святителей.

С напряженным вниманием выслушал Николай чудесную повесть исцеления сына и, когда мать замолчала, дрожащим от волнения голосом сказал:

— Да, это, действительно, чудо.

— Значит, мы можем с Никой ехать завтра, — вмешался молчавший до сих пор Сергей Константинович. — Пусть он воочию убедится, что Мишенька выглядит уже молодцом.

— Ты очень удачно приехал, — подхватила Елизавета Васильевна. — Завтра дежурство Анны кончается, мы выедем с таким расчетом, чтобы ее застать на месте, и прихватим с собой Розу, которая там останется, а мы все вернемся, чтобы использовать твой кратковременный отпуск.

В приподнятом настроении выехала семья Никитиных на другой день с сияющей от радости Розой. Она очень гордилась тем, что именно в ее дежурство произошел перелом в болезни Миши. Сидевший рядом с ней Андрей шутил и рассказывал забавные истории, вызывая смех у своих спутников.

— Да неужели же и мы обрели право смеяться? А я думала, что я уже разучилась, — воскликнула Елизавета Васильевна. Роза покачала головой:

— Не может быть вечной радости, как и вечной печали. «Све додже, све продже»*), — добавила она.

— Браво, госпожа Роза, вы — настоящий философ, — выпалил Андрюша, и его слова были покрыты дружным хохотом.

Веселой гурьбой ввалились в палату Никитины, всполошив больных, которым такой наплыв визитеров показался необычайным.

При виде входящих, Анна так и всплеснула руками в то время, как Мишенька весь натянулся, как струна, и радостно прошептал: «Папочка!»

— Неужели же это — Миша? — вздрогнул Николай. — Воображаю, как он выглядел раньше, если они все так довольны его видом. — Однако, он не выразил своего чувства и ласково обнял мальчика.

Головка на тоненькой, как стебелек, шейке закачалась во все стороны, губки сложились в улыбку, и Николай скорее угадал, чем расслышал, тоненький голосок:

— Почему ты так долго не ехал, папочка?

— Не мог, деточка, ты же видишь, что я еще солдат и отлучаться по своему желанию не могу. Да и, кроме того, мне здесь не нашлось бы и места, ведь у тебя теперь три няни, — и с этими словами он протянул мальчику свою фуражку. Анна, под громкий смех всей палаты, нахлобучила фуражку на голову мальчика, которая ушла в нее по самые глаза.

— Вот так солдат, — закричали больные, — сразу видно, что пора отбывать воинскую повинность!

Глазки Миши сияли от счастья, что его папочка, наконец, возле него. Время свидания пролетело, как миг, и когда Никитины поднялись, чтобы попрощаться, личико Миши сразу осунулось и побледнело, а на ресницах заблестели слезинки.

— Опять уходите и меня оставляете, — вырвался у него упрек.

— Теперь уже не надолго, — целуя мальчика сказал Николай. — Срок моей службы кончается, а к тому времени и тебя выпустят из больницы, и тогда мы заживем на славу. — Личико мальчика прояснилось и на губах заиграла улыбка.

— Теперь с тобой останется Роза, а мы проводим папу на поезд, — сказала Елизавета Васильевна, — а когда я приеду ее сменить, мы поговорим с доктором, чтобы он нас отпустил домой и он наверное согласится.

— Ты так думаешь, бабушка? — и Миша с сомнением покачал головкой. — А как было бы хорошо лежать в моей постельке, — добавил он мечтательно.

— Все придет, Мишенька, не беспокойся, — сказал Сергей Константинович, — главное — кушай хорошо и набирайся сил.

После долгих прощаний Никитины двинулись, наконец, к выходу. Обернувшись на пороге еще раз, они увидали, как Миша напряженно смотрит им вслед, и грустный его взгляд заставил сжаться сердце Елизаветы Васильевны. Стоящая рядом Роза шептала ему что-то на ухо...

*) Все придет, все пройдет.

Проводив сына, Елизавета Васильевна стала собираться в поход на смену Розе. На этот раз она взяла с собой пачку цветных карандашей, тетрадки с картинками для раскрашивания и книжки со сказками. Мишенька встретил ее, как всегда, с радостью и отнесся совершенно равнодушно къ отъезду Розы, что было ею замечено. С обидой в голосе она пробурчала:

— Я вижу, Миша, что ты очень доволен, что я уезжаю, ну, что же, насильно мил не будешь, может быть, мне вообще лучше тебя не навещать?

— Нет, нет, баба, приезжай, — торопливо заметил мальчик, обнимая ее за шею, как бы желая загладить свою холодность.

— Сладко дете, ну, конечно, я приеду, если бы ты даже гнал меня, я все равно вернусь сюда, так как не видеть тебя долго я не могу! — И Роза, утирая слезы, поцеловала Мишу и, попрощавшись с Никитиной, покинула палату.

Теперь, сидя у ног Миши, Никитина, не спеша, раскладывала на одеяле привезенные новинки. С большим интересом и как-то бережно брал Миша в руки карандаши и внимательно их рассматривал.

— Как давно я не писал, мне кажется, что я не напишу самой простой буквы, все придется начинать сначала, — и Миша тут же начал выводить букву «и». Однако рука его дрожала, и от слабости, и от неудобного положения, и он, откинувшись с огорчением на подушку, прошептал: — не могу.

— Ну, еще бы, и я не написала бы, сидя в кровати, а вот когда встанешь и сядешь за стол, то так напишешь, что папа удивится. Сейчас утомляться не надо, вот рассматривай картинки, — заметив, что мальчик расстроен, сказала Елизавета Васильевна.

Мальчик молчал, и видно было, как он о чем-то сосредоточенно думает. Никитина стала перебирать книжки, чтобы найти его любимую сказку об Аленушке и ее братце.

Услыхав движение мальчика, Елизавета Васильевна подняла глаза и встретилась с пристальным взглядом Миши. Губки его беззвучно шевелились, как будто он не решался сказать того, что лежало у него на сердце.

— Что ты так печально смотришь, Мишенька? — спросила она мальчика.

— Знаешь, что я думаю, бабушка, — заговорил, запинаясь, Миша, — сперва я не хотел тебе об этом говорить, чтобы тебя не огорчать...

— Чем же ты можешь огорчить меня? — перебила его Никитина, думая, что он не решается попросить у нее новую игрушку. — Говори смело, ты прекрасно знаешь, что бабушка тебя так любит, что не может ни в чем тебе отказать.

— Вот именно, потому я и не решаюсь, — тихо ответил Миша и вдруг, как бы собравшись с силами и все так же пристально глядя на Никитину, твердо сказал: — мне кажется, что все, что мы делаем, все это напрасно... — и он поник головкой.

— Я не понимаю тебя, Мишенька, что же именно мы делаем напрасно? — не на шутку встревоженная, спросила Никитина.

— Да вот, что меня с таким трудом вылечили, что ты и мама так измучились, сидя возле меня в больнице. А для чего все это? Чтобы я жил? Но на земле ведь люди страдают и от болезней, и от голода, и

от холода, как мой друг, помнишь? А там... — он показал пальчиком на небо, — там лучше.

Ошеломленная таким заявлением, Никитина не находила слов, чтобы дать другое направление мыслям ребенка. Слезы брызнули у нее из глаз и она стала покрывать поцелуями головку Миши. Радость ее как-то сразу потухла и самые тяжелые предчувствия закрались в ее душу и придавили, как камнем.

К счастью, подавленное настроение Миши на другой день совершенно исчезло. Сидя, окруженный подушками, он на одной из них раскладывал свои любимые сказки и разговаривал с ними, как с друзьями, которых он давно не видел.

— Вот он, мой любимый Иван-дурак, — показывал он своему соседу сказку о Коньке-Горбунке. — Видишь, он сидит на полатях и слушает разговор отца с братьями. Не думай, что он на самом деле дурак, нет, это он поймал Конька-Горбунка.

С любопытством рассматривает картинку солдатик и с интересом слушает объяснения Миши.

— А вот здесь говорится о войне грибов. «Гриб-боровик — над всеми полковник», — и Миша указывает пальчиком на белый гриб, нарисованный на картинке, — он приказал всем на войну идти. Но никому не хочется воевать и все отказываются, а про опеночек говорится так: «отказалися опенки, говорят, что ноги тонки». У них ножки такие слабенькие, как у меня, — и Миша вытягивает свои ножки-палочки из-под одеяла.

— Да, действительно, с такими ножками далеко не уедешь на войне, — соглашаются, улыбаясь, слушатели.

— Ты, оказывается, ничего не забыл из того, что мы учили? — с удивлением спрашивает Елизавета Васильевна.

— Конечно, нет, — подтверждает Миша.

Вот Миша берет другую открытку и спрашивает своего соседа:

— Кто это такой?

— Не знаю, Мишенька, я человек неграмотный...

— Это — князь Олег. Он поставил ногу на череп своего любимого коня, а оттуда выползла змея и укусила его за ногу, от этого он и умер, — объясняет серьезно Миша. — А вот это — Садко, который попал в царство морского царя, на дно моря. Царь приказал ему играть на гуслях, а сам начал танцевать. От этого пошли большие волны и корабли стали тонуть.

Мишин голосок привлекает больных с дальних кроватей, и они окружают Мишу тесным кольцом.

— А есть у тебя что-нибудь из божественного? — спрашивает нерешительно старик, стоящий позади.

— Есть, конечно, есть, — захлебываясь от радости отзывается Миша и тут же поспешно раскрывает новую пачку открыток. — Вот этот дедушка с топориком в руке, это — св. Серафим Саровский, — объясняет он. — Он не боится зверей, потому что они его любят. Когда он сидит на пороге своей келейки, к нему подходит медведь и берет хлеб из его рук.

— Да неужто медведь? — усумнился кто-то.

— Я тебе говорю, значит — правда, — авторитетно отвечает Миша, чем вызывает веселые улыбки. — На этой картинке царь Константин и царица Елена, — продолжает объяснять Миша. — При них были

найдены три креста: Иисуса Христа и двух разбойников. Чтобы узнать, на каком из них был распят Господь Иисус Христос, принесли мертвеца и стали класть его на каждый крест по очереди. И вот, когда положили на третий — мертвец воскрес.

— Чудеса! — вырывается восклицание у солдатика.

— Миша! — кричит кто-то. — Открывай школу и учи нас!

И мальчик в восторге хлопает в ладоши.

Вскоре произошло маленькое происшествие, которое внесло разнообразие в монотонную жизнь палаты.

— Ну, Мишенька, могу тебе сообщить интересную новость, — весело заговорила сестра, входя утром в палату. — Ты переезжаешь на новую квартиру, и, что самое интересное, это то, что у тебя будет молоденький сосед, а не такой бородатый, как этот дядя, — и она, смеясь, указала пальцем на Мишиного соседа слева.

— Что же это вы, сестрица, нас обижаете? — заговорил другой, с правой стороны. — Мы без Мишеньки жить не согласны и не можем восстать от одра болезни, если он уйдет от нас. — Этот больной любил употреблять книжные выражения.

— Ничего не поделаешь, придется вам примириться, таково распоряжение начальства, чтобы дети были рядом.

— Дети! Значит, мой сосед будет...

— Такой же мальчик, как и ты, и с такой же болезнью, — договорила сестра. — Ты сегодня его увидишь, а пока что будем переезжать, — и сестра Лиза принялась энергично за работу. Приготовив постель на другом конце палаты, она, закутав Мишу в одеяло, перенесла его на новую квартиру. Другая кроватка рядом ожидала нового пациента.

Миша пришел в большое волнение и забрасывал бабушку вопросами:

— Он больше или меньше меня? Интересно, как его зовут? Захочет ли он со мной играть в шашки?

— Потерпи немножко, скоро все узнаешь, — старалась его успокоить Елизавета Васильевна, но мальчик вертелся в нетерпении по кровати, разбрасывая подушки и одеяла.

Наконец, только к вечеру, появились новые жильцы. Небольшого роста женщина несла на руках мальчика, который громко стонал. Ребенка уложили в постель и, когда сестра удалилась, бедная женщина, вся в слезах, стала оглядываться по сторонам, как бы ища поддержки и совета.

Порывисто встав со своего места, подошла к ней Елизавета Васильевна. На испуганный вопрос женщины, разрешат ли ей остаться при ребенке, Никитина ответила утвердительно.

— Завтра операция, как-то она удастся, — сокрушалась новоприбывшая.

—Об этом вы не беспокойтесь, — поспешила успокоить ее Никитина. — Здесь прекрасный врач, скольких он уже спас от смерти. Вот спросите больных, в каком состоянии я привезла моего Мишу, а вот видите, он уже в числе выздоравливающих.

Усевшись рядом, как старые знакомые, они делились своим общим горем, рассказывая друг другу подробности о заболевании детей.

— У вашего мальчика не может быть таких осложнений, какие были у Миши, потому что вы поступили благоразумно и привезли

ребенка сразу сюда. А мой Миша попал сперва в городскую больницу, где операция была сделана очень плохо.

Под влиянием слов Никитиной женщина понемногу стала успокаиваться.

На другой день, в 11 часов утра, мальчика, которого звали Гришей, понесли на операцию. Как ни старалась Елизавета Васильевна отвлечь внимание Миши, рассказывая ему сказки, это ей плохо удавалось: Миша не сводил глаз с дверей. Наконец, на пороге появилась сестра с безжизненным Гришей, еще не совсем пришедшим в себя от наркоза, сладковатый запах которого распространился по палате.

Миша побледнел, болезненно сморщился и зарылся головой в подушку. Однако через несколько минут он приподнялся и стал широко открытыми глазами смотреть на Гришу, который метался и стонал.

— Так было и со мной, я теперь все вспомнил, и как Грише тяжело, знаю только я, — улыбнувшись сквозь слезы, сказал Миша.

Как и предполагала Никитина, операция Гриши прошла без всяких осложнений, и, спустя несколько дней, он уж мог беседовать со своими соседями. Дети быстро подружились и обменивались книжками и картинками к большой радости обеих женщин, которые любовались их оживленным настроением.

Принятие пищи детьми было настоящим священнодействием. Каждая съеденная ложка являлась победой над болезнью, а, следовательно, — неиссякаемым источником радости для обеих женщин, для которых весь мир заключался в этих двух маленьких существах.

Гришина мать сидеть в больнице неотлучно не могла, и, когда опасность миновала, она уехала домой со спокойным сердцем, так как все три «няни» Миши обещали смотреть и за Гришей, за что мать со слезами их благодарила.

XIV

Свежая, душистая весна сменилась душным летом. Дни стояли необычайно жаркие. Видя, как больные уходят в сад гулять, Миша с тоской смотрел им вслед.

— Бабушка, — приставал он к Елизавете Васильевне, — попроси ты доктора, чтобы он разрешил санитару вынести меня в сад, там так хорошо! — и он с мольбой смотрел на Никитину. Елизавета Васильевна не раз подумывала об этом, но все не решалась обратиться с этой просьбой к доктору. Она сперва выразила желание вынести Мишу на свежий воздух старшей сестре, а когда та сообщила это доктору, тот сперва нахмурился и проворчал:

— Ох, уж эти мне родители, вечно суют нос не в свое дело и торопятся опережать события. — Потом, помолчав немного, добавил: — в безветренные дни выносите сперва на часок, а затем постепенно можете оставлять его на более продолжительное время.

Итак, наступили, наконец, желанные дни, которых бабушка и внук ожидали с таким нетерпением. После завтрака служитель переносил Мишу на раскладную кровать в защищенный от ветра уголок сада, и больничная обстановка сразу исчезала.

— Здесь мы, как дома, совсем одни! — восхищался Миша.
Ему так нравилось сидеть в волшебном саду, как он называл этот уго-

лок, что он просил приносить ему сюда и обед, на что Никитина охотно соглашалась: чтобы у мальчика улучшился аппетит на свежем воздухе, она готова была бегать по лестнице вверх и вниз по несколько раз, не чувствуя никакой усталости. Когда Миша заканчивал свой обед, Елизавета Васильевна укладывала его головку поудобнее на подушку и говорила:

— Теперь Мишенька будет спать, а бабушка пойдет обедать.

— Иди, — сонным голоском отвечал мальчик и быстро засыпал. По возвращении из города, Елизавета Васильевна заставала Мишу спящим и, стараясь не шуметь, усаживалась на скамейку и погружалась в чтение газеты.

Послеобеденные часы были особенно мучительны, так как становилось очень душно. Все изнемогали в поисках прохладного местечка. Мишенька нервничал, капризничал и явно терял аппетит, что приводило в отчаяние Елизавету Васильевну. Ни одна сказка его уже не интересовала — он их знал наизусть. О Елизавете Васильевне и говорить нечего: она буквально с отвращением брала эти книжки в руки, и, читая машинально, улетала мысленно в Белград, в свою квартиру, к своим мужу и сыну, которых она оставила на столь продолжительное время. Тосковала она и по хору, и желание возобновить пение в церкви становилось у нее все сильнее.

Ее кипучая натура требовала постоянного движения и всякая работа, как бы тяжела она ни была, являлась для нее только желанной. Пока была опасность за жизнь ребенка, она жила исключительно нервами, и вся была поглощена уходом за ним. Теперь наступила вторая фаза: опасность миновала и только время должно было делать свое; ускорить выздоровление люди были бессильны, приходилось только ждать в полном бездействии.

Этот период времени — спокойный, но однообразный — тянулся бесконечно для Никитиной. Однажды денек выдался особенно душный. Не чувствовалось ни малейшего ветерка, природа, казалось, застыла.

— Хотя бы разразилась гроза с сильным ливнем, чтобы освежило воздух! — говорили больные, слоняясь из палаты в сад и обратно, нигде не находя желанной прохлады.

Тщетно ломала себе голову Елизавета Васильевна, чем бы развлечь Мишу, который апатично смотрел вокруг себя и не отвечал даже на вопросы бабушки.

— Знаешь, что, — сказала она, наконец, под влиянием блеснувшей мысли, — наш волшебный уголок стал скучным, не хочешь ли ты прогуляться в настоящем волшебном саду, куда попала, однажды, девочка и, гуляя там в сопровождении доброй феи, увидала все чудеса, о которых раньше читала в сказках.

— Ты шутишь, бабушка, — недоверчиво протянул Миша.

— Нисколько. Хочешь, я тебе расскажу об этой девочке?

— Ну, конечно, рассказывай скорей, — оживился Миша.

— Был летний вечер, — начала Елизавета Васильевна. — В спальне, в белой кроватке лежала девочка, по имени Муся. На стуле, возле нее, сидела бабушка и, как всегда, рассказывала ей сказку на сон грядущий. Когда бабушка змолчла, Муся глубоко вздохнула.

— Какая раньше была интересная жизнь и каких только не было чудес! Хоть и страшно, конечно, а все же я хотела бы повидать собст-

венными глазами и бабу-Ягу, и Кащея Бессмертного, и лешего, и русалок! Побывать в волшебном царстве, вот чего мне хотелось бы! — и Муся при этих словах даже приподнялась на подушке.

Ничего на это не ответила ей бабушка и, встав с места, стала поправлять фитилек в лампадке перед иконой. Когда она вернулась к кроватке, то увидала, что Муся уже мирно спит. Тогда бабушка, перекрестив внучку, бесшумно вышла из комнаты.

— Бабушка ушла, думая, что я сплю, а я нарочно притворилась спящей, чтобы она не помешала мне привести в исполнение мой план. Я твердо решила итти искать волшебное царство, — и Муся тихо рассмеялась.

— Она напряженно прислушивается.. Все тихо... Значит можно... Пора... Сердце ее усиленно бьется.. Она выскакивает из кровати и одним прыжком подбегает к открытому окну. Мягкий лунный свет разливается по деревьям, кустам и лужайкам. Минута колебания — и... Муся стоит уже на лужайке, покрытой капельками росы.

Но что это? Как только Мусины ножки коснулись земли, вся картина изменилась...

В недоумении оглядывается Муся. Бабушкиного дома — как не бывало! Вместо лужайки с кустами роз — высокие, стройные деревья, покрытые невиданной красоты цветами. Тропинки разбегаются во все стороны и, кажется, что им и конца нет. Муся стоит в нерешительности, не зная, какую тропинку выбрать, и в каком направлении итти. В ветвях деревьев весело распевают птички в чудном оперении, белки перепрыгивает с одной верхушки на другую, и все ей приветливо кивают головками, как желанной гостье.

И не успела Муся притти к какому-нибудь решению, как из густой листвы вышла стройная девушка в длинной белой одежде, с короной на голове и жезлом в руке. Улыбаясь, подошла она к девочке и сказала нежным голосом:

— Я слыхала о твоем желании побывать в волшебном царстве, вот я и хочу тебе помочь увидать те чудеса, о которых ты слыхала от бабушки. С этими словами она подала руку девочке, а Муся доверчиво пошла рядом с ней.

Вот они вышли на большую поляну, на которой стоял развесистый дуб.

— Взгляни, узнаешь котика? — спросила фея.

Муся так и застыла на месте. Вокруг дуба, на длинной цепи, ходил громадный черный кот с большими круглыми зелеными глазами. Он шел то вправо, то влево, и все время распевал песни и рассказывал сказки.

В некотором расстоянии от дуба, осторожно пробирался сквозь чащу, останавливаясь и к чему-то прислушиваясь, страшный леший. На ветвях деревьев девочка увидела хорошеньких русалок. Их длинные волосы спускались по спине с вплетенными в них зарослями, а на головах они имели венки из красивых цветов. Они раскачивались на тоненьких веточках, которые гнулись под их тяжестью, но не ломались, и весело хохотали, стараясь поймать лунные лучи, которые обливали светом их головки.

— Совсем, как в сказке, — прошептала Муся.

— Нет, это — то волшебное царство, о котором ты мечтала и дума-

ла, что оно существует только в сказке. Но пойдем дальше.

По тропинке мимо них бежали маленькие человечки в красных колпачках, с топориками за плечами.

— Карлики, — шепчет Муся. Она сразу их узнала. — Они бегут на работу, но почему они так печальны и утирают слезы, которые скатываются по их щекам? — спрашивает она фею.

— Разве ты не помнишь, что они не уберегли девочки, которую они приютили, чтобы спасти ее от злой мачехи? К счастию, она не умерла, а, откусив кусочек отравленного яблока, заснула глубоким сном на много лет. Карлики положили ее в стеклянный гроб и она лежит в нем ожидая, пока не явится царевич и не разбудит ее. Карлики, каждый раз, идя на работу, бегут к гробу, чтобы взглянуть на девушку, которую они полюбили, как родную сестричку.

Не успела девушка оторвать взора от любимых карликов, исчезавших вдали, как перед ней вырос замок, вокруг которого так густо росли деревья, что подойти к нему, казалось, не было возможности. Однако, перед феей кусты расступились и она с Мусей свободно прошла в самую гущу. Они вошли во двор, и то, что представилось глазам девочки, было так необычайно, что она не была в состоянии произнести ни единого слова.

Мужчины, женщины, повидимому, слуги замка, в самых разнообразных позах, спали: сидя, лежа, стоя. В конюшнях спали лошади, а в хлевах — овцы и свиньи. То же и в птичнике: ни куры, ни гуси — не шелохнутся. Фея с Мусей входят в кухню. Повар в белом колпаке стоит перед плитой со сковородой в руке, на которой лежит блинчик. Другую руку он поднял, чтобы дать подзатыльник поваренку, но в этот момент сон охватил его, как и поваренка. В большом зале спит король, королева, все придворные, стража . . . А в комнатке, наверху, спит единственная дочь короля: злая фея обрекла ее на смерть, когда ей исполнится шестнадцать лет, но другая фея, добрая, превратила эту беду в столетний сон, который и объял все королевство.

— Я знаю, — приходя в себя от удивления, сказала Муся, — они все проснутся, когда их найдет храбрый королевич . Но найдет ли он сюда дорогу? — озабоченно спросила она.

— Найдет, не беспокойся, — улыбнулась фея.

Вот они снова стоят на открытом месте. Мимо них летит золоченая карета с зеркальными окнами, запряженная белыми лошадьми. В открытом окне мелькнуло необычайной красоты лицо девушки, в красивом платье, со стеклянными туфельками на ногах.

— Золушка! — захлопала в ладоши Муся.

— Да, это она едет на бал, благодаря своей крестной матери, доброй фее.

Не успела промчаться карета, как над их головами пронеслось чудовище, в руках которого лежало безжизненное тело девушки.

— Кащей Бессмертный! — в страхе закричала Муся.

— Не бойся, девочка, ему осталось недолго праздновать победу. Храбрый витязь Руслан победит его в бою и освободит Людмилу из плена. Помни, детка, что в борьбе зла с добром всегда добро восторжествует, потому что Бог видит все и помогает тем, кто борется за доброе дело.

Но вот они вышли на берег моря. Синие волны, как бы стараясь догнать одна другую, заливают песчаный берег. Какая мирная карти-

на! На пороге избушки сидит старуха и прядет пряжу. Она то и дело бросает озабоченный взгляд в сторону своего старика. В лаптях и в белой рубахе, подвязанной простой веревкой, он тянет сети и смотрит на них с надеждой, не попалась ли рыбешка, из которой его старуха сварит вкусную уху. Вот это все, что им нужно и они будут счастливы.

— Милая фея, — в сердечном порыве вскрикнула Муся, — зачем эта глупая бабка захотела иметь богатый дом, и с тех пор бедный дедушка ничем не мог ей угодить, а в лачужке им было так хорошо!

Фея грустно улыбнулась. — К несчастию, люди никогда не довольны тем, что имеют. По мере того, как богатство их увеличивается, растет и их жадность, а отсюда происходят все несчастия.

Теперь на море появилось большое количество судов под парусами, которые легко скользили по голубой поверхности воды.

— Куда они плывут? — спрашивает Муся.

— Это плывут купцы к чудному острову Буяну, о котором прослышал царь Салтан. На этом острове стоит город с златоглавыми церквами и дворцом.

Муся смотрит, куда ей указывает фея, и видит перед дворцом большую ель, а под ней хрустальный домик и в нем ручную белочку. Она грызет орешки, у которых зерно — чистый изумруд, а скорлупки — золотые. Девушки же ведрами носят сокровища в царскую кладовую.

— На этом острове, деточка, — сказала фея, — народ богат и счастлив, а царствует на нем молодой сын царя Салтана. Злые тетки хотели погубить ребенка, засадили его вместе с матерью в бочку, засмолили и бросили в море. Но волны морские прибили бочку к этому острову и мать с сыном вышли из нее живы-невредимы. С тех пор царевич Гвидон стал царем острова и живет здесь на радость народа, который его очень, очень любит!

— И я хочу туда, там я хочу жить! — кричит громко Муся.

— Где ты хочешь жить? — спрашивает бабушка, а сама смеется. — Смотри, где твоя подушка и одеяло! Все сбила в ноги, вероятно, бегала ночью по таинственным дорожкам волшебного царства. Угадала, неправда ли?

Муся с удивлением смотрит на бабушку. Она никак не может вспомнить, как рассталась она с доброй феей, как она нашла дорогу к дому и как легла снова в свою кроватку.

— Бабушка, — говорит она, наконец, — как могла ты угадать, что я ночью убежала, ведь я же выпрыгнула в окно, когда ты ушла?

Теперь бабушка громко расхохоталась.

— Конечно, я ничего не слыхала, и мне не могло притти в голову, что ты окажешься такой храброй, а все-таки я знаю, что ты видела волшебное царство, о котором мечтала и даже хочешь туда переселиться.

— Да, бабуся дорогая, я видела собственными глазами все чудеса, и чудную белочку, и много других, я тебе расскажу обо всем по порядку.

Ну, вот и прекрасно, я надеюсь, что когда ты захочешь переселиться на чудесный остров, то не забудешь взять с собой и твою старенькую бабушку, — натягивая чулки на ножки своей любимицы, говорила бабушка.

Муся обвила руками шею бабушки. — Добрая фея, которая меня всюду водила, конечно, позволит взять и тебя!

— Вот и отлично, а теперь быстро умывайся и идем скоренько завтракать.

— Бегу, бегу, весело крикнула Муся, выбегая из комнаты.

— Фантазерка, — качает головой бабушка и спешит вслед за внучкой.

Елизавета Васильевна замолчала и взглянула на Мишу, который весело улыбался.

— Ты права, бабушка, мне кажется, что и я побывал в волшебном царстве, и что я шел рядом с девочкой и видел те чудеса, которые и она видела. Счастливая, — вздохнул он, — а вот мне это не удастся никогда.

— Ну и глупенький же ты, как я погляжу, — рассмеялась Елизавета Васильевна. — Ты тоже можешь все это увидеть таким же образом, как и она.

Миша смотрит удивленно на бабушку.

— Не догадываешься? Во сне, конечно. Феи существуют только в сказках, на самом же деле, люди бывают добрые и злые, но чудесного они ничего сделать не могут.

Время тянулось бесконечно. От частых поездок и сидения без дела в больнице все три сиделки положительно изнемогали, но твердо решили исполнить свой долг до конца и не оставлять Мишу до последнего дня его пребывания в больнице. Все чаще и чаще стала выражать нетерпение Роза:

— Нужели же не будет конца нашему здесь сидению, — говорила она. — Когда же, наконец, нас выпустят из тюрьмы?

— Потерпим еще немного, Роза, — говорила Никитина, — больше терпели, меньше осталось.

И это предсказание исполнилось скорее, чем они могли предположить. В один из августовских дождливых дней дети капризничали от скуки: ни книжки, ни игрушки их уже не забавляли. Силы их крепли и, вместе с тем, и желание двигаться становилось все интенсивнее.

— Мама, — крикнул Гриша, — пусти меня побегать по полу, хотя бы только возле кровати.

Миша к нему присоединился, и теперь оба хором начали требовать, чтобы их спустили на пол.

— Да пустите их побегать, видите, детям невмоготу сидеть прикованными к кровати. Взрослому тяжело, а каково-то ребяткам, — послышались со всех сторон голоса больных.

Женщины ничего не ответили и молча стали натягивать чулки на ноги мальчиков, а затем надели им мягкие туфли.

— Ну, попробуй, Мишенька, стать на ножки, — с беспокойством сказала Елизавета Васильевна, поддерживая мальчика.

Миша побледнел и ножки его дрожали. Ручкой он держался за спинку кровати. Гриша выглядел бодрее.

— Ну, вот и хорошо, не спешите, только, а ступайте осторожнее, — поощряли их больные. — В первую минуту головка будет кружиться, а потом все пройдет.

Держась за руки, дети вышли на середину палаты и, улыбаясь, поглядывали друг на друга. Больные, свесивши головы, с любопытством наблюдали необычайную картину.

И вот тут-то случилось нечто, чего никто не мог предвидеть. Не сказавши ни слова, мальчики, как бы сговорившись, начали какой-то своеобразный танец, кружась и приседая. Все остолбенели. Две маленькие фигурки, как две восковые куколки, движутся в каком-то особенном ритме и, приседая, заливаются веселым смехом. Кто-то догадался сбегать в канцелярию и позвать доктора. На пороге толпились больные из других палат и служители.

— Да неужели же это — Миша? — повторил несколько раз доктор, вытирая выступившие на глазах слезы.

Дети так разошлись, что загнать их в кровать было нелегким делом. С этого дня им было разрешено ходить по палате и они обходили постели больных, что доставляло и тем, и другим большое удовольствие.

Теперь Миша стал упорно стремиться домой.

— Бабушка, — говорил он с мольбой в голосе, — ну зачем же я тут сижу? Температура у меня нормальная, лекарств я больше не принимаю, а ранку, которая еще не зажила, будет перевязывать дедушка, который все умеет делать.

Елизавета Васильевна заговорила об этом с сестрами, но те только отмахивались и утверждали, что спешить нечего, так как доктор хочет убедиться, что всякая опасность компликации миновала. Скрепя сердце, приходилось ждать. Единственной радостью для Елизаветы Васильевны и для Миши были церковные службы в домовой церкви.

На редкость отзывчивым к страданиям больных был отец Петр. Вдохновенные его проповеди о любви Господа нашего Иисуса Христа к страждущим проникали в сердца обитателей госпиталя и укрепляли их веру. И поэтому каждый, кто мог, хотя бы с трудом, передвигаться, стремился в храм. Елизавета Васильевна сидела, держа Мишу на коленях, в приготовленном для нее кресле — будь это на всенощной или на литургии. С удовольствием слушала она исполнение песнопений стройным хором местных певчих и переносилась мысленно в Белград, где в то же время пел ее родной хор. Часто Миша просил, чтобы его поднесли к причастию, и, вернувшись в палату, говорил, что уже совсем здоров.

Наступил неприветливый сентябрь. Потянуло осенью. В воздухе чувствовалась пронизывающая сырость. Сильный ветер шумел в ветвях деревьев, которые жалобно скрипели и с каждым днем все больше обнажались. Желтые листья, гонимые порывами ветра, скоплялись на дорожках и лужайках и покрывали еще зеленеющую травку. Последние цветы виднелись то здесь, то там, но вид у них был уже жалкий. О прогулках в садике нечего было и думать. Больные, сидя в палатах, с тоской смотрели, как по окнам стекают капли мелкого дождя. Становилось неуютно, в особенности по утрам, когда обязательно открывали окна, чтобы освежить воздух в палатах. В этот час Елизавета Васильевна очень нервничала. Она обкладывала Мишу подушками, умоляя мальчика не раскрываться. Да и она дрожала мелкой дрожью, так как все еще была одета по-летнему.

— Нет, дольше я оставаться здесь не могу, — решила она вдруг. — И место занимаем, и пользы никакой. Пора и честь знать, — закончила она свои размышления и направилась в кабинет к доктору.

Тот внимательно ее выслушал и не мог не согласиться, что Никитина права.

— Хорошо, уезжайте, но будьте очень осторожны, — сказал он после некоторого колебания. — Не забывайте никогда того, что у него вынута часть ребра, и это место, хотя и затянется кожей, все же всегда будет легко подвергаться простуде, будучи плохо защищенным. Повторение этого заболевания будет для него роковым, — сказал он с ударением.

Однако предостережение доктора не встревожило Елизавету Васильевну, до того она была поглощена одной мыслью: скорей домой, уложить Мишу в теплую постельку и начать кормить по-своему.

— Каждый доктор считает своей обязанностью предупреждать об опасностях, — думала она, сидя в каюте, куда она запряталась от холодного, резкого ветра. Получив разрешение доктора, она сообщила эту радостную весть Мише и объявила, что сейчас же едет за его вещами и вернется с дедушкой.

Миша захлопал в ладоши. — Дедушка привез меня сюда, он и заберет меня, — объявил он больным. — Уезжай скорей, — торопил он Елизавету Васильевну, помогая складывать свои книжки и тетрадки.

Дома радостным восклицаниям не было конца. Все сбежались, чтобы услыхать от Никитиной весть о возвращении Миши. Особенно радовалась Наталья.

— Как мне хочется его увидеть, теперь он меня будет развлекать, а то я что-то стала прихварывать, а что у меня — я и сама не знаю, пожаловалась она Никитиной.

Действительно, она выглядела больной, побледневшей и постаревшей, что очень удивило Елизавету Васильевну.

Было решено на другой же день ехать за Мишей, и утром Сергей Константинович с женой поехали в последний раз в Панчево. Миша ждал с нетерпением. Он с радостью схватил свой любимый матросский костюмчик и ботиночки.

— Вот они, мои ботиночки, которые мне сшил дедушка, — и он нежно их погладил. Наконец, он совсем готов.

— Пойди попрощайся со всеми и пожелай им скорого выздоровления, — шепнула Никитина. И Миша стал всех обходить, с улыбкой подавая каждому ручку. Затем пошли прощаться с доктором и персоналом.

— Ну, Мишенька, будь здоров, я рад тебя всегда видеть, но только не больным, — сказал доктор, целуя мальчика.

Выразив всему персоналу искреннюю благодарность, Никитины покинули госпиталь. Сидя на коленях у дедушки, Миша щебетал, как птичка, рассказывая о жизни в госпитале.

— Дома тебя ждут гости — там и обе бабы, и Екатерина Петровна, и госпожа Наталья. Все хотят тебя видеть, — сказал Никитин.

Но вот, наконец, пароход причалил. Никитины вышли на пристань и направились к трамваю. С большим интересом Миша рассматривал улицы и дома, которые он так давно не видал. Не успели они подойти к квартире, как двери широко раскрылись, и Миша попал сразу в чьи-то объятия. Со всех сторон посыпались веселые вопросы. Однако Миша отвечал односложно, и глаза его, как будто чего-то искали. Наконец, взгляд его упал на сундук, в котором раньше хранились книги, а теперь он стоял пустой. Прежде, чем присутствующие могли со-

образить, в чем дело, Миша подбежал к нему, поднял крышку, быстро вскочил внутрь и захлопнул крышку над головой, на глазах оцепеневших от ужаса людей.

Первая опомнилась Елизавета Васильевна. Она рванулась к сундуку и быстро подняла крышку.

— Что ты делаешь, Миша, ты же можешь задохнуться, — вскричала она вне себя.

Миша, виновато улыбаясь, вышел из сундука и, обводя всех присутствующих спокойным взором, сказал:

— Я хотел попробовать, страшно ли сидеть под крышкой, и вижу, что нисколько.

Все были так подавлены разыгравшейся на их глазах странной сценой, что молча только переглядывались.

Госпожа Наталья побледнела и прошептала: Перст Божий, — но ее слов никто не расслышал.

— Ну, пойдем домой, — предложил кто-то, ведь Миша устал с дороги, и ему необходим отдых, — и все двинулись к выходу.

Оставшись одни, Никитины долго обсуждали странное движение Миши, не находя ему объяснения.

XV

На семейном совете было решено, что Миша останется на зиму в Белграде, чтобы быть всегда под наблюдением врача. Слушая разговоры старших, Миша кивал головкой:

— Конечно, я должен оставаться у бабушки, которая меня приготовит к школе, как приготовила папу и Андрюшу, и они выдержали экзамены на пятерках. — Вдруг он весело рассмеялся: — Я вспомнил сейчас, как ты мне, бабушка, рассказывала, как они испуглись, когда ты их привела первый раз в гимназию, и начальница сказала, что они могут остаться в классе. Оба ухватили тебя за платье и заревели, чтобы ты не уходила домой, правда, так было?

— Да, Миша, я хорошо помню, как это было, — захохотал Андрюша.

— А вот я не буду бояться, увидишь, — и Миша при этом стукнул по столу кулачком.

Каждый день после утреннего завтрака Сергей Константинович приготовлял все необходимое для перевязки, усаживал Мишу на табуретку и начинал священнодействовать. Елизавета Васильевна, в качестве сестры милосердия, подавала ему то то, то другое. Ранка с каждым днем заметно выполнялась, и истечение гноя почти прекратилось. Промыв ранку дезинфицирующим средством, Сергей Константинович забинтовывал всю грудь мальчика, который весело вскакивал с табурета.

Две недели спустя по возвращении Миши из больницы, Сергей Константинович, как обычно, разбинтовал Мишу и вдруг весело вскликнул:

— Мишенька, ранка исчезла, совершенно затянулась молодой кожицей.

— Значит, не надо бинтовать? — радостно закричал Миша.

— Ну, конечно, не надо... — и Сергей Константинович унес свои

бинты. С этого дня Миша уже попал в разряд здоровых и о болезни избегали даже вспоминать.

Теперь Миша принялся с рвением за науку, но любимым его предметом оставался, по-прежнему, Закон Божий. Как только приезжал Николай, Миша раскладывал перед ним свои тетрадки, читал по букварю, декламировал басни и был горд и счастлив, когда Николай, изображая на своем лице неподдельное удивление, говорил:

— Как это ты успел все это выучить за такое короткое время?

Потом он начинал, в свою очередь, экзаменовать отца. — Скажи мне, папочка, — говорил он, лукаво подмигивая бабушке, — сколько глаголов в символе веры?

— Ну, где же их все пересчитать, молитва-то длинная, — и Николай разводил руками в знак того, что он ответить на этот вопрос не в состоянии.

— Молитва-то длинная, а глаголов-то всего три: верую, исповедую и чаю, — выпаливает Миша и победоносно смотрит на всех.

— Ну, ты стал настоящим богословом, и мне не под силу с тобой состязаться, — и Николай с любовью гладил по головке сына.

Занятия обыкновенно происходили в утренние часы, а после обеда бабушка и внучек отправлялись на прогулку, причем на обратном пути заглядывали в русскую кондитерскую, которая славилась своими ватрушками. Эти ватрушки пользовались большим успехом и у Никитиных, и, в первую голову, конечно, у Андрюши и Миши. В связи с этим случился однажды курьез, которого долго не могли забыть Никитины, и, вспоминая его, хохотали до слез.

Если Сергей Константинович замечал, что какого-нибудь лакомства мало, он обыкновенно из деликатности просил его в рассчет не принимать, так как его девиз — «все или ничего». Конечно, от этого выигрывал только Миша, который в восхищении повторял: «Мой девиз — все или ничего».

Однажды Сергей Константинович вернулся из города с двумя ватрушками.

— Все раскупили, пока я пришел, — сказал он с огорчением.

— Значит, надо каждую ватрушку разрезать пополам, — объявила Елизавета Васильевна.

— Отлично, — закричал Миша, хлопая в ладоши, — только я хочу делиться с дедушкой.

— Почему, ведь все четыре половинки ватрушек одинаковые? — удивился Андрюша.

Миша лукаво сощурил глазки:

— Ватрушки одинаковые, но дедушка скажет: «Мой девиз — все или ничего» и отдаст мне вторую половину.

— Бесподобно, — закричал Андрюша при этом замечании и повалился на диван, хохоча до слез.

Случилось однажды так, что Елизавета Васильевна, побоявшись холодного ветра, отправилась за покупками одна, усадив Мишеньку в теплый уголок, возле плитки, в которой мигали красные угольки.

— Читай, Мишенька, книжку, а я скоро вернусь, — сказала она, выходя из комнаты.

— Только не забудь, пожалуйста, ватрушек, — кричит ей вслед Миша.

— Ну, еще бы, за ними и иду.

Каково же было ее огорчение, когда хозяин кондитерской сообщил ей, что сегодня ватрушек не успели испечь.

— Не справляемся, барынька, работает только жена, да я, а помощников у нас нет.

— Как же быть? Что же я понесу моему мальчику? — огорченно покачала головой Елизавета Васильевна. Торговец предложил какие-то булочки, которые, по его мнению, не уступали ватрушкам, и Никитина взяла их, хотя и с большим колебанием.

Не успела она перешагнуть порога, как раздался веселый голос Миши: «Ватрушки идут!»

— Нет, Мишенька, к сожалению, их сегодня нет, а я принесла очень вкусные булочки, которые тебе, несомненно, понравятся.

Миша с грустью посмотрел на аппетитные булочки, которые Елизавета Васильевна положила перед ним на тарелку.

— Нет, они меня не радуют. — Это было так мило сказано и столько огорчения звучало в его словах, что Елизавета Васильевна стала его целовать и утешать. С тех пор эта фраза стала мерилом неудовлетворенности Миши чем бы то ни было. Он никогда не капризничал, не сердился, но только скорбно складывал губки и произносил: «Мишу это не радует», — и тогда все домочадцы старались, как можно скорее, доставить ему именно то, что ему хотелось.

По-прежнему он уклонялся от игр с детьми, но любил наблюдать за ними со снисходительной улыбкой. Зимние дни тянулись однообразно, и часы распределялись между занятиями с Мишей, домашним хозяйством и прогулками. Только церковные службы и спевки вносили известное разнообразие в жизнь Никитиных.

Мишенька посещал аккуратно церковные службы и, сидя за спиной хористов на скамейке, заваленной нотами, с любопытством поглядывал на публику и на тетю Люду, которая ему улыбалась, стоя в первом ряду, так как она членом хора не состояла. Заветной мечтой Миши было стоять с большой зажженной свечей перед аналоем, на котором лежит большое Евангелие, когда диакон читает о жизни Иисуса Христа. Во время облачения митрополита Анастасия он не сводил глаз с прислуживающих мальчиков и, возвращаясь домой, говорил, что он уже все выучил, что делает мальчик Сережа.

— Ну, вот и прекрасно, — отвечала ему Елизавета Васильевна, — весной ты будешь уже участвовать в богослужениях.

Личико Миши сияло.

— На заутрени я буду, значит, в белом стихаре, как и все мальчики, — я этого так давно жду!

Однажды утром, когда Миша еще спал, в кухню вошла Роза и, стараясь не шуметь, с таинственным видом приоткрыв дверь спальни, сделала знак рукой, приглашая Елизавету Васильевну войти к ней в кухню.

— Вы не знаете, что у вас случилось в большом доме? — спросила она шепотом.

— Откуда же мне знать, я там не бываю, — и она с удивлением взглянула на взволнованное лицо Розы.

— Один из квартирантов умер, — и Роза многозначительно посмотрела на Никитину.

— Что же тут особенного, Роза, каждый день кто-нибудь да умрет, ничего не поделаешь. Или, быть может, это ваш знакомый?

Роза отрицательно покачала головой.

— Не нравится это мне, потому что это случилось в нашем дворе. Есть примета, что мертвец потянет за собой еще двух.

Никитина не на шутку рассердилась.

— Какие вы говорите глупости, Роза, ну можно ли быть такой суеверной и верить всякой чепухе, которую рассказывает темный люд? Ведь вы же бываете в обществе культурных людей, и, казалось бы, вам совсем не годится повторять подобные несуразности и расстраивать и себя, и других.

На горячую речь Никитиной Роза ничего не ответила, но было ясно, что переубедить ее было невозможно.

— Есть вещи, — сказала она, помолчав, — которых образованные люди понять не могут, они все хотят объяснить умом, а мы, темный народ, многое чувствуем сердцем и редко ошибаемся. Даже в Евангелии сказано: отнял от мудрых и открылся неразумным.

Никитина не могла не улыбнуться, так неожиданно закончила Роза свою философию, но ничего на это не возразила.

За дверью послышался веселый голос Миши, который звал бабушку.

— Ничего ему не говорите, — бросила вдогонку исчезавшей за дверью Никитиной Роза.

Однако, не так-то легко было скрыть происшествие, которое являлось редким событием в жизни маленькой колонии. Суета, появление незнакомых людей, одетых в черное — служащих похоронного бюро, сбежавшиеся со всех сторон дети — все это не ускользнуло от внимания Миши, и когда он выскочил во двор, то дети стали ему наперебой рассказывать о случившемся.

Миша их выслушал внимательно и молча направился к себе.

— Куда же ты? Сейчас приедет священник и вынесут гроб, очень интересно, — кричали дети.

Но Миша, не оборачиваясь, в сильном волнении подбежал к Елизавете Васильевне:

— Бабушка, у нас в доме умер человек и мальчик мне сказал, что он был молодой. Значит, Бог его выбрал за то, что он делал добрые дела, как ты думаешь? Госпожа Наталья говорила мне, что Бог призывает к себе хороших людей.

Ничего не ответила мальчику Никитина, но долго еще после этого происшествия не могла отделаться от тяжелого предчувствия.

Когда покойника унесли, в доме все вошло в свою обычную колею, Миша больше о нем не вспоминал и Елизавета Васильевна успокоилась. Впрочем, только отчасти, так как было еще одно обстоятельство, которое ее тревожило — а именно, состояние здоровья госпожи Натальи. Она продолжала хворать, становилась с каждым днем все слабее, но ни на что не жаловалась и даже избегала говорить о своем самочувствии.

Чтобы немного рассеяться она приходила к Никитиным побеседовать с Мишей. Трогательно было смотреть на эти две склоненные над столом головы: седая голова женщины вплотную прикасалась к свет-

лой головке мальчика. О чем они говорили? Что сближало их? Этого тогда не могла понять Елизавета Васильевна, и только позже, вспоминая их тихие беседы и улыбки, которыми они обменивались, она пришла к определенному заключению, что эти две души постепенно отрешались от земного в предчувствии перехода их в лучшую жизнь.

Они понимали друг друга и неохотно вступали в общий разговор, как бы проводя невидимую грань между окружающими их людьми и собою. Елизавета Васильевна с удивлением украдкой наблюдала за их беседой, вслушивалась в милый голос Натальи, которая обычно рассказывала Мише о житии какого-нибудь святого, и у нее становилось так тяжело на душе, что слезы выступали на глазах и она быстро покидала комнату, чтобы не выдать своего настроения.

Но вот наступил день, когда Наталья не встала с постели. Теперь Миша забегал к ней каждый день и подолгу просиживал у ее ног, грустно глядя на нее. Госпожа Наталья собирала все свои силы, чтобы весело улыбнуться мальчику и не дать ему заметить, что она слабеет с каждым днем.

— Когда же вы встанете, ведь скоро весна, и мне хочется погулять с вами на кладбище, когда зацветут цветы, — говорил он ей.

— На кладбище... да... — задумчиво прошептала Наталья. — Пожалуй я попаду туда раньше, чем зацветут цветы.

Присутствовавшая при этом разговоре Никитина поняла, что больная считает себя обреченной. Что же касается Миши, то он по-своему перетолковал слова Натальи, и, возвращаясь домой, сказал:

— Слава Богу, госпоже Наталье лучше, иначе она не сказала бы, что надеется погулять на кладбище до наступления весны.

Серым мартовским утром Натальи не стало. Умерла она, как настоящая христианка, исповедавшись и причастившись, в полном сознании со всеми попрощавшись и сделала распоряжения насчет своего погребения.

Никитина с тревогой взглянула на вошедшую Розу, которая, положив палец на уста, прошептала: Как мы ему скажем?

— Что? — спросила, побледнев, Елизавета Васильевна.

— Госпожа Наталья ушла от нас навсегда, царство ей небесное...

— Боже мой, положительно какой-то рок преследует ребенка! Не успеет он полюбить кого-нибудь своим чистым сердечком, как этот человек умирает. Помните его первое горе — смерть инвалида-нищего?

Роза, заливаясь слезами, молча кивнула головой. Затем она пристально взглянула на Никитину:

— Второй покойник в этом доме, помните, что я вам говорила? Не дай Бог... — она не договорила своей мысли, и обе женщины, как бы пораженные страшной догадкой, впились друг в друга взглядом, в котором отразились отчаяние, ужас и полная обреченность перед неминуемым...

В таком положении их застал Сергей Константинович, который, уже одетый в пальто, собирался итти на службу. Узнав о случившемся, он перекрестился и печально сказал:

— Подготовьте, как можно осторожнее, Мишу.

— Легко сказать — подготовить Мишу, ведь это известие его буквально потрясет! — в горестном отчаянии воскликнула Елизавета Васильевна.

С сильно бьющимся сердцем вошла она в комнату, где Миша, сидя у стола старательно выводил буквы в своей тетрадке, полуоткрыв ротик и проводя языком по влажным губам. Долго молчала Никитина, не решаясь заговорить.

— А знаешь, Мишенька, — сказала она и вздохнула, не узнав собственного голоса, — госпожа Наталья оказалась права, но мы ее тогда не поняли. Она чувствовала себя уже такой слабой, что понимала, что не доживет до весны, когда зацветут цветы.

Голос ее оборвался, и она, глотая слезы, замолчала, но Миша, не ожидая дальнейших объяснений, сорвался с места и, весь дрожа, закричал звенящим голосом:

— Скажи правду, бабушка, она умерла, да? Ведь она же собиралась итти со мной гулять!

— Так хотел Господь, — тихо сказала Никитина.

— Так хотел Господь.. — как эхо повторил мальчик, — потому что она была хорошая — и, вырвавшись из рук Никитиной, он исчез за дверью кухни, перебежал дворик и влетел в квартиру усопшей, которая лежала в гробу, утопающем в цветах.

Выражение лица усопшей было совершенно спокойным, казалось, что она спит глубоким сном. В комнате царила тишина. Раздавались только возгласы священника, служившего панихиду, да потрескивал воск, капающий с зажженных у изголовья усопшей свечей. Миша подошел к гробу и так и впился в лицо горячо любимой тети Натальи. Елизавета Васильевна стояла за его спиной, не спуская с него глаз.

— Какие мысли проносятся в этой головке? — думала она, следя за выражением лица мальчика, — ведь и взрослому не под силу понять тайну смерти, а каково-то бедному ребенку?

К ее большому удивлению, Миша в продолжение панихиды оставался совершенно спокойным и только, выйдя из квартиры, каким-то беззвучным голосом сказал:

— Мне говорила госпожа Наталья, что плакать по умершему не надо, ему ведь там лучше. И я не буду плакать, — твердо добавил он. Затем, помолчав, продолжал. — Помнишь, бабушка, когда в больнице умерла девочка, как плакала ее мама? Ведь доктора сделали все, что могли, и, тем не менее, Боженька ее взял к себе...

— А разве нельзя упросить Господа Иисуса Христа, чтобы он не брал ребенка у матери? — с беспокойством спросила Елизавета Васильевна.

Миша, видимо, колебался с ответом.

— Я думаю, что Господу станет жалко смотреть на бедную мать и он даст пожить ребеночку, но... недолго, — делая ударение на последнем слове, закончил Миша, запинаясь, и опять что-то заныло в груди Никитиной.

Сырой, пронизывающий ветер... Холодно. Моросит мелкий, как осенний, дождь. Настоящая февральская погода. Сегодня день похорон госпожи Натальи.

— Одевайтесь потеплей, — говорит Роза, — погода скверная, и, хотя до кладбища недалеко, промерзнуть можно.

— Да что вы обо мне хлопочете, — отозвалась Никитина, вы лучше скажите, что мне делать с Мишей? Когда я заикнулась, чтобы он остался дома, так он об этом и слушать не хочет.

— Ну, что же, нельзя мальчику отказать в его законном желании

проводить к месту вечного успокоения ту, которая его так любила, — сказала Роза. — Оденьте его потеплее, вот и все, — повяжите башлычек на шею и не позволяйте ему разговаривать в пути.

Миша послушно стоял, пока его одевали, так как его мысли были, повидимому, далеко отсюда. По дороге он только один раз обратился к идущим с ним рядом женщинам с вопросом:

— Неужели же госпожу Наталью опустят в яму и засыпят землей? Как это страшно!

— Она этого не чувствует, Мишенька, отозвалась Роза. — Ее душенька свободно летает, видит всех нас и радуется, что мы провожаем ее тело в могилку.

Миша поднимает глазки к небу, как будто хочет убедиться в правоте слов Розы. Но в сером небе ничего не видно и он глубоко вздыхает.

— Если это так, как ты говоришь, то это хорошо, — и на лице его мелькает улыбка.

Вот они уже на кладбище и продвигаются в траурной процессии среди родственников и друзей усопшей. Вот и свеже вырытая могила... Процессия останавливается. Краткая лития... вечная память... несется в сыром воздухе. Священник, видимо, торопится, так как холодный дождь усиливается. С беспокойством смотрит Елизавета Васильевна на Мишу. Он бледный и вздрагивает от холода или нервного возбуждения.

— Пойдем, Миша, домой, — шепчет она на ухо мальчику.

— Нет, будем стоять до конца, — твердо отвечает тот.

Гроб начинают медленно опускать в могилу.

— Ах, — вырывается болезненный стон у Миши. Он делает резкое движение и, став на край могилы, как загипнотизированный смотрит в зияющую у его ног черную могилу.

— Все кончено... Мерзлые глыбы земли застучали о крышку гроба.

— Брось горсточку земли, — говорит Роза, и Миша машинально следует ее указанию.

Теперь обе женщины, подхватив мальчика, который еле передвигал ножки, быстро пошли по направлению к выходу из кладбища.

Вернувшись домой, Никитина напоила Мишу горячим чаем и уложила в постель. Мальчик забылся тревожным сном, поминутно вздрагивал и что-то бормотал. На щечках появились розовые пятна. По совету Сергея Константиновича смерили температуру — она была слегка повышена.

С этого дня снова начались волнения. Днем Миша был бодрый и ни на что не жаловался, а вечером температура повышалась. Личико его краснело, глазки блестели, и он без умолку болтал, прыгал, а затем в изнеможении бросался на кровать. Надо было советоваться снова с врачем.

Однажды, сидя у окошка за починкой белья, Елизавета Васильевна бросила взор на узенький проход, отделявший два больших дома, выходившие на улицу, от дворика, в котором жили Никитины. Глаза ее широко раскрылись: в проходе застряла большая яркая шляпа, надетая на женской головке, но черты лица были скрыты под ней. Раздался серебристый смех и затем восклицание:

— Что это за Фермопильское ущелье, даже шляпа не пролазит!

Все еще недоумевая относительно таинственной визитерши, Елизавета Васильевна встала и, бросив на ходу Мише — к нам кто-то идет, — поспешила к дверям.

— Не ожидали? — раздался мелодичный голос, и только тогда она узнала неожиданную посетительницу. Это была жена богатого московского купца, который ее очень любил и исполнял все ее прихоти. Фантазерка же она была большая, что объяснялось ее исключительно талантливой натурой. В данное время она была членом балетной труппы при Белградском оперном театре. Она недурно пела, мило рисовала и даже блестяще исполняла роли субреток в драматических пьесах. И вот она вздумала прокатиться в Париж, а перед отъездом обойти своих знакомых с прощальным визитом.

Елизавета Васильевна обрадовалась гостье из другого мира, которой житейские заботы рядового беженца были совершенно чужды.

— Ну, и коридорчики у вас, представьте себе, моя шляпа застряла и я еле ее освободила, — щебетала она, целуя Елизавету Васильевну.

— Я очень рада видеть вас, так как Миша и я в плохом настроении, и мы надеемся, что вы нас развеселите.

— Почему же вы в плохом настроении? — спросила гостья, и тут же, усевшись на диванчик, вынула из сумочки зеркальце и начала проводить пушком по покрасневшему от холода носику, в то же время рассматривая с любопытством стоявшего перед ней мальчика.

— Иди, Мишенька, ко мне, — ласково позвала она его.

Миша, как будто только этого и ждал. К большому удивлению Елизаветы Васильевны он вскарабкался на колени гостьи и обнял ее за шею.

— Какая ты красивая, ты, вероятно, фея из волшебного царства, — сказал он в восхищении.

Обе женщины дружно расхохотались.

— Вот чей комплимент мне дороже всего! Это сказано от чистого сердца. Ах, ты, мой милый мальчик! — и растроганная посетительница покрыла мальчика поцелуями.

Миша полузакрыл глаза и, вдыхая аромат духов, проговорил:

— И пахнешь ты замечательно!

Гостью Елизаветы Васильевны нельзя было назвать красавицей в общепринятом смысле, но зато ее шарм был неотразим. Личико, с чуть-чуть вздернутым носиком, не носило следов косметики. Слегка были только подкрашены губы, да ногти выхоленых пальчиков покрыты лаком. Вопреки моде, она не имела локонов и не была подстрижена, а носила гладкую прическу с пробором посередине, что очень шло к овалу ее лица. Платья были яркие, необычайных фасонов, а уж о шляпах и говорить нечего! На ее элегантном визитном платье сверкали драгоценные камни в виде колье и браслетов, а серьги с подвесками спускались вдоль шеи и красиво оттеняли ее розоватую кожу. На каждом пальчике руки сверкало кольцо.

Миша не мог насмотреться на чудесную гостью.

— Так скажите же, Елизавета Васильевна, что является причиной вашего беспокойства? — спросила она, наконец.

— Да вот, все он виноват, — указывая на Мишу ответила та. — Вы ведь слыхали, что он был болен гнойным плевритом. Операция

была тяжелая, но он выздоровел, всю зиму был молодцом, а вот теперь снова начинает нас огорчать.

— А что же с ним? — с искренним участием спросила гостья.

— Температура повышается по вечерам...

— Да, плеврит скверная болезнь и любит повторяться, — с искренним состраданием сказала гостья. — Мишенька, береги себя, не бегай по холоду, кушай побольше и принимай лекарства, если доктор пропишет, — и на больших зеленоватых глазах заблестели слезы. — Обещаешь? — тихо спросила она.

— Обещаю, — ответил Миша. — Но ты возвращайся скорее, мне хочется тебя видеть снова.

— Я в Париже буду недолго, Мишенька, и тогда мы погуляем, — ответила гостья, целуя мальчика. — Во всяком случае, на Пасху я буду дома.

— На Пасху! — с горечью воскликнул Миша, — но ведь я всегда болен на Пасху, и ты меня увидишь в больнице.

— Что за странные мысли! — воскликнули в один голос обе женщины. — Вот увидишь, как мы будем гулять на Калемегдане на Пасху.

Миша ничего не ответил и только сильнее прижался к молодой женщине.

Какое-то щемящее чувство закралось и в ее сердце. Спустив с колен Мишу, она вдруг заторопилась и стала прощаться. Уходя, она наклонилась к ушку мальчика и шепнула:

— Помни, что ты мне обещал! — С этими словами она выпорхнула из комнаты.

Миша смотрел ей вслед, пока она не скрылась, а затем обратился к Елизавете Васильевне:

— Какая она красавица и какая добрая, такие бывают только в сказках. Жаль только, что я ее больше не увижу, — и он неожиданно горько заплакал.

— Детка моя дорогая, что тебе приходит в голову? — бросилась к мальчику Елизавета Васильевна. — Болит у тебя что-нибудь?

— Нет, бабушка, но ведь это всегда так начинается...

XVI

Часы показывают полночь... Измученные Никитины сидят у стола и изредка перебрасываются незначительными замечаниями. На кровати в жару мечется Миша.

— Сережа, — шепчет Елизавета Васильевна, — у меня положительно опускаются руки — ты ведь видишь, что все наши усилия напрасны? Это что-то роковое. Всю зиму ребенок здоров и весел, но с приближением весны и праздника Пасхи начинает таять, как свеча. Вот наступает третья пасха, третья. — Елизавета Васильевна глотает слезы и не решается громко произнести то, что проносится в ее мозгу, в котором таинственные молоточки отбивают страшное слово: последняя... последняя.

Устало поднимается со стула Сергей Константинович. — Я прилягу немного, Лизочка, если засну и тебе нужна будет моя помощь, сейчас же разбуди.

— Хорошо, хорошо, — торопливо отвечает та.

Одна... Елизавета Васильевна устремляет глаза на лик Св. Пантелеймона, освещенный лампадкой... По щекам ее текут слезы, губы беззвучно шепчут молитву: «Св. Пантелеймон, сжалься над моим мальчиком, облегчи его страдания». Но что это? Миша застонал, вздохнул и, окончательно придя в себя, сел.

— Бабушка, знаешь, что я вспомнил, надо помолиться св. Пантелеймону, ведь он всегда больных исцелял, и я уверен, что он и мою молитву услышит, мне не будет жарко.

— Помолись, родной, помолись, — и Елизавета Васильевна дрожащими руками помогает мальчику подняться на ножки, которые дрожат от слабости. В ужасе смотрит на него Никитина. Прошла всего неделя, как лихорадка стала изнурять ребенка, а во что он превратился снова? Куда девалась округленность его фигурки, приобретенная с таким трудом в течение зимних месяцев? Теперь перед ее глазами был тот же скелетик, который она с таким страхом носила на руках в госпитале.

С трудом приподнимается Миша и тяжело опускается на колени. Он трогательно складывает восковые ручки и блестящие от изнурительного жара глазки устремляются к иконе. Какая глубокая вера звучит в его словах, которые с трудом вырываются из потрескавшихся от сильного жара губок:

— Помоги мне выздороветь, Св. Пантелеймон, мне так хочется пойти с бабушкой на заутреню. — Затем он крестится и несколько раз целует иконку, которую Елизавета Васильевна снимает со стены. Весь преображенный он поворачивает личико к Никитиной.

— Бабушка, я чувствую, что Св. Пантелеймон услышал мою молитву, — у меня ничего не болит, а, главное, мне совсем не жарко.

— Вот и прекрасно, теперь постарайся скорее заснуть, — отвечает Елизавета Васильевна и бережно укладывает мальчика снова в постель. Ребенок пылает, но продолжает утверждать, что завтра он уже будет заниматься. Подавляя вздох, скорбно смотрит на него Никитина и, стараясь не выдать своего волнения, спокойно отвечает:

— Дай Бог, Мишенька, чтобы наша молитва была услышана, а теперь постарайся заснуть. И Миша послушно закрывает глазки.

Никитина опять одна... Она ложится на постель, но сон бежит от ее глаз. Она все еще под впечатлением происшедшей сцены.

— Хоть бы на минуточку забыться, — шепчет она, и в тот же миг комната исчезает... Она видит себя стоящей на краю тротуара незнакомого города. Солнце жжет невыносимо. По мостовой движутся бесконечной вереницей грузовики, нагруженные спелой желтой черешней.

— Какая масса, куда ее везут? — думает Никитина. Большие ветки, сплошь покрытые янтарными ягодами, свисают вниз и падают на землю. Скоро на мостовой вырастают целые груды. — Как же я перейду на ту сторону улицы? — думает Никитина и в нерешительности делает несколько шагов, чтобы обойти препятствие, но тут же попадает ногами в кучу ягод, которые под ее тяжестью обращаются в месиво. С чувством отвращения она старается выдернуть ноги, но при каждом усилии они погружаются все глубже в жидкую массу. У Никитиной сильно бьется сердце, она в ужасе просыпается и бросает взгляд на Мишу, который лежит с закрытыми глазками.

— Какой отвратительный сон! Терпеть не могу видеть во сне фрукты, всегда какая-нибудь приключится гадость, — думает Никитина, и с этого момента она до рассвета не смыкает глаз.

Утренняя температура Миши ничего тревожного не предвещала, и он так мило щебетал, что супруги были вполне вознаграждены за проведенную кошмарную ночь.

Тот же старик доктор, который посоветовал вести Мишу в Панчево после неудачной операции в городской больнице, навещал его и теперь. Каждый раз он долго его выслушивал, качал головой и хмурился, но определенного ничего не говорил. Выслушав мальчика, он писал рецепт и уходил, явно уклоняясь от расспросов. Не зная, на что решиться, Никитины вызвали Николая и Анну, которые явились по первому зову. Удрученные сидели они все, боясь высказывать свои опасения, и не могли притти к определенному решению.

— По моему мнению наш старичек диагноза на этот раз поставить не может, зачем же пребывать в неизвестности, когда промедление может привести к роковым последствиям? Надо ехать в Панчево, и чем скорее, тем лучше. — Елизавета Васильевна выразила свою мысль тоном, не допускающим возражения. Собеседники ничего на это не ответили, чувствуя в душе, что она совершенно права.

Тем не менее, по необъяснимым причинам отъезд откладывался со дня на день, и так прошла еще томительная неделя, которая никакого облегчения больному не принесла. Ночью он горел, а днем температура спадала, и тогда обессиленный он лежал, как пласт, отказываясь от пищи. Елизавета Васильевна не отходила от постели больного, передав ведение своего несложного хозяйства Анне, так как, если она отлучалась даже на самое короткое время из дому, мальчик начинал плакать.

Заметив, что мальчику особенно неприятен табачный дым, Никитина изгоняла сына во двор, если он, по рассеянности, закуривал папироску в комнате. Атмосфера подавленности становилась с каждым днем тяжелее. Когда Николай и Анна, со смущенным видом, спрашивали разрешения пройтись в город, подышать воздухом, Елизавета Васильевна охотно соглашалась. Ей было легче наедине с этим маленьким существом, перед которым она, никогда не стесняясь, изливала свое безграничное материнское чувство любви, которое переполняло ее сердце. Она покрывала его личико поцелуями, шептала нежные слова, прилагая все усилия, чтобы отвлечь его от грустных мыслей, и когда ей удавалось вызвать бледную улыбку на лице мальчика, она была наверху блаженства. Повидимому, то же испытывал и Миша. Он тянулся к ней, как слабенький цветочек, который оживал в ее присутствии, и он заметно оживлялся, когда все уходили из квартиры и он оставался наедине с бабушкой.

Однажды он поразил Никитину неожиданным признанием. Наклонившись к ее уху, он, в каком-то порыве, прошептал:

— Знаешь, бабушка, может быть это и нехорошо, но я тебя люблю больше мамы.

Эти слова переполнили чашу страдания Елизаветы Васильевны, и она, заливаясь слезами, упала головой на подушку возле мальчика.

— Вот это уж нехорошо, — тоном взрослого сказал Миша. — Я знаю, что ты все делаешь, чтобы я выздоровел, а если я продолжаю болеть, значит, так хочет Боженька, — и он поник головкой. Помол-

чав немного, он обнял рукой шею Елизаветы Васильевны. — Я тебе сейчас скажу об одном моем желании, и ты сразу развеселишься.

Елизавета Васильевна встрепенулась. — Говори, милый, говори, все что тебе может доставить удовольствие, я сделаю.

Миша улыбнулся. — Я так и знал, что ты обрадуешься. Напиши дяде Мише, чтобы он мне прислал большой пароход, который я мог бы пускать на воде.

— Сегодня же напишу, Мишенька, обязательно, вот мы сейчас высчитаем, когда пароходик может прибыть в Белград.

Вооружившись карандашем и бумагой, Елизавета Васильевна подсела на кровать к мальчику и стала набрасывать цифры. Мишенька внимательно следил за ее рукой.

— Вот видишь, если мы завтра пошлем письмо «экспресс», то дядя Миша его получит через два дня. Он сразу же купит, запакует и отправит, и мы, вероятно, получим через две недели.

— Через две недели, — разочарованно протянул Миша. — Это очень долго.

— Да, ты прав. Мы его попросим отправить воздушной почтой, но только это очень дорого будет стоить.

Миша вздохнул. — Да, ведь даже в письме лишнего листка не позволяют класть — почтовая барышня каждое письмо взвешивает.

— Вот, вот, маленький мой философ, но не будем терять времени и примемся за составление письма.

Мишенька совсем оживился.

— Не забудь, бабушка, сказать дяде Мише, что я опять болен и выздоровлю, когда получу пароходик.

Вот письмо готово. На конверте большими печатными буквами начертано: «Пар авион, экспресс». Мишенька сам запечатал конверт. В тот момент, когда Елизавета Васильевна с письмом в руке собиралась покинуть комнату, вошел Сергей Константинович и остановился в изумлении.

— Миша, что я вижу? Ты совсем здоров!

Миша, не отвечая на вопрос, стал оживленно рассказывать дедушке, как сейчас полетит письмо к дяде Мише с заказом выслать немедленно большой пароход. — И тогда я сразу выздоровлю, — добавил он уверенным тоном.

— Вот как.. — протянул Сергей Константинович, не веря ни своим глазам, ни своим ушам. — Я вижу, что вы с бабушкой настоящие колдуны! — и, говоря это, он сел за стол и принялся за обед в то время, как Миша не переставал щебетать. Вдруг он вскочил на ноги и перед изумленными глазами Никитиных скелетик стал подскакивать на кровати, выделывая ножками какие-то замысловатые па.

— Смотри, дедушка, — кричал он в исступлении, — я совершенно здоров и могу прыгать и танцевать, и мне нисколько не тяжело. Надоело болеть, хочу быть здоровым, — продолжал он бросать слова, задыхаясь.

Как окаменелые, сидели Никитины, не спуская с него глаз. Но вот личико мальчика сильно побледнело и лобик покрылся крупными каплями пота.

— Миша, не надо, дорогой, зачем ты себя утомляешь? — вне себя от удивления крикнула Никитина.

— Успокойся, детка, больному вредно делать резкие движения, —

поддержал жену Сергей Константинович, — ты же не хочешь попасть снова в госпиталь?

Тяжело дыша, Миша рухнул на подушку и горько зарыдал.

— Дедушка, — вырвался у него горестный вопль. — Я стараюсь забыть, что я болен, потому что мне так страшно... — он не договорил своей мысли, но в его словах звучал такой неподдельный ужас перед чем-то неизвестным и неизбежным, что сердце Елизаветы Васильевны сжалось от боли. Казалось, что ребенок заглянул в открывавшуюся у его ног пропасть...

Мгновенная вспышка радости, что в состоянии здоровья Миши произошел перелом к лучшему, сразу угасла и вернула всех к печальной действительности. Наступила гробовая тишина, прерываемая только всхлипываниями Миши.

Среди ночи Миша просыпался несколько раз, и, к удивлению Елизаветы Васильевны, жар спал, и ребенок покрылся холодным потом, так что его укрыли несколькими теплыми одеялами. Елизавета Васильевна сидела у изголовья мальчика и не спускала глаз с мертвенно бледного личика. Заметив, что он немного успокоился, она тихо встала и пошла прилечь на диванчик, устало прислонив голову к подушке. Через несколько минут она погрузилась в сон.

Вот она стоит у плиты, на которой котел с кипящей водой для стирки белья. На полу перед плиткой разбросаны наколотые мужем небольшие поленца дров. Она открывает дверцы плитки и бросает внутрь полено, чтобы усилить огонь, но в ту минуту, когда она наклоняется, из горла у нее хлынула кровь, и зловещие красные пятна резко выступили на полу. В страхе, что Сергей Константинович может заметить их и испугаться, она хватает первую попавшуюся под руку тряпку и начинает тереть пол. — Слава Богу, все исчезло, — с облегчением думает она, — я же совершенно здорова, почему же кровь хлынула из горла? — Она еще раз бросает взгляд на пол, чтобы убедиться, что пятна исчезли, и кровь застывает в ее жилах: на том же месте выступили снова свежие пятна. В ужасе она пытается их стереть, но они исчезают на несколько секунд и снова выступают. — Что мне делать? — мечется она, хватая различные предметы без всякого толку, зная, что скоро в кухню может войти Сергей Константинович и справиться о происхождении этих пятен. Она задыхается от сердцебиения и просыпается. Какой кошмар... Слава Богу, Мишенька спит, значит, все в порядке, — думает она с облегчением.

На другой день Елизавета Васильевна с нетерпением поджидала доктора, чтобы сообщить ему о падении температуры, и, не успел он переступить порога, как она бросается к нему со словами:

— Температура спала и Миша чувствует себя лучше.

— Спала? — с тревогой переспросил тот. — И так резко? — Он подошел к постели больного и, выслушав его, решительно объявил: — везите его в Панчево, у него двухстороннее воспаление легких.

— Так почему же вы раньше этого не говорили? — вне себя вскрикнула Елизавета Васильевна.

— Признаюсь, проглядел, — сокрушенно ответил доктор и пошел к выходу.

Миша глубоко заглянул в глаза Елизаветы Васильевны, услыхав приговор доктора, и к удивлению всех не заплакал.

— Ну, что ж, бабушка, поедем, ведь мы всегда на Пасху сидим в больнице, как я и сказал той красивой тете. — Подумав немного, он добавил: — хочу, чтобы перед отъездом меня причастил о. Иоанн, ведь я же и в этом году не буду в белом стихаре на Пасху.

Слова утешения застряли в горле Елизаветы Васильевны. Она знала, что ребенок почувствует фальшь... Грустно смотрел на мальчика о. Иоанн. Когда Миша принял святое причащение, он сказал:

— Ну вот и отлично, Мишенька, не унывай. Поезжай в Панчево спокойно, ты ведь знаешь, что тебя вылечат. — Затем он благословил взволнованных родителей и, сказав несколько обычных слов утешения, в которых звучало беспокойство, низко поклонился всем и пошел к дверям, сопровождаемый Сергеем Константиновичем и Николаем.

Не успела закрыться дверь за священником, как в квартире началась суета. Анна и Елизавета Васильевна рыдали и метались по комнате без толку.

— Если ехать сейчас, то надо покормить Мишеньку, ведь он ничего не ел, — сказала Анна.

— Свари кашку, только поскорей, нам надо торопиться, — отозвалась Никитина.

Миша смотрел безучастно на суетящихся, как будто все это относилось к кому-то другому, а не к нему.

— Сладко мое дете, — шепчет ему на ушко Роза, которую Анна успела уведомить о предстоящем отъезде. — Ты сейчас поедешь с бабушкой, а потом, как и в прошлом году, приедем мама и я, вот только я не знаю, что бы тебе привести?

Личико мальчика по-прежнему оставалось спокойным и не выражающим никакого интереса к словам Розы.

— А про какой это пароход говорила мне мама, я что-то плохо расслышала, но мне очень интересно знать, кто его привезет и откуда?

— Да, да, баба, — заговорил вдруг быстро Миша. — Мне захотелось иметь пароходик, и мы написали дяде Мише. Когда я выздоровлю, то буду пускать его на реке, ну, а пока буду в больнице — в тазу, — закончил он печально. — Вот только мы не знаем, как долго будет итти посылка.

— Очень скоро, Франция близко, — авторитетно заметила Роза и, заметив нетерпеливые знаки Анны, стоящей у стола, на котором стояла тарелочка с кашей, поспешно добавила. — А теперь Мишенька перед отъездом должен закусить, — и, не дожидаясь его согласия, подняла его на руку и понесла к столу.

При виде завтрака Миша начал всхлипывать.

— Мишенька, съешь несколько ложек за мое здоровье, — попросил Николай. Он знал, что Миша ни в чем ему не мог отказать.

В глазах несчастного ребенка блеснуло отчаяние.

— Папочка, зарыдал он, — за твое здоровье я съел бы всю тарелку, если бы только мог, но я не смогу проглотить и ложечки. Вот смотри!

С решительностью, которой никак нельзя было ожидать от него, он взял ложку с жидкой кашицей и положил ее в рот, силясь проглотить. В ту же минуту каша показалась на губах и у него началась рвота. Горько заплакал ребенок.

— Не мучьте вы ребенка, разве вы не видите, что каждый глоток

для него невыносимое страдание? От такого питания нет никакой пользы, — с запальчивостью крикнула Елизавета Васильевна.

Все смущенно молчали, а Анна торопливо принялась одевать Мишу.

На пароход пошли провожать все, но в Панчево поехали только старшие Никитины.

XVII

Только взглянул Владимир Александрович на обтянутое желтой кожей личико мальчика.

— Почему же, Мишенька, ты не исполнил данного мне обещания? Помнишь, уезжая отсюда осенью, ты сказал, что приедешь побегать в садике с сестрами, но не для того, чтобы лежать в постельке? — и он погладил мальчика по головке.

Ничего не ответил Миша, только губки его дрогнули, да глазки наполнились слезами, которые потекли вдоль щек. Заметив это, доктор заговорил в другом тоне.

— Ну, ничего, Мишенька, все поправим. Вот я сейчас позову тетю Лизу, и она тебя устроит на новой квартире, а когда ты будешь готов, я приду побеседовать с тобой.

Сергей Константинович попрощался с доктором, поцеловал жену и внука и, стоя на пороге, выразительно взглянув на обоих, сказал:

— Смотрите, ведите себя хорошо!

С сильным сердцебиением ожидала Елизавета Васильевна приговора доктора, следуя за ним по коридору, когда тот вернулся после освидетельствования мальчика.

— Дорогая Елизавета Васильевна, — начал он взволнованно, — мне очень тяжело вас огорчать, так как я хорошо помню, как вы приносили себя в жертву этому ребенку в прошлом году. Только мать может делать то, что делали вы, — о да, да, — поспешил он подтвердить свои слова, заметив отрицательный жест руки своей собеседницы. — Вы думаете, что мы ничего не замечаем? Напрасно, мы прекрасно отличаем душевный порыв от чисто формального отношения. Таким воплощенным порывом являлись именно вы, которая отдавалась уходу за больным всем своим существом, всей душой и всем помышлением, не щадя физических сил. Разве я ошибался? — тихо спросил доктор.

Елизавета Васильевна разрыдалась.

— Вот видите.. По этой-то причине мне тяжело говорить с вами о состоянии здоровья вашего внука. Я должен признаться, что при виде вашего радостного настроения осенью, когда вы брали мальчика домой, у меня не хватило духа предупредить вас, что дети перенесшие такую операцию, редко выживают. Они подвергаются малейшей простуде и, рано или поздно, заболевают вторично. Я констатировал у Миши воспаление легких, но это — полбеды. Что хуже всего, это то, что он слишком истощен, и организм отказывается бороться, признаком чего служит резкое падение температуры. Конечно, мы сделаем все, от нас зависящее, но, повторяю, за благоприятный исход не ручаюсь. И наука подчас бывает бессильна...

Голос доктора дрогнул, и, чтобы скрыть охватившее его волнение, он быстро наклонился, поцеловал руку Елизаветы Васильевны и скорыми шагами удалился, оставив Никитину в состоянии безграничного

отчаяния. Теперь она знала, что дни ее ненаглядного мальчика сочтены. Задыхаясь от слез, она пошла разыскивать палату, в которой находился Миша.

Все ей теперь было чуждо в госпитале. Палата была маленькая, но какая-то неуютная, больные Мишеньку не знали и потому никакого участия к нему не проявляли. Даже сестра, обслуживающая эту палату, была новенькая, которая не знала Никитину. Все это удручающе действовало на Елизавету Васильевну, которая сидела у ног ребенка, совершенно убитая горем.

Всю ночь просидела она, не сомкнув глаз. Ребенок еле дышал. Раннее утро застало ее сидящей в той же позе. Шум открывающихся внизу дверей, быстрые шаги служителей и голоса сестер в коридоре вывели ее из состояния оцепенения.

Елизавета Васильевна встала, чтобы расправить руки и ноги, которые нестерпимо ныли от пребывания в неудобной позе. Теперь перед ее глазами всплывала картина ее прежней жизни в госпитале.

— Неужели же придется еще раз пройти этот тернистый путь? — с ужасом подумала она.

Теперь Миша пребывал все время в полудремоте. Проблесков жизни, которые так радовали в прошлом году, — как не бывало. Он упорно молчал, отказывался от еды и, что больше всего огорчало Елизавету Васильевну, это то, что он совершенно безразлично относился и к ней. Казалось, что он ее совершенно не замечал.

— Мишенька, скажи мне хоть словечко, — умоляла она его. — Может быть ты недоволен, что я поехала с тобой, и тебе хотелось бы быть с мамой? Так ты скажи, и я ее немедленно пришлю к тебе.

Он строго, не улыбаясь, вскидывал глаза на Елизавету Васильевну и качал отрицательно головой. Потом, собравшись с силами, заикаясь и каким-то чужим голосом, отвечал:

— Ты прекрасно знаешь, что я больше всего люблю, когда ты со мной, а если я молчу, значит, я думаю. — Большего от него добиться было невозможно, и Елизавета Васильевна не настаивала.

Обеденный час являлся настоящей пыткой для обоих. Елизавета Васильевна умоляла что-нибудь съесть, на что Миша упорно отвечал:

— Я тебе, бабушка, говорил много раз, что я ничего не могу проглотить, — и он решительно отодвигал тарелку. Лекарства принимал, но больше всего он любил инъекции. С нетерпением ожидал он сестру, не спуская глаз с дверей в тот час, когда она должна была появиться. После инъекции он оживал; даже личико его розовело, и он вступал в разговор с Елизаветой Васильевной.

— Как ты думаешь, бабушка, какого цвета будет пароходик? — спрашивал он. Повидимому, мысль о пароходике его не покидала, и Елизавета Васильевна тотчас же начинала его описывать, как будто видела его уже перед глазами, чем доставляла мальчику большое удовольствие.

— Меня беспокоит, — что если в кухне не найдется большого таза? — продолжал Миша.

— Ну, как это возможно! — успокаивала его Елизавета Васильевна.

К сожалению, такие подъемы продолжались недолго, и он впадал опять в апатию. Елизавете Васильевне было ясно, что угасающую жизнь мальчика поддерживают искусственно, и что доктора пришли к определенному заключению...

Приехавшая сменить Елизавету Васильевну Анна была сильно опечалена, когда Миша не только не проявил радости при виде ее, но встретил ее почти враждебно.

— Зачем ты приехала? — сухо спросил он.

Озадаченная мать с удивлением взглянула на Елизавету Васильевну, но, заметив предостерегающий ее жест, подавила волнение и больше ни о чем не спрашивала мальчика. Миша устало закрыл глазки и замолчал.

Преподав кое-какие инструкции невестке, Елизавета Васильевна уехала домой, но, как только переступила порог кухни, она уже пожалела, что вернулась. Она чувствовала себя лишней и потерянной.

— Зачем я вернулась? — упрекала она себя. — Что мне здесь делать, среди здоровых, когда, быть может, через несколько дней меня ожидает вечная разлука с моим несчастным мальчиком, а я сознательно сокращаю этот срок. Неужели же наступит страшная минута, когда я не услышу больше его милого голоска?

Нервы Елизаветы Васильевны до крайности расшатаны, и она страдает почти каждый день головной болью. Тем не менее, она принимается за домашнюю работу, в которой ищет забвения.

— Нет, — решает она бесповоротно. — Розу я не пошлю, а сама поеду по возвращении Анны.

На другой день принесли посылку, которую Михаил послал «с оказией».

— Это вышло очень удачно, теперь у меня есть основание нарушить порядок и снова ехать в госпиталь вместо Розы, — сказала Никитина мужу.

— Как ты только дотащишь пароход, смотри, какая громоздкая посылка! — озабоченно сказал Сергей Константинович.

— Дотащу, и не такие таскала! Не брать же ради него такси? — и она, подхватив уверенной рукой пакет, пошла к дверям.

Никем не замеченная, вошла Елизавета Васильевна в палату и с замиранием сердца взглянула на сгорбленную фигуру Анны, сидящую у ног Миши.

— Мишенька, смотри, что я привезла, — и Никитина бросилась к кровати.

прошептал он.

При звуке ее голоса Миша открыл глаза. — Пароход пришел?

— Ну, конечно, вот мы его сейчас распакуем. — Анна бросилась ей помогать, снимать веревки, в то время, как Миша внимательно следил за быстро двигающимися руками.

Вот, наконец, пароходик во всей красе стоит на одеяле перед Мишей. С большим интересом он принялся рассматривать игрушку и спрашивать, как называется каждая его часть. Особенно понравились ему белые паруса, которые можно было спускать и натягивать, как настоящие.

Бедная Анна воспрянула духом.

— Наконец-то нашлось развлечение для Мишеньки, а то ведь ему скучно лежать в кровати, неудивительно, что он и на нас уже смотреть не хочет, — и она, поцеловав мальчика, бросилась к дверям, — сейчас принесу таз с водой.

— Вот будет интересно, как он поплывет, — подхватила Елизавета Васильевна.

— Мы все на него погрузимся и поедем в Россию, — неожиданно вырвалось восклицание у Миши.

— Таз, наполненный водой, был поставлен вплотную к кроватке на высоком табурете. С любопытством стали поглядывать на приготовления к спуску на воду парохода и больные с ближайших кроватей. Кораблик весело поплыл, но, к сожалению, воды для него было недостаточно, да и сам таз недостаточно велик, и к большому огорчению зрителей, а больше всего, конечно, Миши, он стал останавливаться, и приходилось его подталкивать, что и делала незаметно Анна, чтобы интерес Миши не ослабел.

Однако, это ей не удалось. Утомленный мальчик откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Спрячь пароходик, мама, здесь его пускать неинтересно, потом когда-нибудь...

Больше о пароходе он не вспоминал и пришлось сложить его под койкой. Когда Анна подошла попрощаться с ним, он опять, казалось, враждебно, посмотрел на нее и сказал:

— Уезжай поскорее, здесь тебе больше нечего делать.

С глазами, полными слез, она поцеловала мальчика, затем Елизавету Васильевну и немедленно направилась к выходу. На пороге она приостановилась и бросила на мальчика долгий любящий взгляд. Сердце матери чуяло, что она уже не увидит его живым.

— Иди, иди, здесь тебе больше нечего делать, — вспомнила она слова сына и, закусив до крови губу, чтобы громко не разрыдаться, как подстреленная птица, шатаясь покинула палату.

С этого дня начался резкий перелом в настроении больного. Елизавета Васильевна ясно чувствовала, что мальчик уходит от нее и живет в каком-то чуждом ей мире. О чтении не могло быть и речи и на вопрос Елизаветы Васильевны, не рассказать ли ему сказку, он отрицательно качал головой. Точно также враждебно встретил он Розу и холодно попрощался с Никитиной. Вид Елизаветы Васильевны поразил всех.

— Что, очень плохо? — спросил Николай, побледнев.

— Я думаю, что мы можем ожидать конец очень скоро, Миша угасает... — скорей угадали, чем расслышали роковые слова находящиеся в комнате.

— Ты бы прилегла, Лизочка, может быть тебе удастся забыться, — глядя на жену с нескрываемым состраданием, предложил Сергей Константинович.

— Попробую... — тихо прошептала она и направилась в спальню, где тотчас же легла в кровать.

— Куда это я зашла, это место мне совершенно незнакомо, — подумала Елизавета Васильевна, оглядываясь с удивлением по сторонам. Она стояла среди благоуханного сада. Дорожки узенькие, и по обеим сторонам их тянулись два ряда низеньких домиков. Тишина полная, которая навевает на душу спокойствие и умиление.

— Кто здесь живет? — громко спрашивает она.

— Тише, они спят, и беспокоить их нельзя, — отвечает ей какой-то голос.

В ту же минуту ее охватывает леденящий душу страх, и она, задыхаясь, бежит по дорожке. Но что это? Громадная белая роза на

длинном стебле преграждает ей путь и, как живое существо, пристально смотрит ей в лицо. Отклонив в сторону стебель, Никитина, не оглядываясь, продолжает стремительно бежать. Она мечется, меняя направление, так как не знает, как ей выбраться из заколдованного круга, но вдруг неожиданно узнает местность: она стоит за оградой городского кладбища...

— Ну, что? — Все находящиеся в комнате впиваются глазами во входящую усталыми шагами Розу. Та молча поникла головой.

— Поезжайте немедленно, и для вас все станет ясно, — глотая слезы, проговорила она. Ни единого вопроса не задала ей больше Никитина.

— Итак, посланное нам испытание приходит к концу, надо иметь мужество выдержать его, — подумала она, взяла машинально сумочку и, ни с кем не попрощавшись, пошла к выходу. На пороге она обернулась, и в ее взоре было столько муки, что у присутствующих заблестели на глазах слезы.

— Дорогие мои, — вырвалось у нее с болью из глубины сердца. — Лучше бы мне сейчас умереть, чем итти на те страдания, которые меня там ожидают, — громко зарыдав, дрожащей рукой она схватилась за ручку двери и в этот момент столкнулась с входящей запыхавшейся от быстрой ходьбы Екатериной Петровной. В руках у нее был букет из крупных белых роз. Елизавета Васильевна вздрогнула... — Где она видела эти розы? — и тотчас же вспомнила ясно и отчетливо свой сон прошлой ночи.

— И вот теперь эта роза смотрит на меня также загадочно, как и та, — подумала она с суеверным страхом, оглядывая букет.

— Зачем вы принесли эти цветы? — с нескрываемым раздражением спросила она, — до цветов ли бедному мальчику.

— Простите, Елизавета Васильевна, — залепетала растерявшаяся женщина, — я думала, что Мишеньке будет приятно, если вы поставите букет на его ночном столике, он ведь так их любит...

Елизавете Васильевне стало теперь жалко, что она обидела Екатерину Петровну, которая хотела доставить удовольствие ребенку.

— Впрочем, давайте букет и посмотрим, как он примет ваше приношение, — и с этими словами она вышла в сопровождении Анны.

Это ее последнее путешествие запечатлелось в ее памяти до мельчайших подробностей навсегда.

Был воскресный день, солнечный, но довольно прохладный, как это бывает обыкновенно ранней весной. Синим куполом нависло небо над городом. В воздухе носился еле уловимый аромат цветов. Анна и Елизавета Васильевна шли молча, скрывая свои душевные переживания. Мимо них то и дело пробегали дети с мячиками в руках и звонкие их голоса и беззаботный смех больно отзывались в сердцах несчастных женщин.

— Вот есть же счастливые матери на земле, которые радуются при виде здоровых деток, почему же Бог отказал мне в этой радости? — грустно сказала Анна.

И не сумела ей ответить на этот вопрос Никитина, а только глубоко вздохнула.

Вдруг унылый удар колокола прорезал воздух... затем второй...

третий. Женщины подходили к кладбищу, и в ту минуту, когда они хотели перейти на другую сторону улицы, из-за угла появился белый небольшой катафалк, на котором стоял детский гробик. По обеим сторонам катафалка шли девочки в белых платьях, с венками в руках, перевитыми голубыми лентами.

Анна побледнела и хотела что-то сказать, но, заметив ужас, отразившийся в глазах своей спутницы, и боясь взволновать еще больше мелькнувшей у нее мыслью Никитину, спокойно заметила:

— Вот видите, кому-то еще тяжелее, чем нам. Все вокруг радуется, а они горько плачут.

— Кого это хоронят? — не вслушиваясь в слова Анны, спросила Елизавета Васильевна, не будучи в состоянии оторвать взора от катафалка.

— Кого именно, не знаю, но вижу, что мальчика, так как на венках голубые ленты, — и, торопливо подхватив Никитину под руку, она направилась к трамваю, так как вагоновожатый, задержанный процессией, нетерпеливо звонил, призывая публику занимать места.

Снова пароход... Знакомые до боли шаткие сходни... Елизавета Васильевна поднимается на палубу, машинально показывает билет и опускается на скамью. Все тот же шум и гам... и некуда скрыться от равнодушных людей, чтобы излить свое горе в пламенной молитве...

Вдруг она вздрагивает от громкого смеха, раздавшегося возле нее. Группа молодежи окружила чревовещателя. Он держит в руках большую уродливую куклу, задает ей вопросы и у публики создается впечатление, что отвечает она. Каждый ответ сопровождается хохотом зрителей, от которого Никитина болезненно морщится. Долго смотрит она на реку, по которой плывут пароходы, баржи и плоты, нагруженные лесом; одна и та же мирная картина сегодня, как вчера.. — Неужели же так будет продолжаться бесконечно и для меня? — проносится мысль в голове Никитиной. — Неужели же и я буду бесконечно плавать на этом пароходе без надежды на выздоровление моего маленького мученика? — Нет, бесконечного на земле не существует все имеет свое начало и свой конец, — тут же мысленно добавляет она. — Но одному Богу известно, какой конец ожидает меня.

Не обращая внимания на воркотню торговок, которые корзинами загородили проход, Елизавета Васильевна бесцеремонно раздвигает их и стремится к выходу.

Вбежав в палату, она бросается к кроватке и припадает к распростертому на ней безжизненному тельцу. Мишенька не шевельнулся и не выразил радости при виде ее, а только устремил на нее отсутствующий взгляд, от которого замерло сердце Елизаветы Васильевны.

— Детка, золотко, как ты себя чувствуешь? — вырвалось у нее болезненным стоном.

Жуткий загадочный взгляд был ей ответом и ни единый звук не сорвался с его уст. Температура была ниже нормальной, и, вспомнив слова доктора, Никитина села у ног мальчика и больше не беспокоила его вопросами. Вечером он с трудом сделал несколько глотков чая с молоком и затем сердито оттолкнул стакан.

— Как будто подменили мальчика! — в отчаянии думала Елизавета Васильевна.

Теперь он встречал улыбкой только сестру, которая делала ему вспрыскивание.

— Приходи почаще, мне так хорошо после инъекции, — говорил он ей с мольбой.

— Бедный ребенок, ведь это только временное облегчение. К сожалению, мы ничем помочь мальчику не можем, — сказала она както откровенно Никитиной.

Наступила желанная ночь, когда палата затихла. Никитиной стало легче. Никто не подходит к ней и не терзает ее сердце вопросами о состоянии здоровья мальчика. Она одна и может обращаться с пламенной молитвой к Богу.

— Я изнемогаю под тяжестью креста, который Ты на меня возложил, и молю Тебя, Боже, поддержи мой изнемогающий дух, укрепи колеблющуюся веру мою в Твое милосердие, ведь без святой воли Твоей ни один волос не упадет с головы бедного ребенка! — Так горячо молилась Никитина, и слезы струились по ее щекам.

В течение ночи Миша совершенно ее не беспокоил и это еще больше тревожило Никитину. — Лучше бы он жаловался на боль или просил бы воды, тогда я знала бы, что он еще борется, а так...

Она поминутно наклонялась над его личиком, чтобы уловить его еле заметное дыхание. Вдруг она вспомнила слова сестры, когда она вечером уходила из палаты:

— Проследите, пожалуйста, за цветом его мочи и, если заметите в ней что-нибудь, скажите мне немедленно.

— Начну с утра следить за этим, — решила Елизавета Васильевна.

Вот и рассвет. Разбитая бессонной ночью, с нетерпением ожидала Елизавета Васильевна пробуждения жизни в госпитале.

— Когда же, наконец, Мишенька попросит что-нибудь? — и не успела подумать это Елизавета Васильевна, как Миша пошевелился, открыл глазки и попросил ночной сосуд. Но что это? Он еле произносит слова, язык ему не повинуется, и Елизавета Васильевна скорее угадала, чем поняла его желание. Когда же она вынула подкладное судно, то вздохнула с облегчением: моча была прозрачная, светло желтого цвета.

— Ну, слава Богу, хоть здесь нет опасных признаков, — подумала Никитина и тут же весело обратилась к мальчику. — Мишенька, мы сейчас будем завтракать, все идет к лучшему.

Тем не менее, мальчик оставался по-прежнему хмурым, несколько раз пытался что-то сказать, но, заметив, что Елизавета Васильевна его не понимает, он с раздражением выкрикнул несколько слов и затем замолчал. Елизавета Васильевна посидела некоторое время, надеясь услыхать что-нибудь, но, вспомнив о данном обещании сестре, она решила пойти к ней и показать мочу. Наклонившись, она подняла сосуд, и глаза ее широко открылись от изумления: вместо светлой и прозрачной жидкости, в сосуде было что-то мутное, как будто примешали туда муку.

Если бы я не сидела здесь все время, я утверждала бы, что кто-то подменил сосуд, — подумала Никитина и опрометью бросилась в коридор позвать служителя.

— Полюбуйтесь, как вы смотрите за чистотой сосудов, — сказала она с запальчивостью, — я должна отнести мочу сестре, но ясно, что она не может быть такой мутной, если сосуд чистый, и мы введем доктора в заблуждение.

Перепуганный служитель с виноватой улыбкой схватил сосуд.

— Простите, ради Бога, барыня, повидимому, не досмотрел, я сейчас принесу вам совершенно новый и продезинфицированный.

— Ну, и перепугалась же я, — рассказывала Никитина сестре со всеми подробностями о происшествии с Мишиной мочей.

Озабоченно выслушала сестра рассказ Никитиной и коротко сказала:

— Продолжайте следить и немедленно принесите мне. Ну, конечно.

Елизавета Васильевна получила свежий сосуд и по первому требованию Миши подала его мальчику. При виде светлой жидкости сердце ее радостно забилось, но она не пошла тотчас же к сестре, а когда через полчаса взяла сосуд в руки, она обмерла: в нем была та же мучнистая белая жидкость.

Как подкошенная, она опустилась на кровать, а затем, собравшись с духом, она, как приговоренная к смерти, пошла отыскивать сестру. Молча протянула она ей сосуд.

— Белок... почки плохо работают... — услыхала Никитина и больше ничего от сестры не добилась.

Целый день и следующую ночь боролась Елизавета Васильевна с этим странным явлением: как только светлая жидкость превращалась в мутную, она бежала в уборную и с ожесточением щеткой и мылом очищала сосуд. Затем она ждала с надеждой, что это явление больше не повторится, но, увы, ничего не помогало. Последний раз, перед самым рассветом, она решила оставить сосуд, чтобы показать доктору, и в изнеможении упала на ближайшую свободную кровать.

Она сразу погрузилась в глубокий сон.

Перед кроватью, на которой лежит Елизавета Васильевна, стоит мальчик, лет четырнадцати, в синем костюме, и пристально в нее всматривается.

— Вы — Никитина? — спрашивает он.

— Да, — тихо отвечает она.

— Вставайте, час пробил, — громко говорит он...

Никитина вздрагивает от неожиданности и судорожно хватается рукой за край постели, чтобы не свалиться на пол. Не понимая, в чем дело, Елизавета Васильевна ищет глазами служителя, который так внезапно разбудил ее, но возле кровати никого нет... Миша лежит совершенно тихо, с закрытыми глазами...

— Какой странный сон, — думает Елизавета Васильевна. — Мальчик ясно сказал: час пробил, чему?

Она старается стряхнуть с себя произведенное на нее впечатление этих загадочных слов и спешит к доктору.

Грустно посмотрел тот на своего любимого пациента, которого он в течение двух лет упорно вырывал из холодных объятий смерти, чувствуя теперь себя побежденным.

— Какая температура? — обращается он к сестре.

— 35,2...

— Делайте инъекции, а если дыхание станет затрудненным, давайте кислород, — и он покинул палату, избегая встретиться взглядом с побледневшей как смерть Никитиной.

Елизавета Васильевна больше ничего не спрашивала. Села на уголок кровати и застыла. Она ясно слышала голоса, звук шагов, звон посуды и в то же время чувствовала, что все это где-то далеко, далеко от нее, а дума ее витает над изголовьем ребенка, страдая от того, что не в силах помочь ему. Чтобы услышать его голосок и нарушить страшную тишину, она наклоняется к мальчику и спрашивает:

— Дать тебе, Мишенька, водички?

Он открывает глазки и на этот раз совершенно отчетливо и ясно отвечает:

— Нет, бабушка, мне уже ничего не надо, — причем делает ударение на слове уже.

Томительно тянется время..

Вот и обеденный час пришел, и в палате все стихло. Большинство больных дремало. Вдруг Миша открыл глазки и улыбнулся.

— Бабушка, мне стало хорошо, но только очень холодно.

Никитина сорвалась с места и стала набрасывать на мальчика все одеяла, какие попадались ей под руку.

— Дыши, бабушка, на меня и согревай, я... замерзаю...

Никитина, схватив в руки головку мальчика, стала на него дышать, сколько у нее хватало силы. Но личико не согревалось, а заметно холодело.

— Боже мой, что делать, как его согреть? — металась в ужасе Никитина, в то же время боясь оставить его одного и бежать за помощью.

Но вот Миша вздрогнул. Выражение глубокого удивления появилось на его личике. Он, как будто, что-то увидел и замер... На губах промелькнула еле заметная улыбка... Еще один глубокий вздох... Мишенька затих навсегда...

Никитина бросилась на тельце ребенка, обвила его руками и отчаянно зарыдала.

Тут только всполошились ближайшие соседи и, поняв в чем дело, побежали дать знать медицинскому персоналу. Доктор, приложив трубочку к груди ребенка, несколько минут слушал, и безумная надежда вспыхнула в сердце Никитиной: а что, если сердечко еще бьется, но только очень слабо... Но вот доктор приподнялся и, сделав рукой жест, понятный сестре, покинул палату.

— Дорогая Елизавета Васильевна, — сказала сестра, еле сдерживая слезы, — наш страдалец, наконец, успокоился. Там ему будет лучше, и вы, как глубоко верующая женщина, не можете с этим не согласиться, несмотря на то, что эта потеря для вас тяжела.

Никитина громко разрыдалась и бросилась к ребенку, стараясь приподнять его.

— Вы говорите, что он умер, — обращалась она, заливаясь слезами, к обступившим ее больным, — но ведь это, несомненно, ошибка, он еще совсем тепленький, — и она положила руку сестры на ребенка.

Сестра грустно посмотрела на Никитину, как смотрят на неразумного ребенка.

— Ну, конечно, он еще будет теплый... некоторое время. Мы его сейчас унесем отсюда, а вы поезжайте домой, известите родителей,

захватите его одежду и возвращайтсь обратно. Это надо сделать сегодня же. — Говоря это, сестра сбросила с мальчика рубашоночку и завернула его в простыню.

Елизавета Васильевна схватила еще теплую рубашечку, прижала ее к лицу и снова зарыдала, упав ничком на дорогое ей существо. Сестра энергично ее приподняла.

— Торопитесь, пароход скоро отойдет, и вы не успеете добежать до пристани.

Елизавета Васильевна судорожно скомкала рубашечку и, сунув ее в сумочку, утерла слезы и еще раз поцеловала покойника.

— Значит, я должна итти? — как бы плохо соображая, спросила она сестру.

— Поезжайте, дорогая, как можно скорее, здесь вы уж больше не нужны, — подтвердила сестра.

Не оглядываясь, Елизавета Васильевна направилась к выходу. Спускаясь по лестнице, а затем идя уже по дорожке сада, она машинально повторяла слова, сказанные сестрой: вы здесь больше не нужны. — Как странно, мое присутствие всегда было так необходимо Мишеньке, а вот сестра говорит, что я больше ему не нужна.

За воротами госпиталя она на минуту приостанавливается, как будто не зная, куда идти, но это продолжается недолго и она начинает ускорять шаги, а затем бежать.

— Скорей, скорей, домой, ведь там никто ничего не знает, знаю только одна я. Но как я им это скажу?

Она бежит по дорожке, на которой каждый ухаб, каждый камешек говорит ей о той страшной Голгофе, которую она прошла. Ее расстроенный вид, заплаканные глаза и порывистые движения обращают на себя внимание прохожих, которые останавливаются и долго смотрят ей вслед.

Пристань.. Билеты в руках, но пароход дает последний свисток, и матросы хотят снимать сходни. Никитина, как безумная, мчится и машет рукой. Ее заметили; задыхаясь, она вбегает по сходням и в изнеможении падает на скамейку. Она еле дышит...

— Господи, — молится она в душе, — донеси меня скорее к ним, ведь мне одной нести такое горе не под силу! — И тут же сердце ее сжимается.

— Сын мой милый, дитя мое ненаглядное, неужели же мне суждено нанести тебе такую рану? Как взгляну я на твое убитое горем лицо, чем успокою, чем утешу? Это свыше человеческих сил.

Она срывается с места и стремительно бросается вниз по лестнице в каюту. Она пуста, так как публика предпочитает сидеть на палубе. Она бросается на диван и лежит на спине неподвижно, устремив взор в потолок. Но через несколько минут она срывается с места и, как загнанный в клетку зверь, начинает бегать по каюте, бормоча какие-то бессвязные слова.. Она не замечает, что под лестницей в тени стоит неподвижно мужчина и следит за каждым движением странной пассажирки. Ее расстроенный вид бросился в глаза пароходному начальству, у которого на этот счет наметанный глаз, и немедленно был послан матрос следить за пассажиркой, чтобы предупредить самоубийство... Ничего не подозревая, Елизавета Васильевна продолжала бегать по каюте и рыдать.

Но вот, наконец, пароход замедляет ход; он подходит к пристани и громко гудит. Елизавета Васильевна срывается с дивана и направляется к выходу, но тут она сталкивается с матросом, который смотрел на нее с состраданием, смешанным с любопытством. Елизавета Васильевна вскидывает на него заплаканные глаза и почему-то спрашивает:

— Это — Белград?

— Да, да, госпожа, Белград, — отвечает тот, обрадованный тем, что она задала ему самый обыкновенный вопрос, и быстро отходит в сторону, уступая ей дорогу.

Бегом вылетает она по длинной лестнице, ведущей к Калемегдану и к месту остановок трамваев.

Выскочив из трамвая, по дороге к дому, Елизавета Васильевна подумала: — меня ведь никто сегодня не ждет, значит, одно мое появление скажет им все... — Вдруг она резко останавливается: в двадцати шагах впереди нее идут, мирно беседуя, Сергей Константинович и становой пристав.

Елизавета Васильевна замедлила шаги. Однако, чуть слышный шум ее скользящих туфелек донесся до ушей мужа, и он невольно обернулся, чтобы дать дорогу идущему за ним. Никитин взглянул и слова замерли на устах его.

— Лиза, что случилось, почему ты здесь? — вырвалось у него, наконец, восклицание.

— Миша умер... — еле расслышал он, и слезы полились из глаз Елизаветы Васильевны.

— Что случилось? — зашамкал глухой старик.

— Внук умер в Панчеве, — крикнул ему в ухо Никитин и, не обращая на него внимания, подхватил жену под руку, так как ему казалось, что у нее не хватит сил дойти до квартиры.

— Ну, что же, что умер, — равнодушно отозвался становой, — все мы когда-нибудь умрем. — Кровь бросилась в голову Елизавете Васильевне.

— Знаю, что все умрем, — крикнула она запальчиво. — Но почему умирают дети, которые еще не наслаждались жизнью, а живут никому не нужные злобные старики, живут и коптят небо!

Она вырвалась из рук мужа и стрелой помчалась домой, а за ней, еле поспевая, шел Сергей Константинович.

Ошеломленный пристав остановился, беззвучно пошевелил губами и, пробормотав что-то под нос, поплелся домой.

Николая и Анны не было дома, и, тем не менее, не успела Елизавета Васильевна переступить порог, как они, запыхавшись, вбежали в кухню. Одного взгляда, брошенного на бледную, еле стоящую на ногах Елизавету Васильевну, было достаточно, чтобы угадать роковую весть, которая еще не слетела с ее уст.

Как подкошенная упала Анна на диван и громко зарыдала. Николай, бледный, стоял среди комнаты и не мог оторвать взгляда от лица матери, которая с рыданием бросилась ему на шею. Весть о несчастьи облетела в несколько секунд весь дом. Любопытные соседки сбежались со всех сторон и толпились перед дверьми квартиры, сокрушенно кивая головами и вполголоса перешептываясь.

Но вот, кто-то с силой рванул дверь и Роза ворвалась в кухню. Вид ее был ужасен: из-под платка, который почти сполз с головы, выбивались седые космы волос, весь костюм ее был в полном беспоряд-

ке, на босых ногах — какие-то рваные туфли. Лицо ее было опухшее и залито слезами. За ней вошли белая баба и Екатерина Петровна.

— Госпожа, госпожа, — кричала диким голосом Роза. — Да неужели же это правда, что наше красное солнышко навеки закатилось, что мы никогда не услышим его сладкого голоса; что он никогда меня не будет называть црвеной бабой и что я с ним никогда больше не буду гулять, — и полились, и полились причитания, которые в таких случаях льются из сердца простой женщины. Ее вопль, подхваченный стоящими во дворе женщинами, далеко разносился за пределами улицы.

Никитины в ужасе смотрели на происходящее вокруг них и не знали, что предпринять. Наконец, Сергей Константинович при виде жены, которая была в полуобморочном состоянии, решил положить конец этой тяжелой сцене и громко сказал:

— Надо немедленно ехать в Панчево, перевести тело сегодня же и поставить гробик в капеллу на кладбище.

— Так вы перевезете Мишеньку? — с облегчением вскрикнула Роза, — а я-то убивалась и думала, кто же придет на его могилку, кто будет зажигать лампадку?

— Как могло быть иначе? Разве мы оставим тело сына в чужом городе? — в один голос воскликнули Николай и Анна.

Елизавета Васильевна подошла к комоду и вынула чистую рубашечку и матросский костюмчик, а также ботиночки, которые он так любил. Взглянув на трехцветную ленточку, нашитую на рукаве, Никитина горько заплакала.

— Как Мишенька ею гордился, как мечтал увидеть национальные русские флаги на родине его дорогого папочки. — Связав вещи, она подала узелок мужу.

— А ты поедешь с нами, Лиза? — тихо спросил жену Никитин.

— Нет, дорогой, я не могу ехать, так как чувствую, что буду вам только обузой, если не на пароходе, то. там, — заикаясь добавила она. — Когда вы уедете, я лягу и попытаюсь уснуть, так как я уже не спала двое суток. Впереди предстоят тяжелые минуты, и надо собрать все силы, чтобы выдержать все до конца. Когда гробик будет поставлен в капеллу, немедленно приходи за мной, и я пойду на кладбище.

— Да, это, действительно благоразумнее, — тебе необходим хотя бы кратковременный отдых.

Не теряя больше времени, все покинули квартиру, оставив Елизавету Васильевну одну. Не раздеваясь, но сбросив только туфли, Никитина повалилась на кровать. Через секунду крепкий сон сковал ее усталые члены. Ей казалось, что что-то тяжелое навалилось на нее, и она полетела в пропасть...

XIX

Удрученные горем родители и Сергей Константинович, сидя на палубе, изредка перебрасывались односложными фразами. На Николая было жалко смотреть. Он нервно курил, бросая недокуренные папиросы за борт парохода и шагая из одного угла в другой. Анна, облокотившись на перила и положив голову на скрещенные руки, тихо всхлипывала.

— Прибыли, — сказал Сергей Константинович и, взяв под руку Анну, направился к выходу, а за ним, на некотором расстоянии, продвигался сквозь толпу Николай. Расплатившись с извозчиком, Никитины вошли в сад госпиталя.

— Вот где наш бедный Мишенька закрыл навеки глазки, не попрощавшись с нами, бедными осиротевшими его родителями, — прошептала Анна, сжимая до боли руку Николая.

— Привезли вещи? — спросила встретившая их сестра. Анна молча передала узелок. — Подождите здесь, мы его оденем, и когда вынесем в мертвецкую, я вас позову.

Мучительно ноет сердце, отсчитывая секунды.

— Пожалуйте, — и Никитины двинулись за сестрой. — Здесь вы можете оставаться, сколько хотите, никто вас тревожить не будет, — с этими словами она пропустила Никитиных вперед, закрыв за собой дверь.

Все трое бросились к стоящему на столе открытому гробику и впились глазами в дорогое личико.

— Миша, сын мой ненаглядный, — вырвался из уст Николая вопль, и он рухнул на колени в порыве беспредельного отчаяния.

Плакали все, но рыдания Николая были ужасны. Он бился и кричал, срывался с колен и всем телом покрывал покойника, безумно целуя застывшее личико ребенка, как будто хотел влить в него жизнь.

— Ника, милый, успокойся, нельзя так отчаиваться, — встревоженный состоянием сына пытался отвести его от гроба Сергей Константинович. Но Николай вырывался из рук отца и снова, с душу раздирающими рыданиями, бросался к усопшему.

— Что нам делать? — спрашивала перепуганная Анна.

— Попытайся увести его на воздух, а я пойду в полицию взять разрешение на перевозку тела, — ответил ей Никитин.

После долгих уговоров удалось Анне убедить Николая посидеть в садике, и он, почти не сознавая, куда его ведут, повис на руках жены и тяжело опустился на скамейку, к которой подвела его Анна.

В полиции Сергей Константинович встретил затруднения со стороны чиновника, который соглашался дать разрешение на перевозку тела при непременном условии, чтобы гроб был наглухо заколочен. Сергей Константинович доказывал, что это невозможно, так как тело будут отпевать в Белграде и родственники должны иметь возможность попрощаться с усопшим. Наконец, после долгих пререканий, разрешение было дано с тем, что крышка гроба будет слегка приколочена и во время отпевания снята.

Сергей Константинович договорил автомобиль, на который поставили гробик, и, усадив сына и невестку, покатили в Белград.

Наступали уже сумерки, когда Сергей Константинович тихо приоткрыл дверь и, стараясь не шуметь, подошел к кровати, на которой лежала Елизавета Васильевна, погруженная в глубокий сон.

— Бедная, как она измучилась, пожалуй никто и не поверит, если рассказать, что ей пришлось вынести на своих плечах, — подумал Сергей Константинович, всматриваясь в любимые черты. Он стоял в нерешительности, боясь потревожить ее сам. Но вот Елизавета Васильевна вздрогнула и открыла глаза.

— Где я, что со мной и почему здесь такая тишина? — заговорила

она быстро. Взгляд ее упал на стоявшего у ее ног мужа и она вспомнила все.

— Где мой Миша? — заплакала она отчаянно, обвив руками шею Сергея Константиновича.

— Лизочка, я тебя умоляю, возьми себя в руки, если бы ты только видела несчастного Николая, как он, бедняжка, страдает и как он рыдал у гроба. Надо его поддержать и утешить.

Эти слова как электрический ток прошли сквозь душу Елизаветы Васильевны.

— Где же он? . Там? . и она быстро вскочила с постели.

— Все на кладбище. Гробик уже в капелле и я известил кладбищенского священника, чтобы он отслужил первую панихиду.

— Почему кладбищенского, а не одного из наших? — удивилась Елизавета Васильевна.

— Все заняты в Троицкой церкви, а в Иверской часовне служит всенощную о. Виталий. Но отпевать и хоронить будет, конечно, он.

Ни о чем больше не спрашивая, Елизавета Васильевна накинула платочек на голову и поспешно вышла за мужем. По дороге Сергей Константинович рассказал о затруднениях с полицией в Панчево.

— Теперь крышка снята и Миша, как живой, лежит, убранный цветами, — закончил он свое повествование.

Они подходят к капелле. Сторож, пропуская их в комнату, где стоит гробик, торжественно предупреждает:

— Пожалуйста, соблюдайте тишину, здесь не полагается причитать, на могилке — другое дело, там разрешается.

— Не беспокойтесь, — шепчет Елизавета Васильевна, пробираясь сквозь толпу любопытных женщин.

— Зачем эти люди здесь? — болезненно поморщилась она, — неужели только для того, чтобы посмотреть, как выглядит человек в гробу или послушать, как убиваются родные?!

Она стоит перед гробиком. Миша, действительно, кажется живым, погруженным в сон. У изголовья стоит подсвечник с зажженной толстой свечей, а вокруг нее целый ряд маленьких. Капли воска ударяются о металлическую подставку и производят впечатление льющихся слез. Анна и Николай стоят неподвижно у изголовья и не сводят глаз с любимого личика.

— Подойти к ним, сказать слово утешения? Но разве такие слова существуют, которые могли бы быть бальзамом для их истекающей кровью раны? Конечно, нет. . — И она продолжает стоять неподвижно.

По другую сторону гроба, тесно прижавшись, стоят обе бабы и тихо плачут. Совсем поотдаль, опершись на свою суковатую палку, стоит дед. По временам он смахивает непрошенную слезу, которая скатывается по морщинистой щеке. Тишина никем не нарушается и сторож, удовлетворенный поведением своей клиентуры, выходит из мертвецкой.

Дверь открывается, и на этот раз входит священник в сопровождении псаломщика. Он надевает епитрахиль и робко озирается, не зная, к кому обратиться за нужными сведениями. Сергей Константинович подходит к нему.

— Как имя отрока?

— Михаил.

Служитель раздаёт присутствующим свечи и панихида начинается.

— «Со святыми упокой...» — поет священник, которому вторит псаломщик.

С рыданием падают Никитины на колени. — «Вечная память...» последние ноты замирают в воздухе. Конец. Свечи погашены. Священник, осенив крестом усопшего и низко поклонившись родным, покидает комнату.

Тесным кольцом окружили гробик, в котором спит их дорогой мальчик, и не могут решится оставить его одного в этой печальной комнате. Появившийся снова сторож тушит последние свечи и нетерпеливо покашливает. Наконец, видя, что на него не обращают никакого внимания, говорит:

— Дольше оставаться здесь нельзя, я должен закрывать помещение. Завтра я открою в шесть часов утра.

Возражать против такого категорического заявления нельзя и Никитины покидают мертвецкую.

Сергей Константинович предложил пройти посмотреть место, отведенное для могилки кладбищенской канцелярией. Впереди идет дед, который сам копал могилку своему любимцу.

— Место очень хорошее, — говорит он. — Могилка на детском участке кладбища, с краю от дорожки, так что не придется бродить среди чужих могил. Тут же стоит скамеечка, на которой можно сидеть, сколько хочешь. Как только уляжется земля, я обложу ее дерном, и тогда можете садить цветы. — И, обращаясь к мужчинам, добавляет: Завтра же доставьте фонарик, чтобы я мог вставить в него лампадку. День и ночь я буду поддерживать огонек, об этом не беспокойтесь.

— Хорошо, дед, завтра все будет доставлено с утра, так как отпевание назначено на два часа дня. Я и крест уже заказал, и если успеют на нем написать имя и дату рождения и смерти, то вы, может быть, и его успеете поставить, — отозвался Никитин.

Обменявшись последними соображениями относительно завтрашнего дня, разошлись по домам.

Никто, конечно, не прикоснулся к ужину, и все молча разбрелись по своим углам. Вопреки своему предположению, что ей не удастся сомкнуть глаз, так как она проспала днем несколько часов, Елизавета Васильевна быстро заснула и открыла глаза только тогда, когда луч солнца, заиграв на оконном стекле, упал ей на лицо. И сразу грустная действительность встала перед ней.

— Сегодня последний день, последний... — прошептала она и стала быстро одеваться.

Вскоре все были на ногах и, проглотив с трудом завтрак, ушли на кладбище.

Сергей Константинович слово свое сдержал и крест и фонарь с красной лампадкой были доставлены к 11 часам утра деду, который должен был поставить их у изголовья, после того, как могилка будет закрыта.

Задолго до назначенного часа отпевания стали собираться друзья Никитиных; гробик Миши утопал в цветах. Многие отправились к могилке и обложили ее венками из свежих и искусственных цветов. Хор во главе с Малышевским был в полном составе. Глубоко потрясенные

горем, которое обрушилось на их верную подругу, они, как могли, утешали осиротевших родителей.

— Пойдем, Анна, посмотрим, все ли в порядке в Мишином гнездышке, скоро ведь придет о. Виталий, — сказала шепотом Людмила Георгиевна. Анна покорно последовала за ней.

— Людмила Георгиевна, — в ужасе воскликнула она, бросив взгляд на шейку Миши, — мы не надели ему крестика, что делать?

Когда она сообщила это Елизавете Васильевне, та только всплеснула руками.

— Как мы могли забыть это? Конечно, без креста хоронить нельзя, — и, не сказав больше ни слова, она быстро выбежала из капеллы.

— Еще успею, — думала она и вихрем полетела домой. Вбежав в комнату, она бросилась к комоду, где в небольшом ящичке хранились уцелевшие от продажи несколько золотых вещиц и между ними старинный золотой крестик бабушки Сергея Константиновича. Схватив его, Елизавета Васильевна продела в ушко голубенькую узкую ленту и, не задерживаясь ни минуты дольше, бросилась обратно.

Анна приняла крестик из рук Елизаветы Васильевны и бережно продела ленточку через головку Миши. Крестик заблестел на его груди.

Ровно в два часа появился о. Виталий, всегда такой отзывчивый и чуткий к чужому горю. Он подошел к гробику и, вынув из молитвенника узенькую бумажную ленту, на которой была начертана молитва, обложил ею головку мальчика. Затем начал каждение вокруг гробика. Выражение глубокой печали легло на его открытое мужественное лицо, и чувствовалось, что его душа скорбит при виде скошенной косой смерти молодой жизни, которой не суждено было радоваться ни солнечному лучу, ни быть, в свою очередь, тем живительным лучом, который согревал бы сердца любящих его родителей.

Отпевание началось. И полились звуки заупокойных песнопений, по своей красоте ни с какими другими песнопениями не сравнимых. Потрясающим моментом было вручение усопшему отпускной молитвы. Казалось, что ручки Миши, сложенные на груди, сознательно держат бумагу, вложенную о. Виталием.

— Воздайте усопшему последнее целование — и, поцеловав мальчика, священник отошел в сторону.

С громкими, отчаянными рыданиями бросились к гробику Николай и Анна и ухватились за край его. Казалось, что нет той силы, которая в состоянии оторвать их. Минута полного замешательства. Наконец, Макаренко решительно подходит к Николаю, берет его крепко под руку и силой уводит из капеллы. Это служит сигналом для других. Ростовцва, обняв рыдающую Елизавту Васильевну, по примеру Макаренко выходит с ней на воздух. Вслед за ними Сергей Константинович уводит Анну. Служители поспешно опускают крышку...

На дорожке, перед капеллой, стоит беленький катафалк и по обеим его сторонам — девочки в белых платьях с букетами в руках, перевитыми голубыми лентами. Хор, занявший свое место перед катафалком, поет «Святый Боже . .» За ним о. Виталий. Служители выносят гробик и ставят на катафалк. Процессия начинает медленно подвигаться к месту вечного упокоения.. За катафалком идут Никитины, друзья и толпа любопытных.

С удивлением оглядывается Елизавета Васильевна.

— Где это я видела? — мелькает у нее вопрос. — Белый катафалк... девочки. голубые ленты. Это мальчика хоронят, — сказал кто-то. — Она бросает взгляд в сторону Анны, которая на ее вопрос, наклонившись, шепчет:

— Вот и наша очередь пришла... на все Божья воля...

Катафалк останавливается у раскрытой могилы. Гробик снимают и ставят на дощечки. Краткая лития...

— Сейчас все будет кончено, и Мишенька навсегда скроется под покровом земли, — и не успела это подумать Елизавета Васильевна, как раздался болезненный стон, и Анна, рванувшись к могиле, чуть не свалилась в нее. Подоспевший во-время Макаренко уводит ее в сторону. Могильщики медленно начинают опускать гроб.

Посыпались комья земли на крышку гробика, бросаемые любящими руками, — последний прощальный привет живых...

— Отойдите от могилы и не мешайте людям делать свое дело, — громко объявляет кладбищенский надсмотрщик, и покорная толпа рассыпается по всем направлениям. На скамеечке остаются Никитины, чтобы дождаться, когда вырастет холмик, под которым мирно будет покоиться ненаглядный мальчик.

Попрощавшись, двинулись к выходу с кладбища и хористы.

— Как тяжело, когда ничем не можешь помочь близкому человеку, а это бывает только тогда, когда этот человек теряет любимое существо, — задумчиво заметила Малышевская.

— Это правда, но так, как сегодня, мне никогда еще не было тяжело, — воскликнул Макаренко, вытирая платком свою совершенно лишенную волос голову.

Борщенко, размахивая палкой, еле поспевал за товарищами.

— Петр Иванович, да неужели же ваша голова может покрыться испариной? Ведь она лишена волос, как колено, — с наивным удивлением заметил он.

— А ты не балагань, оглашенный, хотя бы в такие минуты,— сердито огрызается Макаренко, чем вызывает у всех улыбку. Вот они уже за оградой, и голоса их постепенно затихают...

Молодые Никитины уехали через несколько дней в провинцию, так как Николая там ждала большая работа. В квартире, где было столько шума и суеты, воцарилась гнетущая тишина. Андрей не был свидетелем разыгравшейся драмы, так как уехал с соколами в продолжительную экскурсию. Сергей Константинович уходил на службу утром и возвращался домой после шести и у Елизаветы Васильевны было столько свободного времени, что она не знала, чем его заполнить. Утром, позавтракав с мужем, она вместе с ним выходила из дому. У ворот кладбища они расставались: Сергей Константинович шел в канцелярию, а она продолжала идти по главной дорожке до Свято-Николаевской церкви и затем сворачивала налево, к детскому участку кладбища. Здесь ее обычно поджидала Роза, а немного позже к ним присоединялась Екатерина Петровна. Все три принимались за работу.

Могила была уже обложена дерном и выглядела нарядно. На свободной от травы поверхности были посажены гвоздики и анютины глазки. Узенькая тропинка вокруг могилки была посыпана чистым желтым песком. На металлическом кресте висела кружка, в которой всегда были свежие цветы. Утром и вечером они поливали цветы, меняли воду в кружке и очищали песок от осыпавшихся с ближайших деревьев веток и листьев. Забота о лампадке внутри фонарика лежала всецело на деде, который подливал масло и менял фитильки, чтобы огонь никогда не угасал.

И так изо дня в день проводила Елизавета Васильевна несколько часов на кладбище в обществе этих простых, но сердечных женщин, с которыми она вспоминала подробности из жизни дорогого ей мальчика. Иногда она сидела здесь в полном одиночестве с рукоделием или книгой и чувствовала незримое присутствие чистой души ребенка, которая как бы витала над ее головой.

Она сидит и, положив книгу на колени, силится представить себе ту чудную обитель, в которой находится Мишенька, и слезы умиления застилают глаза. Тишина... Над головой слегка шумит ветерок, да изредка птичка вспорхнет и весело зачирикает.. И все эти звуки так гармонируют с ее настроением.

В воздухе прозвучал удар колокола. Пора...

— Спокойной ночи, милый, — она целует крест и медленно направляется в Иверскую часовню. Большая икона Иверской Божьей Матери прямо перед ней. Она подходит к ней совсем близко и погружается в молитву.

— О, Пречистая Дева! Ты, которая испытала величайшее страдание при виде Твоего Божественного Сына, распятого на кресте, Ты не можешь не жалеть каждую страдающую мать, и я молю Тебя об одном: возьми моего мальчика, которого Господь призвал к себе, под Твой покров, под Твой омофор, пусть он вечно стоит возле тебя и служит тебе!

Эта вырвавшаяся из глубины сердца молитва успокоила Елизавету Васильевну, ей стало легче на душе, и она, поцеловав ручку Младенца, перекрестилась и пошла домой. Приподнятое настроение ее не покинуло и тогда, когда она вернулась домой.

Сергей Константинович был уже дома, и она, не дожидаясь вопросов, стала рассказывать ему с большим оживлением о чудно проведенных часах на кладбище и у всенощной.

— Ну, слава Богу, сегодня ты мне напоминаешь прежнюю энергичную и жизнерадостную Лизочку, а то, откровенно говоря, я начинал уже тревожиться. Твое тяготение к уединению не только мне, но и нашим друзьям не по душе. Вчера я встретил Ростовцевых и они меня просили придти к ним с тобой. Ты должна встречаться с людьми, которые дадут другое направление твоим мыслям. Все очень соскучились по тебе и жаждут тебя видеть.

Молча выслушала мужа Елизавета Васильевна.

— Может быть вы и правы, — подумав, сказала она. — Но мне почему-то кажется, что если я буду бывать в обществе, Мише это будет неприятно, как будто я его забываю.

— Пустое, Лизочка, пустое! Живые люди принадлежат живым, и в то же время не забывают и дорогих покойников. Посещай попрежнему его могилку, молись о нем, но не пренебрегай и обществом твоих искренних друзей, которых такое отчуждение огорчает. Я не рекомендую тебе посещения балов, но послушать концерт серьезной музыки, которую ты всегда так любила, было бы тебе полезно во всех отношениях, — и с этими словами Сергей Константинович обнял жену. Впервые после пережитых печальных событий Никитины сели за ужин, оживленно беседуя. Стараясь ни о чем не думать, Елизавета Васильевна с наслаждением растянулась на кровати и быстро уснула...

Она стоит в церкви, перед иконой Божьей Матери. Рядом с ней Миша, и оба они смотрят на лик Богородицы.

— Молю тебя, Пресвятая Дева, возьми моего мальчика под свой омофор, — произносит Елизавета Васильевна. И, о радость! Младенец, сидящий на коленях своей Пречистой Матери, встрепенулся. Вот он ручкой берет край одежды своей Матери и силится покрыть ею головку Миши. Неземная радость наполняет сердце Елизаветы Васильевны, и она просыпается...

С этого дня в ее настроении произошел перелом.

— Что же мне еще нужно? Сердце мое окончательно успокоилось, так как Пресвятая Богородица услышала мою молитву и приняла моего Мишеньку под свой покров.

Она перестала избегать людей, стала снова аккуратно посещать спевки к большой радости хористов и регента. Ложась спать, она неоднократно повторяла:

— Явись мне, Мишенька, во сне.

И Мишенька стал являться. Однажды она его спросила:

— Скажи мне, Мишенька, что ты «там» делаешь? — Ответ был совсем неожиданным:

— Мы учимся, и у меня есть друг по имени Петя.

— А взрослых вы видите? — продолжала спрашивать Елизавета Васильевна.

— Нет, мы только слышим их голоса.

Елизавета Васильевна рассказала о своих снах подругам и это служило им неисчерпаемой темой для разговоров. Впрочем, Мишенька снился только первое время после смерти, а затем перестал, что очень огорчило Елизавету Васильевну. Наилучший врач — время — постепенно залечивал рану и боль притуплялась.

Неизменно ходила Никитина на могилку, которая выделялась среди других своей чистотой и ковром пестрых цветов, которые цвели до морозов. Дни приезда Николая и Анны были днями радости и всей семьей шли Никитины в гости к дорогому покойнику. Вспоминались опять все события в течение его кратковременной жизни, его остроумные замечания, его наблюдательность и любовь ко всему русскому.

— Я узнала давно, что он — не жилец на этом свете, — сказала как-то Роза. — Это случилось в тот день, когда он бегал по дорожке и чертил красной палочкой крестики. — И под давлением воспоминаний об этих необъяснимых явлениях все грустно замолкали.

Прошло три года после смерти Миши. Елизавета Васильевна все чаще и чаще говорила мужу:

— Повидимому, у нас не будет больше внука, — и это обстоятельство огорчило обоих.

Однажды Елизавете Васильевне приснился сон. В кухню входит Анна и несет на руках Мишу.

— Как ты могла его донести, ведь он довольно тяжелый? — удивилась Никитина.

— Нет, он маленький и очень легкий, — ответила та. После этого Никитина сразу проснулась.

Прошло еще некоторое время. Елизавета Васильевна видит себя сидящей у окна. В комнату с шумом врывается Миша, прыгает ей весело на колени и обнимает за шею.

— Довольна ли ты, что я к тебе вернулся? — спрашивает он.

— Еще бы, — а сама крепко прижимает его к себе и думает: теперь я его удержу, во что бы то ни стало.

Но Миша и не выражает желания уходить, а спокойно сидит на коленях. Так и проснулась Елизавета Васильевна.

— Вот это — сон, он, несомненно что-то предвещает, — радостно подумала Никитина.

И вскоре после этого пророческого сна родился тот, которого ждали с таким нетерпением...

Конец

Примечание к гл. 1-ой, часть 1-ая: Топографический институт в Белграде возглавлял генерал Бошкович, большой друг национальной России, пользовавшийся любовью и уважением не только своих сотрудников, но и вообще всей колонии русских эмигрантов в Югославии. (См. стр. 10).

Замеченные опечатки. Страница 10, строка 20-ая сверху: читать **«топографов»**. Страница 190, строку 17-ую снизу, т. е., слова **«прошептал он»**, читать после следующей строки (16-ой снизу).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские люди, которым удалось уйти из коммунистического «рая», были твердо убеждены, что им уж никакая опасность больше не грозит, так как они находятся вне досягаемости власти сатанинского мирового заговора. Увы! уже в конце первого десятилетия пребывания в эмиграции покой их был нарушен и то, что произошло, заставило содрогнуться сердца русских патриотов в Зарубежье, ибо они поняли, что и вне пределов родины — они беззащитны перед красной опасностью.

Сатанинская рука протянулась над далекой маленькой Бельгией и поразила свою первую жертву: доблестного генерала Врангеля, национального героя и борца за честь и независимость России, на которого были обращены с надеждой взоры, как на будущего освободителя родины. Вскоре после этого, попирая все международные законы о неприкосновенности политических эмигрантов, красная рука похитила среди бела дня в Париже, на глазах свободного мира, сперва генерала Кутепова, первого наследника генерала Врангеля, а затем генерала Миллера, его второго наследника, совершенно обезглавив и парализовав таким образом военное национально-освободительное движение заграницей.

Не даром сказал в свое время красный кремлевский диктатор: «кого нам нужно, мы достанем со дна моря, живого или мертвого»...

Иуды-предатели были, есть и будут, вероятно, всегда, и генерал Врангель, погибший от руки предателя, возглавил список жертв, намеченных к уничтожению, а за ним последовали другие, включая до тысяч жертв, предательски выданных на расправу красным палачам в 1945/46 годах.

Когда были похищены в Париже генералы Кутепов и Миллер, тяжелым предчувствием преисполнились сердца беженцев, осознавших свою обреченность. К вопиющим преступлениям демократический мир остался холоден и равнодушен и оказался, тем самым, фактически их соучастником.

В начале второго десятилетия, а именно, в роковой день 9-го октября 1934 года, гром грянул над самой головой русских беженцев, проживавших в Югославии: был убит той же рукой преступных международных заговорщиков любимый ими король Александр I.

Вскоре после этой катастрофы русские в Югославии стали замечать, как знакомая им болезнь распространяется среди населения. Появились подозрительные лица в правительственных учреждениях, в редакциях газет и т. д., принадлежность которых к кругам международного заговора не вызывала сомнений... Со

своих влиятельных постов эти лица способствовали попустительству подрывным элементам и разлагающей пропаганде. С приездом же из Москвы торговой миссии, по стране стали шнырять агенты и развивать пропаганду о райской жизни в Советском Союзе и преимуществах коммунистической системы, осуществляемой «самими трудящимися». Яд впитывался с полным доверием простым народом.

Забыты были все предостережения патриарха Варнавы. Народ изменил своей исконной Свято-Савской вере предков, которая всегда служила ему путеводной звездой на его тяжелом историческом пути и выводила его на верный путь в дни величайших национальных испытаний. И Югославия разделила участь тех народов, которые попали в расставленные им сатанинские сети.

Цепи, наложенные теперь на сербский народ, тяжелее турецкого ига и будущее покажет, сможет ли этот маленький, но героический в прошлом народ стряхнуть с плеч интернациональное коммунистическое иго и вернуться к своему историческому национальному укладу жизни, призвав законного представителя дома Караджорджевичей занять престол своих предков...

Под знаком полного крушения безопасности началось для русских третье десятилетие их жизни на чужбине. Во время второй мировой войны «волк в овечьей шкуре» стал в ряды демократических государств, как равноправный член и «борец за мир, свободу и права человека». По взаимному соглашению странпобедительниц, Балканы были отданы в сферу коммунистического влияния, и Дамоклов меч повис над головой русских беженцев в Балканских странах, в частности, в Югославии. Тяжелое предчувствие стало жуткой реальностью.

Пощады от красных нельзя было ожидать, так как всем было ясно, что преступный интернационал считает русских в Югославии врагом № 1, как людей, не поддающихся ни подкупу, ни пропаганде, твердо стоящих на своей национальной политической платформе и отдающих все свои силы на борьбу с сатанинской властью. Только небольшая группа, не отдающая себе ясно отчета в создавшейся грозной обстановке, воображала, что бояться нечего и утверждала, что и коммунисты сумеют оценить их способности и дадут им возможность работать на пользу своего народа. Оптимизм погубил многих и многих из этих наивных, ставших жертвой произвола сатанистов...

В свирепой радости ворвались вандалы XX века в Белград и сразу же стали разрушать «реакционное гнездо», которое было свято сердцу русского патриота, нашедшего приют в дотоле гостеприимной Югославии.

В первую очередь была захвачена и осквернена церковь — это Святое Святых русских беженцев, которая столько лет была вне досягаемости кощунственных рук. Ворвавшись в нее, представители красного патриарха **освятили** ее, чтобы изгнать из нее, повидимому, злого духа, руководящего нашим духовенством, тем, которое не преклонилось перед палачами русского народа и не отреклось от Христа.

Затем, носители печати сатаны ворвались в Русский Дом — очаг родной культуры, в стенах которого воспитывалась молодежь в вере отцов наших и любви к Великому Отечеству, его истории, его культуре, его традициям. Полному опустошению была предана драгоценная библиотека, с таким трудом собранная русскими людьми в течение многих лет и которая служила неиссякаемым источником духовной пищи русским изгнанникам. Большая часть книг была просто разворована, другая сожжена, и только некоторые уцелели, но были увезены в Москву.

Обезумевшие от страха русские беженцы бросились в соседние государства: Австрию и Германию, которые были накануне полного крушения. Под проливным холодным дождем, утопая в грязи, тянулись эти несчастные с детьми на руках по проселочным дорогам, устилая их своим скудным скарбом, так как

нести его не хватало физических сил. Ни днем, ни ночью не было покоя от сыпавшегося на них града бомб. Местное население голодало и кормить нежеланных пришельцев не было в состоянии. Положение было катастрофическое...

Наконец, в мае 1945 года, был заключен мир и наступила долгожданная тишина.

Русские беженцы расселились по оккупационным зонам западных держав, начали получать продовольственные пайки и стали приходить в себя от пережитых волнений.

Увы, передышка была кратковременна. Новый призрак, хуже голода и бомб, встал перед ними. Это была так называемая репатриация в СССР. По лагерям разъезжали советские репатриационные офицеры и выуживали советских граждан, а им в руку, как правило, играли различные чиновники организации УНРРА, бывшие с ними в негласной связи. Беженцы предпочитали, зачастую, смерть, кончая даже жизнь самоубийством, возвращению под власть красной диктатуры. Попадались в ловушку и старые эмигранты, те, которые не могли на бесчисленных проверках, так называемых «скринингах» доказать, что не являются советскими подданными.

И в этой тяжелой обстановке русские люди проявили много мужества, изворотливости и чувства национального самосохранения. По лагерям образовались комитеты, которые, если в них не проникали предатели-провокаторы, оказывали большую помощь людям в беде и поддерживали в них дух национального сознания.

В особенности действенно и самоотверженно помогал соотечественникам в беде Сергей Владимирович Юрьев, бывший делегат «Лиги Наций» по делам беженцев в Югославии. Он спас многих людей от смерти, сам рискуя при этом серьезными неприятностями.

Он организовал в оккупированной американцами части Германии комитет и возглавил его. Оккупационные власти считались с ним и с его ходатайствами и выдававшиеся им удостоверения старым эмигрантам принимались официальными учреждениями во внимание. Сколько «новых» эмигрантов было спасено от неминуемой смерти выдачей им справки о том, что они «старые»!

Русские люди оценили этого патриота и в 1948 году он был единогласно избран делегатским съездом на пост Представителя Российской Эмиграции и Председателя Центрального Представительства Российской Эмиграции в Германии, на каковом и пробыл до самого своего отъезда в Америку. Перед его отъездом Центральное Представительство получило официальное признание ИРО и властей и, таким образом, уезжая в США, С. В. Юрьев передал своему наследнику на посту Представителя Российской Эмиграции в Германии, Н. Ф. Фабрициусу законченную систему представительства и самоуправления русской колонии в Германии и юридической, административной и социальной взаимопомощи.

Прикрываясь буквой Ялтинского соглашения, правительства демократических государств передали красным палачам верных защитников родины и непримиримых врагов коммунистического интернационала — генералов Краснова, Шкуро, Султан-Гирея и других, а вместе с ними и тысячи доблестных казаков, борцов против поработителей родной земли, их жен, детей и стариков. Страшная бойня в Лиенце, устроенная русским людям британскими солдатами, носившими на своей форме знак монархии — корону, будет записана кровавыми буквами на страницах истории и исполнители этой бесчеловечной расправы будут преданы исторической совестью человечества проклятию.

Трагическую участь выданных в Лиенце и других местах на смерть патриотов разделил и генерал А. А. Власов, который возглавил Русскую Освободительную Армию во время 2-ой Мировой войны, поставившую себе цель борьбы за осво-

бождение России от ига преступного интернационального коммунистического заговора: он был передан на казнь советам американскими военными властями, а вместе с ним переданы были на верную смерть и многие другие генералы РОА и десятки тысяч ее солдат и офицеров.

Во французской зоне оккупации, в Германии и Австрии, при содействии французских военных властей, в первые годы после войны на русских патриотов-антикоммунистов охотились, как на диких зверей, хватая их всеми способами и сдавая советским представителям.

Естественно, что у измученных морально и физически беженцев, изверившихся в чести, порядочности и справедливости западного мира, страшащихся зверских пыток и неминуемой смерти, ожидающих их в случае, если они попадут на родину, появилось одно стремление, навязчиво преследовавшее их: укрыться куда-нибудь подальше, где никто не знал бы их, никто не мог бы их найти, предать, продать и подвергнуть пыткам и умерщвлению.

Русские люди устремились в далекие, заокеанские страны, в Аргентину, Бразилию, Венецуэлу, Канаду, Австралию и, в первую очередь, в Соединенные Штаты Америки. Эта последняя страна, с ее гуманной демократической системой, личной свободой и высоким стандартом жизни, была, в особенности, обетованной землей для измученных русских людей.

Потянулись первые ласточки за океан, за ними другие, и постепенно исход из Европы принял массовый характер. Люди обрели, наконец, спокойствие и сердца их преисполнились благодарности ко всем народам, гостеприимно распахнувшим им двери в свои страны и приютившим их в трудную минуту жизни.

Однако, перед русскими людьми и ныне нередко маячит зловещий призрак преступного заговора и встает страшный вопрос, не протягиваются ли его щупальцы дальше, в свободные страны? Увы, руководители этих стран далеко не всегда отдают себе отчет в реальности этой опасности и попустительствуют ей.

Не странным ли попустительством французских властей свершилось марсельское злодеяние и погиб от руки гнусного убийцы король-рыцарь Александр I?

Не является ли его смерть и сегодня грозным и реальным предупреждением всему миру? К сожалению, свободный мир не учитывает грозящей ему опасности и поступает часто так, как будто и он является покорным слугой сатаны...

Со дня смерти короля Александра прошло свыше двадцати лет, но образ этого трагически погибшего благородного монарха, под покровительством которого столько русских людей так долго прожило в Югославии, живет в русских сердцах и поныне.

Заканчивая повесть из жизни русских в Югославии, от всей души хочется особо почтить память достойного, светлого ее Государя. Русская женщина, талантливая поэтесса Наталья Караваева, прекрасно выразила чувства русских беженцев из Югославии к королю Александру в проникновенном стихотворении.

ПАМЯТИ

КОРОЛЯ АЛЕКСАНДРА I

То не был сон, тяжелый и печальный,
Увы, то явь жестокая была,
Когда над миром тихо прозвучали
Его последние прощальные слова.

Он рыцарем был назван после смерти,
Пред ним весь мир колена преклонил,
Когда ковчег на траурном лафете
Его от нас навеки уносил.

Да, рыцарь был он совести и долга,
И верный им до сени гробовой,
Он путь блестящий, но недолгий,
Прошел дорогою прямой.

В наш век холодного расчета
Один на страже чести был,
И жертвы русского народа
Один в Европе не забыл.

Один не убоялся мести подлой
Сплотившихся подпольных сил,
И за служенье верности и долгу
Своею кровью, жизнью заплатил.

Умом и сердцем великана
Лишь он один понять сумел
Руси безмерное страданье
И наш скитальческий удел.

Вот на портретах взор печальный,
Знакомый взгляд его очей.
В них словно вздох лежит прощальный,
В них словно смерти близкой тень...

**Король Югославии Александр I Караджорджевич,
Объединитель.**

1888 — 1934